Дмитрий Тимофеевич ЯЗОВ

ПОБЕДОНОСЕЦ СТАЛИН

ГЕНЕРАЛИССИМУС В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Британский корреспондент «Би-би-си» Александр Верт работал в Советском Союзе, на фронтах Великой Отечественной войны от ее начала и до конца. В своей книге «Россия в войне 1941–1945» он написал: «24 июня наступил черёд великого апофеоза Красной Армии – на Красной площади состоялся знаменитый Парад Победы. Во время парада сотни немецких знамён были брошены под проливным дождём к подножию Мавзолея Ленина, к ногам победоносца Сталина».

Однако сегодня либеральные СМИ пропагандируют совсем другую точку зрения на И.В. Сталина, голословно и истерично называя его «кровавым тираном» и утверждая, что даже войну советский народ выиграл «вопреки Сталину». И в то же время растет интерес молодежи к вождю, при котором наша страна стала сверхдержавой, а многие люди старшего поколения считают, что только личность, подобная Сталину, может вытащить современную Россию из кризиса.

Каким же на самом деле был Иосиф Виссарионович Сталин? Об этом книга выдающегося военачальника, последнего маршала СССР Дмитрия Тимофеевича Язова. Он – подлинный свидетель сталинской эпохи. Его не обмануть лукавыми цифрами о «миллионах репрессированных», о «тотальном терроре сталинского времени» и «атмосфере всеобщего страха». Он жил в ту эпоху, он видел всё собственными глазами.

Кроме того, автор книги – русский солдат, семнадцатилетним парнем ушедший добровольцем на фронт, не раз глядевший в глаза смерти, всю жизнь служивший Отечеству. Он имеет право говорить о той эпохе, его слово имеет особый вес. И его приходится слушать даже тем, кто порочит имя Сталина.

- Дмитрий Тимофеевич Язов
  -
  - Александр Проханов
  - Только великое прошлое рождает победное будущее!
  - Атака на гения
  - «Вопиюще пренебрегая правдой»
  - «Человек, высеченный из гранита»
  - Россия, Сталин, Сталинград!
  - Дипломатический триумф Сталина
  - Богоданный вождь
  - Победоносец Сталин
  - Анатолий Степанов

Дмитрий Тимофеевич Язов
Победоносец Сталин. Генералиссимус в Великой Отечественной войне

Приношу глубокую благодарность за помощь в издании этой книги

Омскому землячеству в Москве и его президенту С.Н. Бабурину,

генеральному директору издательства «Книжный мир» Д.В. Лобанову,

А.Д. Степанову,

Н.В. Бакланову,

Т.Ю. Ковалевой

© Д.Т. Язов, 2017
© Книжный мир, 2017

Александр Проханов
В чем бессмертие Сталина?

Дмитрий Тимофеевич Язов, человека огромной судьбы, трагической судьбы, представитель той политической элиты из талантливых крестьян и рабочих, которую создал Сталин, говорит о Сталине.

Сталина выскребают из русской истории. Закрашивают ядовитой масляной краской, как маляры замалёвывают церковную фреску.

Но происходит чудо. Сталин по-прежнему является кумиром русской истории, непревзойденным вождем. И добро бы так славили его сталинисты, такие, как Язов, бравшие Берлин, кидавшие к мавзолею штандарты фашистских дивизий. Их дети, их внуки и правнуки сочиняют о нём стихи, пишут книги, рисуют картины.

В чем объяснение? В чем бессмертие Сталина?

Сталин возник из бездонных глубин русского сознания. Запечатлел неискоренимые русские архетипы. Воплотил глубинные коды русского человека, неистребимые, покуда существует Россия.

Сталин создал грандиозное государство, выхватив «русскую цивилизацию» из кромешной бездны, из гражданской войны, из кровавой бесконечности, в которую ухнула русская история после краха Романовых.

Первомайская демонстрация в Лондоне, 1 мая 2009 года

Вся история русских – это летопись обретения государства и его потери, неоглядные беды и траты, связанные с этой потерей, и новые траты – для восстановления павшего государства. Сталин в русском сознании – великий государственник, потребовавший от народа огромную плату за воссоздание территорий от Курил до Минска и от Крыма до Шпицбергена. За возведение заводов, сумевших перевесить индустриальную мощь Европы. За сотворение культуры и армии, способных, каждая по-своему, сберечь целостность огромной страны.

Сталин создал не просто глыбу государства. Он пронизал его мистическим светом, наделил запредельной мечтой, поместил в лучезарный ореол сказочной утопии о вселенской справедливости, о братском равенстве. Не об этом ли грезила веками русская душа, пели свои былины сказители, писали свои свитки старообрядцы, философствовали русские мистики и социалисты?

Он превратил народ в героев и открывателей, объяснив неграмотному крестьянину и чумазому кочегару, запертой в юрту женщине и бездомному побирушке, что им под силу построить «рай на земле». Он сделал из них летчиков и полярников, первоклассных ученых и великих артистов, открывателей новой физики и новой астрономии, учил их строить звездолёты, покорять вершины, побеждать недуги. Он разрушил пределы

достижимого.

Сталин реализовал это Чудо в мистической Русской Победе сорок пятого года. Тогда, на великой крови, на великих слезах и великом ликовании произошёл долгожданный синтез русской истории, сложились все времена от Дмитрия Донского и до маршала Жукова, от победы на Бородинском поле до Сталинградской битвы. Все народы, населяющие Империю Сталина, сочетались в единый народ-победитель. И это солнце, воссиявшее однажды над поколением неповторимых богоносных людей, уже никогда не погаснет в их внуках и правнуках.

Поэтому и тщетны усилия пакостников, уродцев и осквернителей. Поэтому и славен Сталин в русской истории.

Александр Проханов
Сергей Бабурин

Только великое прошлое рождает победное будущее!

Почему сегодня последний Маршал Советского Союза раз за разом обращается к образу Сталина? Что хотел бы объяснить в начале XXI века Дмитрий Тимофеевич Язов народившемуся молодому поколению?

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население…

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год… Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас – это значит обеспечить за нами победу… Паникеры и трусы должны истребляться на месте».

Это слова И.В. Сталина. Знаменитый приказ № 227, отданный им 28 июля 1942 г. Приказ, сурово и беспощадно прекративший отступление. Приказ, который Д.Т. Язов знает не со стороны, не по романам или учебникам истории. Как солдат Великой Отечественной он лично ВЫПОЛНИЛ этот приказ и ПОБЕДИЛ в 1945-м.

Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов не просто один из последних символов Великой Страны, он реальное воплощение СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ И НАРОДУ.

Как воин, он мальчишкой пошел из сибирского села (тогда деревни Язово Омской области) в ноябре 1941 на фронт и в боях с гитлеровскими захватчиками – на линии огня и штыковых атак – выполнил свой солдатский долг. Аттестат об окончании школы получил только в 1953-м, уже будучи майором.

Как офицер, командир советского мотострелкового полка, Д.Т.Язов выполнил свой интернациональный долг, защищая в 1962 году на Кубе не только молодую кубинскую революцию, но и Советский Союз.

Как военачальник, он участвовал в создании тех самых могучих Вооруженных Сил СССР, которых с середины XX века боялись и уважали недруги нашего Отечества. В 1991-м, войдя 19 августа в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), он совершил неоцененный современниками гражданский подвиг, попытавшись спасти преданный партийной номенклатурой Советский Союз: на 20 августа было запланировано юридическое убийство СССР (намечалось создать тот же СНГ, да ещё с М. Горбачевым во главе). Если бы ГКЧП победил, единая страна существовала бы до сих пор. Существовала бы, далеко опередив в процветании народа современный Китай. Но, даже проиграв, ГКЧП своим выступлением продлил существование СССР на полгода.

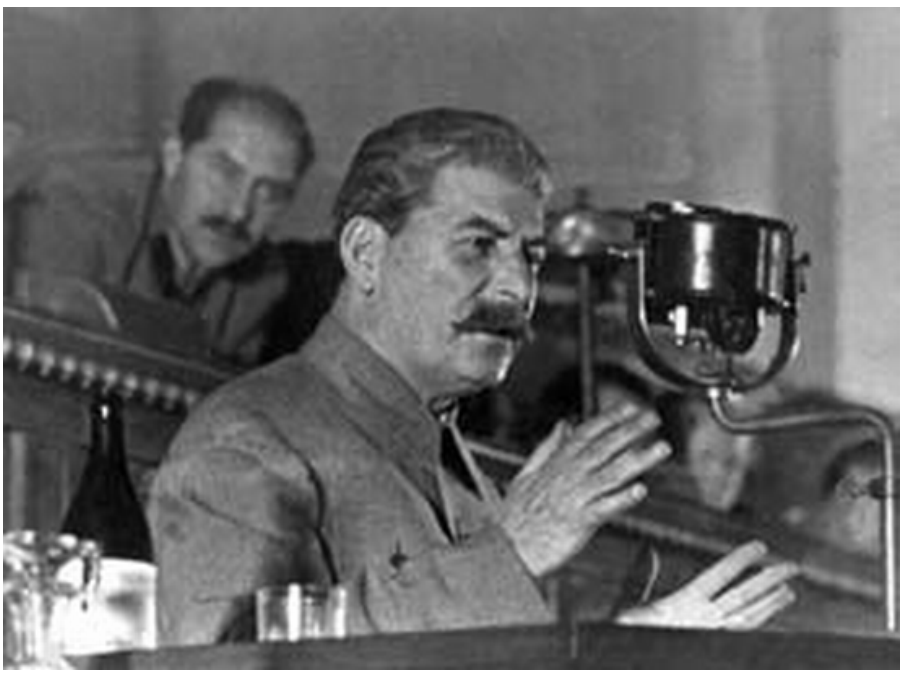
Оболганный, как и другие руководители Советского Союза, Д.Т. Язов, министр обороны СССР, маршал Советского Союза, был арестован и обвинён не только в измене Родине, ради которой никогда не боялся пожертвовать даже жизнью, но и в том, что уходя в 17 лет добровольцем на фронт, он приписал себе год из корыстных побуждений – чтобы в будущем раньше уйти на пенсию. Это не выдумка – таковы были подлости ельцинской эпохи.

Новая книга Д.Т. Язова, которую вы держите в своих руках – доказательство того факта, что Дмитрий Тимофеевич и после своего 90-летия продолжает сражаться за Отечество и его будущее, за правду о Великой Отечественной войне советского народа и правду о полководцах той войны, за умы подрастающего поколения русских людей. И не только за русских, не только за новое поколение всех братских народов былого СССР, но и за общность народов, некогда соединившихся братством по оружию.

Память об Иосифе Виссарионовиче Сталине для Д.Т. Язова – это опора в вихре системных предательств современной эпохи, основа возрождения духа народной Победы.

Д.Т. Язов возвращается и возвращается к образу Сталина не просто в силу ностальгии по своему поколению фронтовиков, для которых авторитет и воля Верховного главнокомандующего были

непререкаемы, и не просто в поиске воспитательного примера из прошлого. Он борется против наветов и клеветы на советскую эпоху, зная, что ложь недостойна существования, тем более, что только правда о великом прошлом может привести наш народ к победному будущему. Ныне, когда внешние угрозы России из политических и экономических норовят перерасти в военные, особенно важно осознавать великий героизм сложного пути русского народа через XX век. Язов не пишет биографию И.В. Сталина, он сочными мазками фронтовика восстанавливает тот образ Сталина, ради которого люди его поколения ходили в атаки на фронтах или вершили в бесконечные дни и бессонные ночи трудовые подвиги. Именно ОБРАЗ СТАЛИНА, сложившийся в народном восприятии вождя.



Выступление И.В. Сталина в Кремле

Россия ныне вновь в опасности. И достойно ответить на внешние вызовы российское общество сможет, лишь преодолев внутренние бесовские искушения. Победа придет только при нацеленной на неё несокрушимой политической воле, опирающейся на великие достижения уже ушедших эпох.

Как написал И.В. Сталин в Приказе № 227: *«Надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие*

разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага…

Ни шагу назад! Таким должен быть наш главный призыв».

Этому Приказу Сталина Д.Т. Язов верен всю свою жизнь.

И – да будет услышано СЛОВО последнего Маршала Советского Союза! Это речь, идущая от сердца, от лица всего поколения Победителей. Пусть прочитают эту книгу сегодняшние российские солдаты и офицеры, потомки украинских антифашистов и потомки бандеровцев, воюющие в Донбассе, потомки советских, американских, английских, французских солдат, освобождавших Европу в 1945-м. Пусть услышат сказанное и сегодняшние жители Европы, многие из которых забыли правду и о Сталине, и о войне.

Мы в России не забудем своих корней и своих героев, никогда не утратим внимания к набату Бухенвальда и слову Солдата.

Сергей Бабурин,

президент Омского землячества в Москве,

народный депутат РФ, заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ 2 и 4 созывов

Атака на гения

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, Вы обратили внимание: в канун дня нашей Великой Победы предпринимается очередная напористая атака на Сталина? На одном телевизионном канале, ссылаясь на Хрущёва, говорят, что он много времени проводил в праздности и попойках. На другом – известный историк Юрий Пивоваров называет сторонников вождя «агрессивно послушным большинством». Ему вторит небезызвестная Алла Гербер. Со дня смерти Иосифа Виссарионовича прошло 62 года, а им всё неймётся…*

Д.Т. Язов: – А чему Вы удивляетесь? Сталин – не просто выдающаяся личность. Сталин – это символ нашего былого могущества, небывалых свершений, рекордов, гигантских строек. Такие люди рождаются, может быть, раз в несколько столетий. Во всяком случае, некоторые историки сходятся на том, что в многовековой истории России Сталин был самым выдающимся государственным деятелем. Ему отдавали должное и его авторитетные современники.

Вот мнение Рузвельта: «Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к Родине, твёрдости духа и самопожертвования, какого ещё не знал мир. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нём своего истинного представителя».

А это свидетельство Черчилля: «Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны во время мира и победоносному защитнику во время войны».

В своих мемуарах Шарль де Голль, касаясь Тегеранской конференции, написал, основываясь на просочившихся слухах: «Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям».

Скажите, было бы это под силу заурядному человеку, каким изображают его вчерашние и сегодняшние ниспровергатели?

Между прочим, оставил свою оценку вождю и такой яркий представитель западного мира, как Генри Форд: «Проекты Петра Великого по сравнению с планами Сталина никнут в своей незначительности».

Корр.: – *На великой могиле изрядно «потоптались» и Солженицын, и Волкогонов, и Радзинский, и сошки помельче. О*

Хрущёве я не говорю – это особая статья.

Что заставляло хулителей Сталина так усердствовать? Умер человек, ну и царство ему небесное, как говорится. А тут такой вой и визг…

Д.Т. Язов: – Причин тут несколько. Часть из них заключена в природе человека. Это элементарная зависть, желание, ниспровергая исполина, самому возвыситься до вожделенных высот, оставить хотя бы таким способом свой след в истории. Но есть, мне думается, причины и посерьёзнее. Сталин был олицетворением общества, в котором мы жили, которое под его руководством построили наши отцы и деды. Так что, ниспровергая Сталина, они сводят счеты с социализмом.

«Сталин, – как пишет А. Голенков в своей пространной статье «Предлагаю объяснить Сталина», – представлял собой некий громадный утес, прикрывавший государство, не сокрушив который, нельзя было разрушить это государство».

Одним словом, причин достаточно. Тут и неутолённая жажда мести за нанесённую когда-то обиду. Тут и просто недалёкие люди, которые хотят вписаться в общий либеральный хор, чтобы не показаться слишком ортодоксальными.

К сожалению, мы оказались бессильными перед этим яростным натиском. Была надежда, что после отставки Хрущёва справедливость, наконец, восторжествует. Не тут-то было. Все последующие наши партийные вожди то ли находились под гипнотическим воздействием хрущёвских откровений, то ли просто боялись сравнения со Сталиным, поскольку оно было не в их пользу.

Ни один из них по интеллекту, волевым качествам, размаху дел и идей, организаторским способностям не мог сравниться со Сталиным. Так или иначе, но всех устраивал этот своеобразный заговор молчания вокруг имени оболганного гения.

Корр.: – *По-моему, простой народ в этом не участвовал. Я помню в 70-е, 80-е годы в кабинах многих грузовиков вместо иконок и других «охранных» атрибутов водители выставляли портреты Сталина. Это была своеобразная демонстрация народной точки зрения?*

Д.Т. Язов: – В те годы еще живы были многие участники войны, ходившие в атаки с именем Сталина. Я сам вместе с другими, идя в атаку, кричал: «За Родину! За Сталина!». С этим именем связывали не только наши победы на фронтах Великой Отечественной, но и успехи в мирной жизни.

Сталин первым в трудное послевоенное время отменил карточную систему, провёл денежную реформу, начал год за годом снижать цены. Люди чувствовали эту заботу, ценили её. И,

естественно, связывали это с именем вождя.

Лион Фейхтвангер в своём отчете о поездке в Москву – книга называлась «Москва 1937» – приводит интересную цифру: средняя реальная заработная плана советского рабочего в 1936 году поднялась по сравнению с 1929 годом на 278 %. Тогда же писатель сделал попытку объяснить явление, которое позже назовут «культом личности». «Не подлежит никакому сомнению, – пишет он, – что это чрезмерное поклонение в огромном большинстве случаев искренне. Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, своё беспредельное восхищение».

Сталин – тема необъятная. Знаменитые сталинские пятилетки «тянут» не на одну книгу. А его дипломатические манёвры с весьма достойными противниками до войны, во время войны и после неё? Р. Баландин и С. Смирнов достойно отразили титанические усилия Сталина на этом поприще. Их книга так и называется – «Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзэдуна».

Корр: – *Говорят, Черчилль предлагал присвоить нашему вождю звание «Сталин Великий»?*

Д.Т. Язов: – Да, был такой момент. Юбилей английского премьера совпал с работой Тегеранской конференции. На приёме, устроенном по этому случаю, юбиляр и внёс столь неожиданное предложение. Знаете, реакцию Сталина? «Почести, которые воздаются мне, – сказал он, – на самом деле принадлежат русскому народу. Очень легко быть героем и великим лидером, если приходится иметь дело с такими людьми, как русские».

Корр.: – *Каким омерзительным контрастом с этой сталинской оценкой выглядят словесные извержения наших либералов. Вот этот грязный плевок оставила нам ушедшая в мир иной Валерия Новодворская: «Русскому народу место в тюрьме».*

Ей вторит ныне здравствующий сподвижник покойной Дмитрий Быков: «…Россия – бросовая страна с безнадёжным населением… Большая часть российского населения ни к чему не способна, перевоспитывать её бессмысленно, она ничего не умеет и работать не хочет. Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости».

Тут же присоединяется и вездесущая Собчак: «… Россия стала страной генетического отребья. Я бы вообще запретила эту страну».

Вообще-то, термин «отребье» как нельзя кстати подходит и самой воинственной либералке, и её друзьям, безнаказанно шельмующим русский народ и его великого вождя.

Кстати, о праздности, в которой он, якобы, пребывал значительную часть времени. В конце декабря 1929 года он пишет

Молотову, извиняясь за задержку с ответом: «Но войди в моё положение: перегружен до безобразия, спать некогда (буквально!)».

Д.Т. Язов: – Работа в те годы была действительно на пределе. Вспомните его слова: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

И закипела работа. Гигантские заводы росли, подобно грибам после дождя. Как у хорошего хозяина, у Сталина всё было под контролем. Он вникал во все детали хозяйственной жизни страны. Здесь для него не было мелочей. Позже, уже во время войны, этот дотошный сталинский подход к делу с удивлением и восхищением отмечал Аверелл Гарриман, бывший тогда послом США в Москве: «Я хотел бы подчеркнуть моё глубокое восхищение способностью Сталина руководить страной в чрезвычайной ситуации – в один из тех исторических моментов, когда от одного человека зависит так много… Он обладал невероятной способностью отмечать мельчайшие подробности и действовать с их учётом… Он в совершенстве знал, какое вооружение наиболее важно для него. Он знал, какого калибра ружья ему нужны, какой вес танков могут вынести его дороги и мосты, он знал в точности из какого металла ему нужны самолёты. Это черты чрезвычайно способного и энергичного военачальника».

Но ведь Иосиф Виссарионович был не только признанным военачальником, но ещё и искусным дипломатом и без всякого преувеличения – гениальным управленцем.

Последнее сквозь зубы, на свой манер, признают даже сталинские недоброжелатели, называя его «эффективным менеджером».

Корр.: – *Интересно, что Гарриман не изменил своего мнения о нашем вожде и после его смерти. Хрущёвские «откровения» известного американского политика не переубедили, чего он никогда не скрывал.*

Д.Т. Язов: – Я хочу вернуть наш разговор в 30-е годы, когда стране предстояло «пробежать» те десять лет, которые отводил ей Сталин. Она их успешно «пробежала», о чем свидетельствуют многие зарубежные источники. В 1932 году американский журнал «Нейшен» писал: «Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения… Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов». Английский журнал «Раунд Тэйбл»: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление… Советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растёт и крепнет… Пятилетний план заложил основы будущего развития и

чрезвычайно усилил мощь СССР». Французская буржуазная газета «Тан»: «Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами… В состязании с нами большевики оказались победителями».

И.В. Сталин осматривает автомобиль «ЗиС», 29 апреля 1936 г.

За годы первой пятилетки было построено 1500 крупных промышленных предприятий. Среди них металлургические заводы: в Свердловске (знаменитый «Уралмаш»), Магнитогорске, Челябинске, Новокузнецке, Липецке, Норильске. Введены в строй тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Хабаровске, Нижнем Тагиле. Сюда можно отнести автомобильные заводы ГАЗ и ЗИС, Днепрогэс – в ту пору крупнейшую в мире гидроэлектростанцию.

Сейчас это кажется невероятным, но в годы первой пятилетки каждые 29 часов в строй вводилось новое предприятие. Вторая пятилетка «укладывалась» в 10 часов. Позже темпы индустриализации ещё увеличились. В третьей пятилетке, которую не удалось завершить из-за начавшейся войны, уже каждые 7 часов страна получала новое предприятие.

Так что, господа злопыхатели, не было у Иосифа Виссарионовича времени не то, что для праздного времяпрепровождения, но иногда, как он сам признавался, и для сна.

Вот этой работой на износ Сталин заложил и основу нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Корр.: – *Среди множества огульных обвинений, выдвинутых против Сталина, едва ли не на первом месте стоит пресловутый культ личности. А что, собственно говоря, плохого в том, что он существует? Это знак высочайшего доверия и уважения народа к своему руководителю. Ни один лидер нашей страны после смерти Иосифа Виссарионовича не удостаивался подобной чести. Хотя некоторые были не прочь.*

Д.Т. Язов: – Знаменитый французский писатель Анри Барбюс, впервые побывавший в Советском Союзе в 1927 году, писал: «В новой России подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берёт свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображён на красных плакатах – рядом с Карлом Марксом и Лениным – это человек, который создал то, что есть и создаёт то, что будет». А вот своеобразное объяснение культа личности, прозвучавшее в одной из церковных проповедей: «…Сейчас много споров ведётся вокруг личности Иосифа Виссарионовича Сталина. Но надо сказать правду, а правда такова, что всё больше и больше в нашем народе идет его почитание… По сути дела он объединил народ вокруг себя. Враги это клеймят культом личности. Нет, это не культ личности, это святое чувство Семьи… Под руководством Сталина народ объединился и почувствовал себя Семьёй».

Сталин и церковь – это особый разговор. К нему можно будет вернуться и поговорить обстоятельнее. А сейчас мне бы хотелось привести небольшой отрывок из выступления Святейшего Патриарха Алексия по случаю празднования 70-летия Иосифа Виссарионовича: «Всякий, кто лично знаком с нашим Вождём, поражается обаянием его личности, он покоряет собеседника своим внимательным отношением ко всякому делу; ласковостью; своей необыкновенной осведомлённостью во всяком деле; силой и мудростью слова; быстрым и благоприятным решением каждого представляемого ему дела и вопроса… Святая Церковь наша имеет в нём верного защитника».

Верного защитника видела в Сталине не только церковь, но и весь народ. Любовь к Сталину, уважение к нему шли из глубины людских сердец. Вот почему невозможно вытравить имя вождя из народной памяти.

Я с особым интересом вглядываюсь сегодня в кадры старой кинохроники, относящиеся к годам царившего в стране так называемого культа личности. На демонстрациях идут молодые, весёлые, раскрепощённые люди. Чувствуется, что у этих людей есть будущее. Собственно говоря, они сами и строят его. Как бы не ёрничали хулители Сталина, жить в Советской стране

становилось, действительно, лучше и веселей. Это подметил зорким писательским глазом и Анри Барбюс, по итогам своей поездки написавший книгу, с коротким названием «Сталин». У нас она была издана в 1935 году. Я уже приводил цитату из этой замечательной книги. Предложу ещё одну, где автор описывает атмосферу московских демонстраций.

Кстати, его впечатления в точности совпадают с кадрами кинохроники той поры. Если, конечно, им удаётся «проскользнуть» на теперешний телеэкран.

Вот свидетельство очевидца: «Этот многочасовой одухотворённый прибой, этот восторг, излучаемый толпами, заполнившими ряды трибун вдоль зубчатой стены Кремля, кипит водоворотом возгласов и восклицаний. У этого водоворота есть центр. Возгласы сливаются в одно имя: «Сталин! Да здравствует товарищ Сталин!». Один из стоящих на мавзолее Ленина подносит руку к козырьку… Человек этот одет в длинную военную шинель, что, впрочем, не выделяет его среди других, стоящих рядом. Он и есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру».

Идущие по площади шеренги представляются французскому гостю как «цепь гордых, счастливых смеющихся и светящихся лиц». У этих людей были все основания для гордости. Досрочно завершена первая пятилетка. Ликвидирована безработица, введён семичасовой рабочий день. Страна вышла на второе место в мире по машиностроению, выплавке чугуна и добыче нефти. Следом за первой последовала вторая пятилетка с её ошеломляющими цифрами. Построено ещё 4500 крупных промышленных предприятий. Именно тогда был вызван к жизни лозунг «Кадры решают всё!» Военные заводы начали выпускать танки, самолёты, другое вооружение. На селе работало 456 тысяч тракторов, 128 тысяч комбайнов, 146 тысяч автомобилей.

И всё это вопреки Сталину? Да ни одному человеку, живущему до Сталина или после него, такой масштаб был бы не под силу. Тот же Хрущёв, взявшись за дело после низвергнутого вождя, довёл страну до того, что начались перебои с хлебом. Он развалил всё, к чему прикасались его руки. Устроил управленческую чехарду, создав совнархозы, разделив обкомы партии на промышленные и сельские, нанёс сокрушительный удар по армии, устроил небывалые гонения на церковь. На хрущёвской ниве щедро всходили только ядовитые анекдоты про «дорогого Никиту Сергеевича».

Известный русский философ Александр Зиновьев, размышляя о Сталине и его времени, не исключал, «что молодёжь ещё будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ… уже

тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами». Вот это и пугает недругов России. Они нагромождают вокруг его имени горы фантастических небылиц. Сталин это предвидел. «Я знаю, – говорил он, – что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её».

Корр.: – *Как Вы думаете, можно сказать, что ветер приступил к своей очистительной миссии?*

Д.Т. Язов: – Думаю, что да. Вы помните, на телевидении затевались два проекта, весьма неоднозначно воспринятых общественностью. В первом пытались определить имя России, второй должен был дать ответ, чьё же имя ассоциируется с победой. Показательно, что этот последний конкурс проходил в преддверии нашей Великой Победы, да и итоги его планировалось подвести к 9 мая. Проводилось интернет-голосование. Заметьте, люди старшего поколения, которых скопом зачисляют в сталинисты, компьютерами не пользуются, за небольшим исключением. Стало быть, судьба проекта и двух славных имён зависели в основном от активности молодёжи. И она сказала своё слово.

На «Имя России» в бесспорные претенденты выходил Иосиф Виссарионович. И в этом была высшая справедливость. Он любил Россию, любил русский народ. Вспомните его тост на приёме в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение…»

Дочь Сталина Светлана Аллилуева отмечала: «Отец любил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы всё русское».

Корр.: – *А я бы привела здесь свидетельство Алана Буллока, знаменитого английского историка. В его словах звучат осуждающие ноты, но как они греют мою русскую душу. «Из Сталина получился великорусский шовинист, который боролся за свержение самодержавия, но не за распад Российской империи… Именно сталинская тяга к имперскому прошлому России оказалась одной из главных движущих сил Великой Отечественной войны: в конце войны он с готовностью присоединил территории, утраченные Российской империей…, расширив границы государства так, как это не снилось ни одному русскому царю».*

Впечатляет? А сегодня мы вместо гордого слова «русский» имеем неуклюжий синоним: россиянин.

Д.Т. Язов: – Сталину до финала дойти не позволили. Сошлись на кандидатуре Александра Невского. Слов нет,

кандидатура достойная, но кто бы вспомнил о ней, спустя несколько веков, если бы не всё тот же Иосиф Виссарионович. Это он в грозные дни ноября 1941 года, когда немцы стояли у стен Москвы, произнёс с трибуны мавзолея: «Пусть вдохновляет Вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Это был легендарный военный парад 7 ноября 1941 года. Под сталинское напутствие прямо с Красной площади войска уходили на фронт. Кто может вычеркнуть из этой суровой истории имя великого вождя и прославленного полководца?

И.В. Сталин на трибуне Мавзолея во время легендарного парада 7 ноября 1941 г.

Британский историк, профессор Джефри Робертс в своей серьёзной и достаточно объективной книге о Сталине сделал такой вывод: «Сталин во время войны руководил страной очень эффективно и успешно… Без его руководства война с гитлеровской Германией, вероятно, была бы проиграна. Черчилль, Гитлер, Муссолини, Рузвельт – всех их с лёгкостью

можно было бы заменить, но только не Сталина».

Корр.: – *С определением второго имени – Победа произошла совсем уж курьёзная история. Организаторы, видимо, решили подстраховаться и, не мудрствуя лукаво, вообще исключили Верховного Главнокомандующего из списка претендентов. А, может, это и к лучшему. Иначе нашему Иосифу Виссарионовичу пришлось бы соседствовать с батькой Махно, князем Тьмутараканским и другими не менее экзотичными персонажами.*

Д.Т. Язов: – Для меня нет ничего удивительного в том, что в представленном списке отсутствует главный организатор нашей Великой Победы Иосиф Виссарионович Сталин. «Творцы» списка действовали по известной схеме, позаимствованной у американцев. Те в свое время также определили 100 великих полководцев. Список, естественно, открывал Вашингтон. Но кого там только не было – и Аттила, и Чингисхан, и Чан Кайши. Нашлось место и Гитлеру. Но Сталина, который победил этого «великого полководца», не было. Включили, правда, двух наших маршалов: Жукова и Конева. Первый занял 74-е место, второй – 56-е.

Им не выгодно вспоминать Сталина. Тогда трещит по швам миф об их решающей роли в разгроме фашизма. А сейчас у них появились последователи в нашей стране. Подтверждением тому служит конкурс, призванный определить «имя Победы».

В списке нет никого, кто бы мог превзойти Сталина. Мне думается, список этот готовили дремучие люди. Да, Жуков – великий полководец. Но разве он может затмить Сталина? Никто, кроме Сталина, не мог на равных разговаривать с Рузвельтом и Черчиллем, проводить конференции, одерживая там блестящие дипломатические победы, добиться открытия второго фронта, а после победы над Германией помочь американцам разгромить Японию. Без нас они бы барахтались там, по их собственным оценкам, от года до двух, потеряв при этом миллион своих солдат и офицеров. А мы обошлись минимальными потерями и закончили войну меньше чем за месяц. 8 августа начались боевые действия, а уже 2 сентября на американском крейсере «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.

Корр.: – *Скорее всего, организаторами конкурса, как в свое время Хрущевым, двигала ненависть к Иосифу Виссарионовичу. Они сознавали, что включить Сталина в этот список – значит «обречь» его на безоговорочную победу. Так уже было, когда пытались определить «имя России». Нетрудно догадаться, кто выступал в роли организаторов этого действа.*

Д.Т. Язов: – Все это делается не только для принижения роли Сталина, но и для оскорбления великого русского народа,

который понес самые большие потери в боях с фашистами и который внес самый большой вклад в нашу Великую Победу.

Сейчас многие высказывают озабоченность тем, что идет неприкрытый пересмотр итогов войны, роли в ней Советского Союза. Ставятся на одну доску Сталин и Гитлер. Объясните мне, какую роль играет на этом фоне предлагаемое нам голосование?

Говорят, о человеке судят по его делам. Вот, к примеру, Махно. Что он сделал для народа, для Родины? Он был просто предводителем бандитской шайки. Помните фильм «Свадьба в Малиновке»? Или возьмем предлагаемого нам Мстислава Тьмутараканского. Кто будет голосовать за человека, о котором никто, кроме узких специалистов, ничего не знает? Еще один герой, Щеня Даниил Васильевич. Знаете такого? И я не знаю.

Корр.: – *Меня умилило присутствие в этом списке нашего былинного богатыря Добрыни Никитича. Илья Муромец при этом отсутствует. Не хватает только Кощея Бессмертного – тоже, между прочим, известный персонаж.*

Д.Т. Язов: – Наша либеральная общественность до сих пор находится под гипнозом лживых хрущевских фантазий. По сравнению со Сталиным Хрущев мелкий, завистливый человек. Ему тоже хотелось быть великим руководителем. Но чтобы быть таким, нужно иметь авторитет, ум, знания. А если нет ни того, ни другого, остается одно оружие – ложь.

Хрущёв утверждал: мы могли победить и без Сталина. Сталин в годы войны был и председателем Совета народных комиссаров, и наркомом обороны, и руководителем Ставки, и Верховным Главнокомандующим, и секретарём ЦК ВКП(б). Не командующие фронтами определяли, где наносить главные удары, а Сталин, Генштаб, Ставка Верховного Главнокомандования. Сталин держал в руках все рычаги снабжения армии необходимыми ресурсами. Решая, какому фронту и сколько дать танков, самолетов, боеприпасов. Поэтому сказать, что кто-то мог победить без Сталина – нелепость.

Возьмите ситуацию в Сталинграде. Немцы заняли почти весь город. Чуйков удерживал лишь небольшую часть у самой кромки Волги. Чтобы окружить и разгромить немцев, понадобилось создать новый фронт. Юго-Западный. Кто мог его создать и обеспечить ресурсами? Жуков? Василевский? Нет. Они вносили предложения, а решения принимал, обеспечивал людьми и вооружением Сталин. Мог Жуков создать 4 танковых корпуса для проведения этой операции? Нет.

А снабжение армии? Все пути были отрезаны. Волга находилась под непрерывным огнём. Что делает Сталин? Он распоряжается снять с Байкало-Амурской магистрали, которую

начали строить еще до войны, рельсы со шпалами и доставить их к месту будущей железной дороги. За полтора месяца построили.

Заменить Верховного Главнокомандующего тогда не мог никто. Без Сталина не проводилась ни одна операция.

А наш первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода? Кто его придумал? Сталин. Он пригласил к себе Штеменко и Воронова: «Не знаете, как раньше отмечали победу?» И Воронов, и Штеменко, люди образованные, отвечают: «Колокольным звоном». «Это нам не подходит. А как Вы думаете, товарищ Воронов, если мы организуем салют в честь нашей победы?» «Это было бы хорошо, товарищ Сталин». «Снаряды есть?» «Есть». «Сколько имеется орудий?» «Сто». «А те 24 орудия, что стоят в Кремле, Вы считали?». «Нет, товарищ Сталин». «Значит, будет салют из 124 орудий».

Сталин был великим организатором. К началу битвы на Курской дуге мы имели перед немцами численное преимущество по самолетам, танкам, всем видам боевой техники. Это обеспечивали наши заводы, можно сказать, из-под носа у немцев вывезенные вместе с рабочими и их семьями из европейской части страны на Урал, в Сибирь, другие восточные регионы.

Корр.: – *Десятки эвакуированных предприятий осели в Омске. Мне рассказывали старожилы, работавшие на железной дороге, как это происходило. Приходил эшелон. Тракторами подтягивали стальные плиты к будущему заводу. Ставили на них станки, подключали электричество и начиналась работа. Рядом горели костры, где можно было обогреть руки. Параллельно возводились стены…*

Д.Т. Язов: – У организаторов конкурса не хватило смелости услышать, какое имя народ на самом деле считает Именем Победы.

Я думаю, уместно будет привести здесь свидетельство автора книги о Сталине Исаака Дойчера: «Многие представители стран-союзников, побывавшие в Кремле во время войны, были поражены тем, по какому количеству вопросов – мелких и значительных, военных, политических и дипломатических – Сталину приходилось принимать решения. Он, по сути, был сам себе главнокомандующим, министром обороны, начальником снабжения, министром иностранных дел и даже руководителем протокола… Таким он был день за днём, на протяжении всех четырёх лет военных действий – образцом терпения, выдержки и бдительности, почти вездесущим, почти всезнающим».

Послушаешь западных историков, писателей, крупных политических деятелей и приходишь к выводу: нередко в их оценках, применительно к Иосифу Виссарионовичу Сталину

больше объективности, чем у иных наших сограждан, наделённых регалиями, апломбом и предвзятостью. Советскому лидеру отдавали должное даже враги. Интересно высказывание Гитлера, сделанное им накануне Сталинградской битвы: «По сравнению с Черчиллем, Сталин – колоссальная фигура. Черчилль ничего не достиг за свою жизнь, кроме нескольких книг и умных речей в парламенте. А Сталин, напротив, достиг – если оставить в стороне вопрос о том, каким идеям он служил – он реорганизовал страну с населением 170 миллионов человек и подготовил её к масштабному вооружённому конфликту».

В другом разговоре он добавил: «Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Сейчас наши враги – по-иному назвать их я не могу – ставят на одну доску Сталина и Гитлера. Для чего это делается? Для того, чтобы оплевать нашу историю, нашу священную войну, нашу Великую Победу. Недавно Познер, автор одноимённой передачи на Первом телеканале, поставил в один ряд Сталина и Гитлера, назвав их величайшими преступниками XX века. Напомню этому господину, что именно Сталин 70 лет назад свернул шею Гитлеру. А что касается возмутительного сравнения, которое позволил себе господин Познер, то «ветер истории» развеет и этот грязный ошмёток.

Корр.: – *Не обольщайтесь, Дмитрий Тимофеевич, есть ещё немало ловкачей, по-хозяйски орудующих в нашей истории.*

Взять того же Юрия Пивоварова, мы упоминали его вначале этого разговора. Он вынес безапелляционный вердикт сразу двум выдающимся персонажам русской истории: представителю «наших великих предков» Александру Невскому и, разумеется – как без него? – Иосифу Виссарионовичу Сталину.

«Богомерзкий Сталин, – заявил он, – создал отвратительный культ Александра Невского».

Хочется спросить – не знаю только у кого – до каких пор будет безнаказанно продолжаться эта отвратительная антирусская вакханалия?».

Д.Т. Язов: – Как заметил Александр Проханов, «Сталина выскребают бульдозером из русской истории». Но при этом никто не трогает Хрущёва – мелкого, злобного, малограмотного интригана. Почему? Да потому, что начни сейчас анализировать «сенсационный» доклад Никиты Сергеевича на XX съезде партии, как рухнет вся эта пирамида лжи, нелепых фантазий, гнуснейших измышлений.

Корр.: – *Но правда потихоньку пробивает себе дорогу. Появилась книга Гровера Ферра, американского историка, по*

косточкам разобравшего доклад Хрущёва и не нашедшего в нём ни слова правды.

Д.Т. Язов: – Я читал это исследование. У нас его, по известным причинам, не афишируют, но мы подробно поговорим об этом позже. А сейчас я хочу вернуться к состоявшемуся в октябре 1964 года Пленуму ЦК КПСС, освободившему Хрущёва от занимаемых им должностей – Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Перед Пленумом товарищи по партии пригласили Никиту Сергеевича на откровенный разговор и высказали ему в лицо всё, что они о нём думают. Остаётся только сожалеть, что прозревшие коллеги слишком долго собирались. Десять лет. Сталин за это время построил мощную державу. Хрущёв же многое из того, что было создано, пустил на ветер. Но послушаем хрущёвских однопартийцев.

Д.С. Полянский: Сталина поносите до неприличия, а сами заболели манией величия.

А.Н. Косыгин: Вам нравятся восхваления. Вы ни с кем не считаетесь. Вам надо уйти.

М.А. Суслов: Всё положительное приписываете себе, недостатки – другим. Пышно расцвёл культ личности. Газеты заполнены вашими выступлениями и фотографиями.

А.Н. Шелепин: Культ личности сложился полностью. Самомнение непомерное. Не брезгуете ничем. Получили шевченковскую премию…

Здесь я прерву поток обвинений, чтобы уточнить, что это за премия. Известно, что в 1938 году Хрущёва избрали Первым секретарём ЦК Компартии Украины. И вот спустя 26 лет, в марте 1964 года спохватившиеся украинцы присуждают дорогому Никите Сергеевичу премию имени Шевченко. «За выдающуюся общественно-политическую деятельность в Украинской ССР».

Корр.: – *Не было ли это наградой за подаренный землякам Крым?*

Д.Т. Язов: – Возможно. Но утверждать не берусь. Меня поражает другое: как такой человек мог оказаться во главе огромной страны? Прав был Шарль де Голль, пророчески произнёсший: «Сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено…» Начало процессу положил Хрущёв.

К сожалению, нашлись и последователи.

Окончательный итог деятельности «дорогого Никиты Сергеевича» на посту главы государства подвёл октябрьский Пленум ЦК КПСС.

«Практика показала, – говорилось в докладе, – что это самохвальство и зазнайство ни на чём не основаны». Отмечалось,

что работе мешала «неосмысленная торопливость, предвзятость и пристрастность в суждениях, озлобленность и способность… пренебрежительно швыряться обвинениями, чрезмерная хвастливость и самоуверенность». А ещё, по мнению бывших соратников, Никита Сергеевич «систематически занимался интриганством, стремился всячески поссорить членов Президиума друг с другом».

Был за ним и такой грех: любил поучать. Едет за границу и учит, как сеять кукурузу, получать высокие урожаи, а там эти урожаи значительно выше наших. И все это знают. Успехи Советского Союза в сельском хозяйстве при Хрущёве были весьма скромными. Запланированный среднегодовой рост продукции вместо 8 процентов достиг всего 1,7 процента. Разрекламированный лозунг «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения» с треском провалился. Тимирязевскую академию наш главный специалист по сельскому хозяйству пытался ликвидировать, так как её учёные не разделяли отдельных хрущёвских новаций. В докладе всё это было названо «позором и результатом невежества»

Кроме склонности к хвастовству и интриганству, которые в один голос отмечали бывшие соратники Никиты Сергеевича, был он чрезвычайно злопамятен. Многие из тех, кого Сталин ценил и отмечал за многочисленные заслуги перед страной, при Хрущёве были разжалованы. Он лишил послевоенного поста маршала Рокоссовского, который в ответ на просьбу очернить вождя, сказал: «Товарищ Сталин для меня святой человек». Известно, как он поступил с маршалом Жуковым, а сколько было других: или отказавшихся погрешить против своей совести, или когда-то «перешедших» дорогу неуёмному ниспровергателю. Иные были обречены не только на забвение, но и в буквальном смысле поставлены на грань выживания. Так он поступил с бывшим командующим нашей Дальней авиацией, маршалом Голованoвым. Отправив прославленного лётчика в отставку и «посадив» его на мизерную пенсию, он обрёк на нищету семью, в которой было пятеро детей. Пришлось, как свидетельствуют очевидцы, жить маршалу «с огорода». Сажал полгектара картошки, завёл корову. А ребятишкам, которые учились в школе в Москве, помогала бывшая домработница, ставшая другом семьи.

После смерти Сталина расправился он и с бывшим секретарём Московской городской партийной организации Александром Васильевичем Щербаковым. На его долю пришлись самые тяжёлые годы работы в Москве, когда в столице было объявлено осадное положение. Он умер в 1945-м. Можно сказать, «сгорел» на работе. Был, как отмечают знающие его люди,

скромным, отзывчивым человеком. В семье осталось трое детей. Младшему было 2 года. Вскоре умерла и вдова Щербакова. Став в 1949 году Первым секретарем Московского Комитета партии, Хрущёв всячески демонстрировал заботу об осиротевшей семье. Но после смерти Сталина лично распорядился лишить семью дачи. Отменено было постановление о сооружении Щербакову памятника в Москве. А зная, что одна из станций метрополитена называется «Щербаковской», потребовал немедленно переименовать её.

Корр.: – *Из этого ряда и другое его требование: срезать с лежащего в гробу Сталина погоны и пуговицы. В это кощунство трудно поверить. Действительно такой случай был?*

Д.Т. Язов: – Не знаю. Но есть очевидцы. Я слышал эту историю от нескольких человек. Многие маниакальную озлобленность Хрущёва связывают с историей его старшего сына Леонида. Тот, якобы, во время войны сдался в плен. И стал сотрудничать с немцами. Сталин дал команду: выкрасть предателя, что и сделали партизаны. Там же его и расстреляли. Об этом пишет бывший охранник Сталина Рыбин, есть и другие свидетельства. Рассказывают, что Хрущёв умолял Сталина пощадить сына. Было голосование. Первым высказался за «смерть предателю» Щербаков. Остальные поддержали…

Корр.: – *И получили за это сполна…*

Д.Т. Язов: – Таков судья. Но для наших либералов он по-прежнему непререкаемый авторитет. Его цитируют, на него ссылаются. А как без этого? Иначе затрещит по швам вся наспех сколоченная система обвинений против великого вождя.

Корр.: – *Потому и бегает на телевидении из передачи в передачу почти штатный антисталинист некий Гозман. Посмотрите, что у него за аргументы? Упырь, вурдалак, вампир. Это о Сталине. А вот знаменитый английский писатель Герберт Уэллс был прямо противоположного мнения о нашем вожде: «Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного. В нём нет ничего тёмного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснять его огромную власть в России».*

Другой, не менее знаменитый англичанин, лауреат Нобелевской премии Бернард Шоу находил, что «Сталин – гигант, а все западные деятели – пигмеи».

Видимо, наши гозманы ничего этого не читали…

Д.Т. Язов: – Лет пять назад наш блестящий публицист Владимир Сергеевич Бушин опубликовал в газете «Завтра» статью, которая называлась «Ваня Гозман – вурдалак». Поводом для неё послужил телевизионный «Поединок» между Геннадием Андреевичем Зюгановым и Гозманом. При подведении итогов

выяснилось: точку зрения Зюганова поддержали более 100 тысяч человек. Гозман со своим антисталинским набором наскрёб 13 тысяч с небольшим хвостиком. «Беспомощность, невежество, убогость Гозмана, – пишет Бушин, – не поддаются описанию». И, обращаясь к Гозману и его сторонникам, заключает: «Вы не умеете и не привыкли работать, искать факты, думать, анализировать. Вы сочиняете вздор и снабжаете им друг друга».

Корр.: – *Вот яркий образчик этого вздора: «Мы победили в войне не благодаря, а вопреки бездарному и преступному руководству Сталина». Это всё тот же Гозман. Знаете, иногда меня посещает крамольная мысль: глядя вот на таких телевизионных гозманов, я думаю, а не специально ли их выпускают? Ведь они вызывают ненависть и к себе, и к своим злобным «открытиям».*

Д.Т. Язов: – Вряд ли это делается специально. Видимо, организаторы подобных передач придерживаются тех же взглядов на нашу историю, что и эти ретивые антисталинисты. А то, что они действительно зачастую вызывают обратную реакцию, видно из примера, который приводит в своей статье Владимир Сергеевич Бушин. Это отклик из интернета: «Сталин – упрёк умственному убожеству и душевной низости. Для них он враг именно потому, что Творец… Любая мразь всегда пытается опорочить творцов».

Корр.: – *Жестковато. Но, может быть, с ними и следует разговаривать на таком языке. Ведь они ни с нами, ни с нашей историей и нашими идеалами не церемонятся. И вот вам очередной пример. На дворе уже не 2011 год, когда Владимир Сергеевич Бушин опубликовал упомянутую здесь статью, а 2016-й. Включаю телевизор, а там всё тот же Гозман, брызжа слюной, твердит: вурдалак, вурдалак, вурдалак… И опять про бездарное сталинское руководство. Вы видели это безобразие?*

Д.Т. Язов: – Я уже хотел поставить точку в нашей беседе, но этот бред, про бездарное и даже преступное руководство Сталиным военных действий, вынуждает меня привести одну малоизвестную цитату. Выступая в январе 1942 года на пресс-конференции в Лондоне посол Великобритании в СССР Стаффорд Крипс сказал: «Сталин показал себя великим вождём и крупным стратегом. Основной стратегический план обороны Москвы и советского наступления – это стратегия самого Сталина. Советский народ питает к нему огромное доверие. Нынешние события потребовали от русских больших жертв и страданий, но дух этого народа теперь выше, чем когда бы то ни было. Я никогда не видел населения, одухотворённого таким мужеством».

Заметьте, это только начало. Московская битва. А впереди

были Сталинград, Курск, Берлин.

Вот теперь можно поставить точку.

Корр.: – *Я бы добавила к сказанному вот эти слова Александра Зиновьева: «Когда я оглядываюсь назад, на этот век, я могу заявить, что Сталин был величайшей личностью нынешнего столетия, величайшим политическим гением!».*

«Вопиюще пренебрегая правдой»

Корр.: – *В одном из последних номеров газеты «Завтра» её редактор Александр Андреевич Проханов рассказывает об истории создания иконы Богоматери «Державной». По просьбе группы энтузиастов её изготовили в Рыбинской иконописной мастерской. Рядом с Богородицей генералиссимус Сталин в окружении своих прославленных полководцев. Они, по словам Александра Андреевича, символизируют священную Победу… Икону привезли в Саратов, на базу дальних бомбардировщиков, и там местный священник отслужил молебен во славу Победы.*

Д.Т. Язов: – Я не перестаю восхищаться тем, с какой отвагой и последовательностью Александр Андреевич защищает нашу священную Победу и её великого организатора Иосифа Виссарионовича Сталина. Не сомневаюсь, что и к созданию этой иконы Проханов приложил свою руку. Он не устаёт повторять, что нашему государству нужна идеология Победы. И со свойственной ему энергией прокладывает ей дорогу.

Корр.: – *Даром ему это не пройдет: наши либералы, конечно же, поднимут истошный крик, пустят в ход свой излюбленный арсенал: репрессии, ГУЛАГ и далее по списку.*

Д.Т. Язов: – А чего ему бояться? За его спиной, как показывают опросы общественного мнения, большая часть населения нашей страны. Народ жалеет о развале Советского Союза и не скрывает своей симпатии к Иосифу Виссарионовичу. В этом плане меня удивил и порадовал отклик в интернете на материал о Сталине «Атака на гения», который был размещен на «Русской народной линии», за что особое спасибо её главному редактору Анатолию Дмитриевичу Степанову.

Так вот об откликах. Я, как вы знаете, с компьютером не дружу. И реакцию интернета на то или иное событие знаю, что называется, понаслышке. А тут молодые друзья распечатали около пятиста откликов, оформили их в несколько увесистых брошюр и вручили мне для знакомства. Поразительно: какое огромное количество людей – умных, серьёзных, начитанных, неравнодушных приняли участие в обсуждении. Большинство участников этого своеобразного интернет-форума разделяют патриотическую позицию. Нашлись и антисталинисты, но они были в абсолютном меньшинстве со своими заезженными аргументами, в которых вместо серьезных доказательств – эмоции, неприкрытая злоба и предвзятость.

Корр.: – *Кстати, эту особенность спора между противоборствующими сторонами подметил в своё время*

известный политик и публицист Виталий Третьяков. Интеллектуальный потенциал антисталинистов, считает он, довольно примитивен и не подвержен развитию. Сторонники же Сталина каждый раз шаг за шагом представляют всё новые доводы, демонстрируя растущий интеллектуальный уровень.

Д.Т. Язов: – Это как нельзя лучше демонстрируют и приведенные ниже отклики. Вот некоторые из них.

«Культ личности? Ключевое слово – ЛИЧНОСТЬ! Сталин – личность. Хрущёв, по меткому определению сатириков, мелкий политический деятель времён космической эры».

«Сталин страшен либералам всех мастей именно своей русскостью, любовью к своей стране и своему народу, желанием сделать эту страну действительно великой».

Один из участников обсуждения даёт совет Познеру, чтобы тот «поразмышлял и выяснил природу такого противоречивого явления – почему люди, много лет отсидевшие в «сталинских лагерях», в большинстве своём никогда не говорили плохо о Сталине? Осмелюсь предположить, что свою беду эти люди воспринимали как ошибку, а рядом с собой «на нарах» видели действительно врагов советской власти и считали репрессии обоснованными».

«Сейчас госчиновники как неотъемлемую часть служения Отечеству воспринимают личное обогащение. Поэтому пинать память Сталина будут на всех уровнях. Ну, не укладывается в их головах – как можно Родину без денег любить».

Можно до бесконечности цитировать эти искренние, от души идущие народные признания…

Корр.: – *Жаль только, что их не читают наши высокопоставленные чиновники, иначе бы им не пришло в голову затевать кампании по десталинизации. Поинтересуйтесь, господа, перед вами самый настоящий срез общественного мнения.*

Д.Т. Язов: – Похоже, на официальном уровне эта кампания пошла на спад. Я бы нашим десталинизаторам порекомендовал прочитать две книги. Желательно, с карандашом в руках, как делал Сталин. Сотни прочитанных им книг пестрят многочисленными заметками на полях.

Автор первой книги известный американский историк Гровер Ферр. Он взял за основу «закрытый доклад» Хрущёва на XX съезде партии. Проанализировав его, выделил 61 пункт обвинений, выдвинутых против Сталина, и ни в одном не нашел правды. Такая вот исчерпывающая ложь.

Книга называется «Антисталинская подлость». К ней я ещё вернусь.

Вторую книгу, «Другой взгляд на Сталина», написал и

опубликовал основатель бельгийской партии труда, историк и коммунист Людо Мартенс. На «свободном Западе» книгу к продаже запретили. Но у нас она вышла в 2010 году под названием «Запрещенный Сталин». Как отмечает автор, она была задумана как прямое противоядие против стандартных нападок на Сталина. В продаже её нет, что свидетельствует о большом спросе на честный и объективный взгляд на исторические события в нашей стране. Но её можно найти в интернете.

Корр.: – *Я думаю, Дмитрий Тимофеевич, что и это Ваше интервью можно рассматривать как своеобразное противоядие против злобных и огульных обвинений нашего великого вождя.*

Д.Т. Язов: – Вот и давайте продолжим. Мы договорились затронуть тему репрессий, поэтому по привычке оттолкнёмся от Хрущёва с его «эпохальным» докладом.

«На протяжении 1937–1941 годов, – вещал он с трибуны XX съезда партии, – в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоёв командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке».

Корр.: – *В 2011 году военный обозреватель «Комсомольской правды» полковник Виктор Баранец организовал дискуссию, в которой принимал участие писатель, историк Николай Добрюха. Речь шла о войне, о роли в ней Сталина и Жукова и, естественно, о пресловутом культе личности. Публикуя материалы дискуссии, газета приводит слова историка, обращённые к собеседникам: «Знаете, откуда для разоблачительного доклада на XX съезде КПСС, где развенчивался культ личности Сталина, брались материалы? Из листовок Геббельса против Сталина! С выдержками из листовок Геббельса почти один к одному идёт доклад Хрущёва на XX съезде!»*

На эту духовную связь обратил внимание и Людо Мартенс. «Сегодня, – пишет он, – почти во всех новомодных буржуазных и мелкобуржуазных публикациях мы находим ту же клевету и ложь о Сталине, что и в нацистской прессе времён Второй мировой войны… Антисталинская кампания, проведённая «демократами» Запада в 1989–1991 годах, зачастую была более яростной и клеветнической, чем та, которую вели нацисты в 30-х годах: сегодня великие достижения коммунистов 30-х годов забыты, и нет тех мощных сил, защищавших советский опыт сталинских времён».

Д.Т. Язов: – Могу сказать одно: стремясь опорочить Сталина, Хрущёв и его сторонники не гнушались никакими домыслами.

Взять тот же его пассаж насчёт почти поголовного уничтожения «испанских» кадров. 24 июня 1945 года маршал Малиновский вёл по Красной площади сводный полк 2-го Украинского фронта. После возвращения из Испании он служил в Белорусском военном округе, работал старшим преподавателем в военной академии имени Фрунзе. Трудился над диссертацией. В марте 1941 года был назначен командиром 48-го стрелкового корпуса. Репрессии Малиновского не коснулись, как и более 98 процентов командных кадров.

Летом 1942 года привёл на помощь Сталинграду свою знаменитую гвардейскую дивизию другой «испанец», Герой Советского Союза генерал Родимцев. На стороне республиканской армии воевал будущий генерал армии Батов и многие другие.

Между прочим, Илья Эренбург, рассказывая о войне в Испании, вспоминал: «Я был в андалузском отряде, где люди сражались насмерть. Они называли свою часть «батальоном Сталина»… Сколько писем итальянских и французских героев сопротивления, написанных перед казнью, кончались словами: «Да здравствует Сталин!»… Он стал знаменем, непогрешимым апостолом, божеством».

Для завистливого «Микиты» такое признание было настоящей костью в горле.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, среди якобы ликвидированных кадров, имевших опыт войны на Дальнем Востоке, Вы упустили главного «фигуранта» – комкора Жукова…*

Д.Т. Язов: – Это общеизвестно. Георгий Константинович Жуков в 1939-м блестяще справился с поставленной задачей на Халхин-Голе и 1941 год уже встречал в должности начальника Генштаба Красной Армии. «Испанский» ветеран Герой Советского Союза Дмитрий Григорьевич Павлов накануне войны командовал Западным особым военным округом. Рассказывая о битве под Москвой, я упоминал имя Героя Советского Союза Льва Доватора, за плечами которого тоже была Испания. Он под Москвой успешно командовал кавалерийским корпусом.

Вы же читали Гровера Ферра: во всём хрущевском докладе, изобличающем Сталина, ни одного правдивого утверждения. Чему же тут удивляться?

И забайкальский опыт, и испанский, и позже финский были тщательнейшим образом проанализированы с участием Сталина. То есть, как деликатно выразился Ферр, «Хрущёв говорил, вопиюще пренебрегая правдой». А правда состоит в том, что сам Никита Сергеевич приложил руку к уничтожению многих

командиров Киевского военного округа в бытность его там первым секретарем ЦК Компартии Украины.

В одном из постановлений Военного совета округа, подписанном в том числе и членом Военного совета, первым секретарем ЦК КП(б) Украины Хрущёвым, говорилось: «Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров. Военный совет ставит главную задачу – до конца выкорчевать остатки враждебных элементов…»

Усердия и бдительности Никите Сергеевичу было не занимать, в итоге из девяти, положенных по штату командиров корпусов «выкорчевали»… девять. Из 25 командиров дивизий уцелел только один. Из четырёх командиров укрепрайонов «обновлено» четыре. И так далее.

Хрущёву нужно было во что бы то ни стало отвести вину от себя. Ведь он, наряду с секретарём Западно-Сибирского крайкома Эйхе, был самым рьяным организатором и проводником этих самых репрессий.

Работая в Москве, он ухитрился обнаружить в Московской области… 41305 «врагов народа» и настаивал на беспощадном их выкорчевывании.

Что же касается Сталина и его якобы активной роли в организации репрессий, приведу здесь свидетельство из интернета Александра Кузнецова. В качестве аргумента он приводит воспоминания приёмного сына Сталина Артёма Сергеева. «Пономаренко мне рассказывал о своей работе в Белоруссии. В частности, говорил, почему Сталин послал его туда. Это было в 1938 году. Иосиф Виссарионович дал ему чёткие указания: прекратить репрессии. «Поезжайте, наведите порядок – остановите репрессии».

И посоветовал, как это сделать: «Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осуждён незаслуженно, то открывайте двери – и пусть идёт домой».

Пономаренко ответил: «Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями». Сталин подтвердил: «Да, конечно. Не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а Первый секретарь ЦК один. И если сразу не поймут, поясните им это».

Пантелеймон Кондратьевич по прибытии на место, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела. И стал осужденных вызывать к себе по одному. Ну, вот такие, например, были заключенные. В деле одного говорится: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально

– действительно. Поскольку, когда в 1920 году произошел передел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Семьи некоторые даже оказались разделены. Этот, ныне осужденный, делает хороший самогон. А на польской стороне сухой закон.

За самогоном к нему приходят с польской стороны… И если хорошо наугощаются, то и ночевать оставались. А иногда он сам несёт им самогон, пересекая, таким образом, государственную границу. Пономаренко, выслушав, говорит: «Иди домой… Свободен…»

Ещё один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка со слова на букву «В», вторая – на «О», третья – на «Ш». В результате акростих получается. «Сталин – вошь». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим: «Вы – неграмотные люди. Вошь пишется с мягким знаком».

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные – это их работа. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал: «Решайте, с какой стороны тюремной стены вам больше нравится….»

Когда Пономаренко докладывал на Политбюро, Сталин сказал: «Передайте товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас еще много». Особенно усердствовавший в репрессиях Хрущёв принял это, видимо, на свой счёт. И встав во главе государства, отомстил. И тому, и другому…

Корр.: – *Многие аналитики считают, что масштабы репрессий сильно преувеличены. Так, Дмитрий Лысков, автор книги «Запретная правда о «сталинских репрессиях»» утверждает, что цифры завышены в 100 раз. Эту позицию разделяет и американский историк Гровер Ферр. Вот что он пишет в своей книге «Антисталинская подлость»:*

«Чудовищные», как то и дело приходится слышать, масштабы репрессий тоже легко объяснимы: Хрущёв и последовавшие за ним историки-антикоммунисты во много раз завысили количество расстрелянных и уволенных в запас командиров Красной Армии в 1937-38 годы. Толковые исследования на эту тему появились ещё в хрущёвские «те 10 лет», а сегодня число таких работ значительно умножилось. Так, благодаря последним из них, выяснилось, что в результате выдвижения новых кадров взамен казненных, арестованных и уволенных в запас командиров Красной Армии значительно возрос как общий уровень военного образования комначсостава, так и количество тех, кто обладал опытом участия в боевых действиях, в том числе прошедших горнило Первой мировой войны».

Д.Т. Язов: – Тут надо исходить из того, что перегибы действительно были. Но и партия, и Сталин серьёзно боролись с нарушениями законности. Так, Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся в начале 1938 года предписывал разоблачать врага, «старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии…» Тогда же прозвучало требование «разоблачать карьеристов – коммунистов, стремящихся отличиться… на репрессиях».

Известна телеграмма Хрущёва Сталину, где он жалуется: «Украина вам посылает по 16–18 тысяч репрессированных ежемесячно. А Москва утверждает 2–3 тысячи. Прошу принять меры. Любящий Вас Хрущёв».

Корр.: – *И тут, надо сказать, мало было равных нашему Никите Сергеевичу. Недаром на одном из представленных им списков Сталин наложил едкую резолюцию: «Уймись, дурак».*

Д.Т. Язов: – Чтобы остудить пыл вот таких сверхбдительных активистов, было принято решение: ни один военнослужащий не может быть арестован органами НКВД, если на это не дал согласия его начальник.

Корр.: – *А как быть с хрущёвским утверждением, что были репрессированы командные кадры от роты, батальона и выше?*

Д.Т. Язов: – Доклад, озвученный на XX съезде партии, Людо Мартенс назвал «преступным мошенничеством Хрущёва».

Корр.: – *Тем не менее, совсем недавно в Москве увековечили память «дорогого Никиты Сергеевича» памятной доской, а ведущий воскресных «Вестей недели» вдохновенно перечислил заслуги бывшего лидера КПСС. Что это, по-вашему, было?*

Д.Т. Язов (смеется): – Не иначе происки либералов. А если говорить серьёзно, нужно быть полным идиотом, чтобы накануне войны подчистую выкосить командные кадры, включая низшее звено. А Сталин уж точно им не был. Мне как-то попала под руку небольшая книжечка А. Голенкова «Предлагаю объяснить Сталина». Он провел дотошное исследование так называемых сталинских репрессий. В «обвинительном приговоре» Сталину демократы первой волны называли 40 тысяч пострадавших. Причём речь шла о высшем командном составе. А в него входят: командиры корпусов и дивизий. Посчитали: не сходится. Уточнили: мол, сюда входят еще командиры полков и батальонов. Наскребли что-то около десяти тысяч?

Но откуда же всё-таки взялась эта цифра: 40 тысяч? Автор предположил, что её «позаимствовали», предварительно округлив, из доклада начальника Главного управления кадров наркомата обороны генерал-лейтенанта Щаденко. Это был отчёт о работе управления, в котором говорилось, что с 1937 по 1939 год

из Красной Армии уволено 36 898 человек. Причины назывались разные: состояние здоровья, возраст, моральная неустойчивость, дисциплинарные проступки и, конечно, политические мотивы. Арестовано было 9579 человек.

Наши либералы твердят, что в Советском Союзе, тем более в сталинскую эпоху, не было никакой демократии. Но вот вам факт. Часть уволенных подала жалобы. Была создана специальная комиссия. В результате к местам службы вернулись почти 12 с половиной тысяч человек. Позже ещё группа военнослужащих была восстановлена в Красной Армии. А из числа арестованных вскоре было освобождено полторы тысячи…

Заслуживает внимания и такой вывод Гровера Ферра: «Из тех немногих свидетельств, что стали известны после распада СССР, явствует, что Тухачевский и осуждённые с ним командиры были действительно виновны в том, что им инкриминировалось». А Вячеслав Михайлович Молотов считал, что «мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны». Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданы, когда все хорошо, когда стране не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они переметнутся».

Корр.: – *Насколько правомерно утверждение, что неудачное начало войны связано с тем, что были устранены опытные военные кадры?*

Д.Т. Язов: – Ответ на этот вопрос дал в своё время Константин Симонов. Не могу с ним не согласиться. «Ответить на то, кто из погибших тогда людей как воевал бы с немцами, как мы и в какой срок победили бы немцев, будь живы эти люди, – всё это вопросы, к сожалению, умозрительные. В то же время существует факт непреложный, что те люди, которые остались, выросли в ходе войны и оказались у руководства армией, именно они и выиграли войну, находясь на тех постах, которые они постепенно заняли».

Нельзя упускать из виду и такое соображение. Заговор против Сталина всё-таки был. Это не плод чьего-то больного воображения. Не проведи Сталин накануне войны эти чистки, может быть, у нас оказался бы в предателях не один Власов. Среди тех, кого освободили перед войной, были такие замечательные командиры, как Мерецков, Рокоссовский, Горбатов, Лизюков. Но были и те, кто пошел служить немцам. У нас не принято было говорить об этом, но свидетельства такие есть. Не всё ясно и с командующим Западным фронтом Павловым. Тот же Ферр пишет, что «генерал Д.Г. Павлов фактически был виновен в подготовке поражения и заговора в

пользу Германии».

В 1943 году в разговоре с Геббельсом Гитлер сказал: «Мы крепко ошиблись в то время, когда думали, что Сталин развалил Красную Армию. На деле всё было как раз наоборот. Сталин избавился от оппозиционеров внутри армии, тем самым, создав гарантии того, что в ней больше не будет пораженческих настроений».

Корр.: – *И Хрущёв, и его позднейшие последователи вменяют в вину Сталину то, что он не готовился как следует к войне и по сути дела «проспал» её. А 22 июня так растерялся, что полностью потерял самообладание и впал в прострацию. Не странно ли это слышать о человеке, обладавшем железной волей и несгибаемым характером?..*

Д.Т. Язов: – …и о котором Черчилль сказал: «Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью, был непревзойденным мастером находить пути выхода из самого безвыходного положения». Тут нет предмета для спора или сомнений. Сталин знал, что война неизбежна и серьёзно к ней готовился. Наша оборонная промышленность развивалась гигантскими темпами. Её доля накануне войны составляла 39 процентов всего промышленного потенциала. Шла модернизация военной техники, создавались новые образцы, по своим характеристикам нередко превосходящие немецкие аналоги. Взять тот же танк Т-34. Гудериан вспоминал: «В ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины. Предложение офицеров-фронтовиков выпускать такие танки, как Т-34, не встретило у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34». Сделаю по ходу два небольших уточнения. Немецкие специалисты не смогли создать аналог броневой стали, которая шла на производство «тридцатьчетвёрок». И что касается сроков: Челябинскому тракторному заводу понадобилось всего 56 дней, чтобы запустить знаменитый танк в производство.

Сталин отодвинул наши западные границы вглубь Европы, вернув потерянные в годы гражданской войны русские земли: Западные Украину и Белоруссию, Бессарабию, добился передачи Советскому Союзу Закарпатской Украины. Блестящий знаток истории, Иосиф Виссарионович использовал такой «несокрушимый» довод: русские в XIII веке потеряли Закарпатскую Украину и с тех пор мечтали её вернуть. Он присоединил Прибалтийские республики. А война с Финляндией?

Нужно было обеспечить безопасность Ленинграда, который от враждебно настроенных финнов отделяло всего 32 километра. Сталин формулировал вопрос со свойственной ему прямотой и четкостью: безопасность Ленинграда – есть безопасность нашего Отечества. И не только потому, что здесь сосредоточено 30–35 процентов оборонной промышленности, но и потому, что Ленинград – вторая столица нашей страны.

Сталин лично вёл переговоры с финским правительством, надеясь решить проблему мирным путём. Проявлял при этом неслыханное терпение. Он просил сдать в аренду на 30 лет участок земли на полуострове Ханко и обменять финскую территорию Карельского перешейка на значительно большую по площади часть СССР. На четыре наших вполне приемлемых предложения финны ответили отказом.

Оценивая сложившуюся ситуацию, крупный военный теоретик XX века Лиддел Гарт писал: «Этот обмен… давал Финляндии дополнительную территорию в 5524 квадратных километра в качестве компенсации за уступку России территорий общей площадью 2760 квадратных километра. Объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьёзного ущерба безопасности Финляндии».

Но финны, подстрекаемые нашими западными «друзьями», упёрлись. Кончилось терпение и у Сталина. Начались военные действия. К марту 1940 года финны запросили мира. В результате граница была сдвинута в сторону Финляндии.

Подводя итоги трёхмесячной войны, Сталин сказал: «Мы разбили не только финнов – эта задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа». Не случайно премьер-министр Франции Даладье сказал, что для его страны «Московский мирный договор – это трагическое и позорное событие. Для России это великая победа».

Корр.: – *Но при этом Черчилль заявил, что Финляндия «открыла всему миру слабость Красной Армии…»*

Д.Т. Язов: – Это ошибочное мнение. Оно относится к январю 1940 года, когда наша армия действительно терпела неудачи в силу разных причин, в том числе и объективных. Но в феврале войска под командованием генерала Мерецкова начали мощное наступление, прорвав считавшуюся неприступной линию Маннергейма. С этого момента, как считает Лиддел Гарт, «поражение Финляндии стало неизбежным. Только капитуляция

могла предотвратить катастрофу».

Интересное сравнение приводит в своей книге «Расшифрованный Сталин» Евгений Резонтов. Он рассматривает осаду и взятие в разное время двух военных твердынь. Взятие нашими войсками «линии Маннергейма» и немцами – крепости Севастополь.

Манштейну в Крыму понадобилось 250 дней. Тимошенко с Мерецковым «уложились» в срок в два с половиной раза короче. Причём немцам четыре штурма нашего легендарного города обошлись в 300 000 погибших. Безвозвратные потери Красной Армии за всю финскую кампанию составили 127 000 человек.

Несмотря на признанную победу, Сталин скрупулёзно проанализировал допущенные просчёты. Это было тем более необходимо, что большая война уже стояла на пороге.

Корр.: – *И по мере её приближения всё ярче разыгрывается фантазия Хрущёва. «В ходе войны и после неё, – говорит он на съезде, – Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности». И далее Никита Сергеевич живописует как все, включая Черчилля, предупреждали Сталина о надвигающейся опасности, но он был глух ко всем предостережениям.*

Д.Т. Язов: – Черчилль в своих мемуарах приводит слова Сталина, относящиеся к этому периоду: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнётся, но думал, что мне удастся выиграть ещё месяцев шесть или около того». Тем более, что начальник разведуправления Красной Армии генерал Голиков докладывал Сталину, что слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны Германии против СССР необходимо расценивать как дезинформацию. А на дворе уже стоял март 1941 года. Три месяца оставалось до начала войны.

Что же касается многочисленных донесений о дате начала войны, то они были противоречивы и не точны. Вот, как например, выглядели сообщения известного разведчика Рихарда Зорге. Сначала в них утверждалось, что нападение будет осуществлено после окончания войны с Англией. Затем срок нападения «переносится» на конец мая. Потом – на вторую половину июня. Дальше следует уточнение: около 15 июня. 20 июня – просто сообщение: «война неизбежна». Часто поступающие сигналы были взаимоисключающими. К тому же накануне войны немцы разработали план дезинформационных мероприятий, чтобы сбить с толку наше командование.

А что касается самого известного предупреждения Зорге о том, что нападение Германии на Советский Союз состоится 22 июня, то теперь выясняется, что это была фальшивка, созданная в годы правления Хрущёва. С какой целью – не трудно догадаться.

Корр.: – *До сих пор речь шла о разноречивых донесениях разведки. Но вот нашу границу перебежал немец, сообщивший точную дату нападения. Об этом немедленно сообщили Сталину, и опять он проигнорировал этот серьезный сигнал. Это я продолжаю излагать аргументы нашего неутомимого докладчика.*

Д.Т. Язов: – И опять ложь. Сталин внимательно отслеживал складывающуюся ситуацию. Не проигнорировал он и сообщение Альфреда Лискова – так звали перебежчика. Обстановка была сложной. Многое указывало на то, что немцы могут использовать какую-нибудь провокацию для начала военных действий. Именно так они «организовали» повод для нападения на Польшу. Тогда группа немецких диверсантов, переодетая в польскую форму, захватила радиостанцию на территории Германии и вышла в эфир с антигерманскими заявлениями. Чтобы скрыть следы, немцы расстреляли своих соотечественников, переодетых в польскую форму. Всё выглядело так, как будто на радиостанцию напала группа военнослужащих польской армии. Что им стоило предпринять нечто подобное и у нас? Вот свидетельство Павла Анатольевича Судоплатова, относящееся по времени к 17 июня 1941 года.

«Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении… Нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача – не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши.

Корр.: – *Крупной провокации избежать удалось. Но ведь какая-то группа диверсантов прошлась по нашим тылам, перерезав связь с Западным фронтом? А Голованов, которого война застала на Западном фронте, рассказывает в своих воспоминаниях, что в воздухе их обстреливали самолеты с красными звёздами на бортах…*

Д.Т. Язов: – Немцы накануне войны создали полк особого назначения «Бранденбург». В его задачу входили диверсии в тылу противника, уничтожение коммуникаций, захват мостов, аэродромов, уничтожение узлов связи, складов с боеприпасами, подрыв железнодорожных мостов и так далее. Одетые в форму

бойцов Красной Армии, они безнаказанно орудовали в тылу Западного фронта. И это при том, что там стояли наши воинские подразделения, способные обнаружить и обезвредить вражеских диверсантов.

Корр.: – *Похоже, беспечность командующего фронтом удивительным образом поразила и его подчинённых.*

Д.Т. Язов: – Горько это сознавать. К войне мы готовились серьёзно. Это факт бесспорный, как бы не изощрялся в своих домыслах Хрущёв. Перед самым началом войны было принято решение преобразовать Прибалтийский, Белорусский и Киевский особые округа в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Позже было решено создать еще один фронт – Южный. Наркому обороны Тимошенко и начальнику Генштаба Жукову предписывалось отдать приказ о приведении в полную боевую готовность всех частей в приграничных округах.

Известная «Директива № 1» гласила: в течение 22–23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев, быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. А дальше за подписью Тимошенко и Жукова шёл перечень конкретных указаний: в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию; все части привести в боевую готовность.

«Всё возможное тем самым было сделано, – пишет известный историк Юрий Жуков. – Дальнейшее зависело только от того, насколько Генштаб подготовил Вооруженные Силы к войне, что и составляло его единственную функцию, от профессионализма, умения, командного состава. Словом, лишь от армии, её выучки, боеспособности. Но армия подвела, не сумела, как флот, выполнить полученный приказ, использовать оставшееся у неё время и, несмотря на четкое предупреждение, оказалась застигнутой врасплох».

Корр.: – *У меня вопрос, который Вам может не понравиться. Я знаю ваше отношение к Жукову. Но разве нет вины и его, как начальника Генштаба, и наркома обороны Тимошенко в разразившейся катастрофе? Почему все «списали» на Сталина? Например, честнейшей из сталинских маршалов Александр Голованов считал, что ответственность за случившееся несправедливо возлагать только на одного человека, она должна быть поделена – как, впрочем, и победные лавры, – между всеми теми, кто занимал в те годы ключевые посты в армии и государстве.*

Д.Т. Язов: – Согласен. Есть здесь вина и Жукова, и

Тимошенко. Но я думаю, что Сталин внутренне разделял с ними эту вину, потому ни тот, ни другой не были наказаны за допущенные просчеты. На мой взгляд, Жуков по складу своего характера не подходил для штабной работы. Другое дело – Шапошников или Василевский. А Жуков – боевой командир, выдающийся военачальник, что он с успехом продемонстрировал в ходе войны.

А теперь о самой войне. Точнее о её начале. Представьте линию фронта длиной более полутора тысяч километров. Наступление ведут 152 немецкие дивизии. На севере их поддерживают 14 финских дивизий, на юге – столько же румынских. А еще войска Венгрии и Италии, других европейских сателлитов. Оперируя современными категориями, тогда, как впрочем и сейчас, против нас ополчился весь Евросоюз, включая наших «братушек».

Корр.: – *Напрашиваются совсем свежие аналогии. Тогда они поддержали Гитлера, а сейчас вместе с новыми хозяевами объявили против нас санкции.*

Д.Т. Язов: – К месту будет вспомнить Фёдора Михайловича Достоевского. Помните? «Нет у России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными… Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации».

Корр.: – *Я бы ещё добавила, что представитель этой самой европейской цивилизации Адольф Гитлер считал славян низшей расой. Он утверждал, что «существование этих людей оправдано только с экономической точки зрения – возможностью их эксплуатации во благо нашего народа».*

Д.Т. Язов: – Но давайте вернёмся к директиве № 1, предписывающей войскам быть в полной боевой готовности. С той или иной долей успеха распоряжение выполнили все командующие округами, за исключением Западного. Им, как вы помните, командовал Герой Советского Союза, генерал армии Павлов. Вот что пишет о происходящем в те дни в округе историк Арсен Мортиросян: «Невзирая на директиву о приведении в полную боевую готовность, несмотря на окончательно установленный факт выдвижения ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции, у нас происходило нечто невероятное». И дальше он приводит примеры со ссылкой на

авторитетные источники. Отдавались приказания отвести танки в парк, снаряды сдать на склад. Тяжёлую артиллерию оставили без тягачей, сливали горючее из баков танков и самолетов. В стрелковых частях до сведения командиров не были доведены планы обороны. Павлов и командующий ВВС округа Копец отдали более чем странный приказ о разоружении самолетов передового базирования, снятии с них всего боезапаса, отправлении лётного состава по домам и так далее.

Корр.: – *Предательство?*

Д.Т. Язов: – Это первое, что приходит в голову. Первоначально этой версии придерживалось и следствие. Ничем иным невозможно было объяснить происшедшее. Арестованных было четверо: командующий Западным фронтом генерал армии Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор Климовских, начальник связи генерал-майор Григорьев и командующий 4-й армией генерал-майор Коробков. Командующий авиацией округа Копец застрелился, увидев, что немцы уничтожили почти все самолёты, которые, вопреки приказу, не были рассредоточены по аэродромам.

Я читал показания всех четверых. Обвинения в предательстве они отрицали. Ошибки признавали, но тут же добавляли, что допущены они были без всякого злого умысла. Всех четверых обвинили «в трусости, бездействии и паникерстве» и расстреляли.

Корр.: – *Но вопросы остались? Так?*

Д.Т. Язов: – Я думаю, дело в том, что многие боевые командиры, проявившие себя в боях на Дальнем Востоке и в Забайкалье, в Испании и Финляндии, успешно командовавшие небольшими подразделениями, – оказались не готовы руководить большими армейскими операциями. Взять того же Павлова. Перед войной командовал полком, бригадой, имел Звезду Героя. Считал, что этого достаточно, чтобы руководить округом. И довольно решительно заявил об этом, когда, среди прочих, рассматривалась его кандидатура. Хотя Воронов – впоследствии маршал артиллерии, на мой взгляд, подходил больше. Но, видимо, на комиссию произвела впечатление уверенность молодого военачальника. И выбрали его. К сожалению, оказалось, что самомнения и апломба для такой должности недостаточно. Известен поразительный по беспечности факт. Павлов был в театре, где шёл спектакль с участием знаменитой тогда Аллы Тарасовой. Всего три часа отделяло сидящих в зале от самой кровавой в истории войны. И обрушиться она должна была в первую очередь на вверенный Павлову округ.

Маршал авиации Голованов приводит в своих воспоминаниях телефонный разговор Павлова со Сталиным, свидетелем которого

он оказался. Видимо, Сталин интересовался положением дел в округе, потому что Павлов отвечал: «Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет». И повернувшись к Голованову, добавил: «Не в духе хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредоточивают войска на нашей границе».

Голованов задаёт себе вопрос, который впоследствии мучил многих: «Как мог Павлов, имея в своих руках разведку и предупреждения из Москвы, находиться в приятном заблуждении?..»

Сам он на свой вопрос и отвечает: «По-моему глубокому убеждению, преданный Родине и партии человек, но взявший на себя дело и ответственность не по возможностям и трагически расплатившийся за это».

Корр.: – *Меня столь деликатные объяснения не убеждают. Думается, что расследование не было доведено до конца. Многие вопросы повисли в воздухе. Но армии нужен был показательный урок и она его получила. Вы согласны со мной?*

Д.Т. Язов: – Отчасти да. Тем более, что появились какие-то новые данные, на которые ссылается Ферр. Но я хочу подчеркнуть, что беспечность, граничащая с предательством, соседствовала с проявлениями настоящего героизма. Мы все знаем историю Брестской крепости. Её героических защитников. Отрадно, что это не осталось без внимания западных историков. Тот же Лиддел Гарт отметил: «Впервые с упорством русских немцы столкнулись при осаде Бреста. Здесь гарнизон старой крепости держался неделю, несмотря на массированный огонь артиллерии и бомбардировку с воздуха, и, прежде чем его сопротивление было сломлено, нанёс тяжёлые потери атакующим войскам. Это был первый, но многообещающий урок, который ясно давал понять, что ожидает немцев в будущем». Генерал-полковник Гальдер в своём дневнике 6 июля 1941 года оставил такую запись: «На отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами».

Корр.: – *Почему-то не нашёл широкого освещения поразительный пример мужества, стойкости, отваги, проявленных бойцами и командирами 63-го стрелкового корпуса под командованием генерала Петровского. Шла 3-я неделя войны. Немцы уже были в Минске, когда корпус переправился на западный берег Днепра, разгромил там немцев, освободил два города – Жлобин и Рогачёв и почти месяц держал в страхе хвалённых*

немецких вояк. Кольцо окружения вокруг корпуса сжималось. За Петровским прислали самолёт с предписанием – вступить в командование армией. Возможно это была попытка спасти Петровского. Но он её отверг. Посадил в самолёт тяжело раненого бойца, сказав: «Оставление в такой тяжёлой обстановке корпуса равносильно бегству». Часть корпуса из окружения вышла, но командир погиб. После войны его с почестями похоронили на белорусской земле.

Соратники генерала, его боевые товарищи, включая Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, ходатайствовали о присвоении Петровскому посмертно звания Героя Советского Союза. Но тогда это не встретило у власти надлежащего отклика. Может, нынешней власти новый герой окажется ко времени? Я побывала и на месте гибели легендарного генерала, и в селе, где он похоронен рядом с боевыми товарищами. Белорусы бережно хранят память об одном из наших общих защитников и героев.

Д.Т. Язов: – Я хотел бы обратить внимание, что иногда хрущёвская ложь входит в противоречие с его собственными рассказами. В марте 1945 года в Москве побывала югославская делегация во главе с маршалом Тито. В её составе был партийный функционер Милован Джилас, оставивший воспоминания, которым он предпослал довольно самонадеянный заголовок: «Беседы со Сталиным». Бесед особых не было, шли переговоры о послевоенном устройстве европейских стран, включая Югославию. Но предприимчивому коммунисту трёх встреч с нашим вождём хватило, чтобы состряпать эти свои «Беседы». Сталина уже не было. «Демократы» Запада и наши во всю топтались на могиле оболганного гения. Не захотел отставать от других и Джилас. Но вот что меня привлекло в его конъюнктурном опусе. Делегация из Москвы – не забывайте, что это ещё 1945-й год – возвращалась в Белград через Киев. Там «дорогих» гостей встречал Первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины Никита Сергеевич Хрущёв. Впечатлением, которое он вынес с этой встречи, будущий автор «Бесед» позже поделился с читателями: «Тогда я не заметил у Хрущёва никакого возмущения Сталиным или Молотовым. О Сталине он говорил с почтением и подчёркивал свою близость с ним. Он рассказал, как Сталин, накануне немецкого наступления, сказал ему из Москвы по телефону, что надо быть осторожнее, так как есть данные, что немцы могут завтра – 22 июня – начать операции.

Сообщаю это просто как факт, а не для того, чтобы опровергать слова Хрущёва о том, что в неожиданности немецкого нападения виновен Сталин».

Вот так, не желая того, один антисталинист разоблачил ложь другого.

Корр.: – *Идём дальше. Хрущёв утверждал, что Сталин не считался ни с чьим мнением…*

Д.Т. Язов: – Это легко опровергают люди, работавшие со Сталиным и в мирное время, и в годы войны. «Сталин всегда опирался на коллективный разум», – утверждает маршал Василевский. Это подтверждает и СМ. Штеменко: «Он признавал авторитет компетентных людей и считался с их мнением». А вот точка зрения Жукова, на которую ссылается Людо Мартенс: «Сталин не был человеком, с которым нельзя было упоминать о трудных проблемах, с кем нельзя было спорить и даже отстаивать своё мнение. Если некоторые люди говорят по-другому, я утверждаю, что их высказывания – ложь. У Сталина были: большая эрудиция, поразительная память, исключительный естественный ум, а также потрясающие широкие знания. Он внимательно слушал, иногда задавал вопросы, отвечал. После окончания прений, он чётко формулировал итоги».

Приведу еще одно свидетельство. Вспоминает маршал Баграмян: «Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: «Отдать корпус!» – и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал».

Об этом же пишет и Иван Степанович Исаков: «Он вел заседания по принципу классических военных советов. Очень внимательно, неторопливо, не прерывая, не сбивая, выслушивал всех… И только в конце, выловив все существенное из того, что говорилось, отметя крайности, взяв полезное из разных точек зрения, делал резюме, подводил итоги».

Корр.: – *Такова правда, которая рано или поздно восторжествует.*

«Человек, высеченный из гранита»

Корр.: – *В заголовок вынесены слова американского президента Рузвельта о Сталине. А мы продолжаем идти по следам непревзойдённого лгуна Никиты Сергеевича Хрущёва. За время, прошедшее с нашей последней беседы, произошло малозаметное в масштабах страны, но весьма показательное событие. В одном из сёл Ярославской области решили открыть музей Иосифа Виссарионовича Сталина. Организаторы идеи предварительно провели своеобразный референдум. В полном соответствии с духом времени. Большинство жителей предложение поддержало. Рассказывая об этой новости, корреспондент Ярославского телевидения предоставил слово представителям местной общественности. Гражданка в зрелом возрасте повторила заезженный набор обвинений из либерального арсенала, зато молоденький паренёк, почти мальчишка, твёрдо заявил, что он – за открытие сталинского музея. Вот он уж точно не станет Иваном, не помнящим родства. И это вселяет надежду, что правда о нашем великом вожде и полководце в конце концов пробьёт себе дорогу.*

Д.Т. Язов: – Я бы начал наш разговор с события, которое на всех советских людей, включая и меня, тогда семнадцатилетнего парня, произвело огромное впечатление. 3 июля 1941 года по радио выступил Иосиф Виссарионович Сталин. Это было во многих отношениях поразительное выступление. Блестящее по изложению, глубокое, серьёзное, с анализом складывающейся ситуации и программой действий на будущее.

«Враг жесток и неумолим, – говорил вождь, – он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры…»

Концовка выступления не оставляла сомнений в победе. «Наши силы неисчислимы. Зарвавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа…»

Корр.: – *Меня в этом выступлении больше всего тронуло начало: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»*

Д.Т. Язов: – Трогает, прежде всего, простота и душевное расположение говорившего к тем, кому были адресованы его

слова. Известно, что Сталин все свои выступления писал сам. Он был человеком высокообразованным и не лишённым литературного дара. А главное, он любил Россию, любил свой народ. И в этом выступлении он обращается не к абстрактной аудитории, а действительно к своим товарищам, к своим братьям и сёстрам. Отсюда и отсутствие казённщины, официального тона. Он был своим в этой многомиллионной аудитории. Побывавший в Советском Союзе Лион Фейхтвангер так объяснял близость вождя к народу: «Сталин – поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нём сочетается сила обоих классов».

В этот суровый для страны час он говорил со своим народом на одном языке. И народ его услышал.

Константин Симонов в романе «Живые и мёртвые» описывает впечатление от сталинской речи. Если Вы помните, это происходит в госпитале.

«Сталин говорил глухо и медленно, с сильным грузинским акцентом. Один раз, посредине речи, было слышно, как он, звякнув стаканом, пьёт воду. Голос у Сталина был низкий, негромкий и мог показаться совершенно спокойным, если бы не тяжёлое, усталое дыхание и не эта вода, которую он стал пить во время речи…

И в несоответствии этого ровного голоса трагизму положения, о котором он говорил, была сила. Она не удивляла: от Сталина и ждали её.

Его любили по-разному: беззаветно и с оговорками, и любуясь и побаиваясь; иногда даже не любили. Но в его мужестве и железной воле не сомневался никто. А как раз эти два качества и казались сейчас необходимей всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны.

Сталин не называл положение трагическим: само это слово было трудно представить себе в его устах, – но то, о чём он говорил, – ополчение, оккупированные территории, партизанская война, – означало конец иллюзий… Правда была горькой, но она была наконец сказана, и с ней прочней стоялось на земле.

А в том, что Сталин говорил о неудачном начале этой громадной и страшной войны, не особенно меняя привычный лексикон, – как об очень больших трудностях, которые надо как можно скорее преодолеть, – в этом тоже чувствовалась не слабость, а сила».

Корр.: – *Английский журналист Александр Верт прилетел в нашу страну на следующий день после этого исторического выступления. Накануне, друзья, провожая его, выразили надежду, что он доберётся до советской столицы раньше Гитлера.*

«4 июля, – пишет Верт, – я был в Москве. Гитлера там не было, и я всё время, что там провёл, ни разу не сомневался, что ему туда и не попасть».

Д.Т. Язов: – Я с интересом прочитал его книгу «Россия в войне 1941–1945». Он даёт объективную оценку событий, происходивших в нашей стране в годы войны. «Я делал всё, что было в моих силах, – писал он, – чтобы рассказать Западу о военных усилиях советского народа». Позиция, достойная уважения. К сожалению, его сегодняшние западные коллеги действуют вопреки правде и объективности. Может быть, не все. Но многие из них.

Александр Верт пробыл в Советском Союзе всю войну. Встречался с нашими замечательными военачальниками: Рокоссовским, Жуковым, Малиновским, Соколовским, Чуйковым, другими участниками сражений Великой Отечественной войны. А проведённую Сталиным массовую эвакуацию промышленных предприятий на Восток он относил «к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны».

Добавлю, что с июля по декабрь 1941 года был произведён демонтаж, погрузка, эвакуация из угрожаемых районов на Урал, в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию 1523 предприятий с рабочими, инженерами, их семьями. Полтора миллиона было использовано одних только вагонов. Всё это сделано в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома о создании Совета по эвакуации. Обратите внимание на дату: 24 июня 1941 года. Идёт третий день войны. Помните? Хрущёв утверждал, что Сталин всё это время находился в прострации.

В данном случае Хрущёв поступал в точном соответствии с рецептами Геббельса: «Для того, чтобы в ложь поверил обыватель, она должна быть чудовищно неправдоподобной, доведённой до абсурда».

Корр.: – *Многие историки, включая западных, называли самым выдающимся качеством Сталина, как военачальника, его способность организовать обеспечение нашей армии материальной частью, необходимой для победы над врагом.*

Д.Т. Язов: – Я приведу цифры. К концу 1942 года – по сравнению с 1941-м – объём ежегодного выпуска винтовок увеличился в 4 раза, танков и артиллерии – в 5 раз, самолётов – в 2,5 раза. Помимо эвакуированных заводов за годы войны было создано 3500 новых. Большинство из них обслуживало военные нужды.

Если дальше продолжать эту тему, то можно добавить: к началу Висло-Одерской операции у нас, по сравнению с

немцами, было в 7 раз больше танков и в 20 раз больше авиации и артиллерии.

Корр.: – *Давайте, Дмитрий Тимофеевич, возвращаться в год 1941-й. Тем более, что там уже во всю «витийствует» Хрущёв: «Было бы неправильно не сказать о том, что после первых тяжёлых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец… Он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам».*

Д.Т. Язов: – А кто же тогда в первые дни войны телеграммой строго предупреждал Хрущёва и командующего войсками Юго-Западного фронта Кирпоноса о недопустимости панических настроений? И не они ли в ответном послании оправдывались и обещали: «Заверяем Вас, товарищ Сталин, что поставленная Вами задача будет выполнена».

Ни эта задача, ни другая, связанные с попыткой освобождения Харькова, не были выполнены. Вот и приходилось валить, как говорится, с больной головы на здоровую. А тут ещё доброхот объявился, некий Элленштейн, добавивший к хрущёвской лжи о Сталине свою порцию: «Целыми днями нагружаясь водкой, он оставался пьяным почти одиннадцать дней». Этот решил, видимо, переплюнуть самого Хрущёва.

Но послушаем бывшего телохранителя вождя А. Рыбина: «Чтобы доверчивые читатели не приняли всерьёз очередной анекдот, на которые Хрущёв был мастак, уточняю: «Сталин пил только вина «Цинандали» и «Телиани». Случалось, выпивал коньяк, а водкой просто не интересовался».

Диву даёшься, до какой низости может опуститься человек. Напомню, что с начала войны Хрущёв, будучи членом Военного совета Юго-Западного фронта, находился на Украине и не мог знать, что делал Сталин, как себя вёл в эти трагические дни. А между тем есть документальные свидетельства, день за днём фиксирующие действия Сталина с 22 июня по 3 июля 1941 года.

Итак, 22 июня, не без ведома вождя, выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации. К июлю под ружьё поставлено 5 миллионов человек. В тот же день, и опять с санкции Сталина, издаётся ещё один Указ «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

23 июня выходит Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о создании Ставки Главного командования. Здесь я ненадолго прерву свой рассказ потому, что одна из хрущёвских версий была связана именно с созданием этого органа. Якобы, пока вождь бездействовал, находясь в прострации, неутомимые соратники самостоятельно его и создали. Не сидеть же, сложа

руки, когда страна в опасности…

Корр.: – *Для таких случаев есть подходящая фраза: комментарии излишни.*

Д.Т. Язов: – Кстати, тогда же при Ставке был организован институт постоянных советников, в который вошли: маршалы Шапошников и Кулик, а также Мерецков, Ватутин, Берия, Вознесенский, Жданов, Маленков, Мехлис и начальник военно-воздушных сил Жигарев.

Но продолжим наш перечень, хотя и без того ясно, что, начиная с первого дня войны, Сталин напряжённо работал.

24 июня вышло уже упомянутое Постановление о создании Совета по эвакуации.

Ещё одно важное Постановление о создании и задачах Советского Информационного Бюро. Подписано Сталиным в этот же день.

27 июня – два Постановления ЦК ВКП(б). Одно – о мобилизации коммунистов в целях усиления идейно-политической работы в Красной Армии. Второе – «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

29 июня партийным и советским организациям прифронтовых областей направляется сталинская директива о мобилизации сил и средств на отпор врагу.

30 июня образован Государственный Комитет обороны во главе со Сталиным. В его состав вошли: Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия.

Вот так выглядит сталинское «бездействие» в первые дни войны.

Корр.: – *Но всё-таки, как же родился этот безумный миф о том, что Сталин, дрожа от страха, укрылся на даче, а когда члены Политбюро пришли уговаривать его вернуться к делам, он, по свидетельству Микояна, вжался в кресло, решив, что они пришли его арестовать?*

Д.Т. Язов: – Адресую Вас к рекомендациям Геббельса. Что касается Микояна, то он – ягода с той же поляны, что и Хрущёв. Недаром существовала хлёсткая присказка: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

Наверное, затевая ложь о сталинском бездействии, ни Хрущёв, ни Микоян не знали о журналах, в которых фиксировалось время приёма посетителей рабочего кабинета Иосифа Виссарионовича. Эти журналы велись с 1924 года по 1953-й. В данном случае нас интересует 22 июня. Вот свидетельство охранника А. Рыбина: «О начале войны Сталину доложил Жуков. Уже в 4 утра вождь приехал в Кремль. Затем

прибыли Жуков и Тимошенко». В 1990 году журнал «Известия ЦК КПСС» опубликовал выдержки из журнала посещения сталинской приёмной с 22 июня по 3 июля. Это как раз те одиннадцать дней, когда Сталину был поставлен безумный хрущёвский диагноз, и он находился в полном бездействии.

Известный историк Арсен Мартиросян не поленился составить полный список посетителей Иосифа Виссарионовича в первый день войны.

В 5 часов 45 минут утра к Сталину зашли сразу пять человек: Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков. Трое последних покинули кабинет в 8.30 утра. Берия освободился в 9.20, Молотов задержался до 12.05. А дальше непрерывным потоком шли новые посетители: Маленков, Каганович, Ворошилов, Вышинский, Кузнецов, Димитров, Мануильский, Микоян, Шапошников, Ватутин, Кулик. Некоторые заходили два раза. Журнал зафиксировал в этот день 29 аудиенций. Секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров, бывший среди первых посетителей, оставил в дневнике такую запись: «Удивительное спокойствие, твёрдость, уверенность у Сталина и у всех других». Это подтверждает и наш знаменитый авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев: «Я очень внимательно всматривался в знакомую фигуру и старался угадать душевное состояние человека, к которому устремлены теперь взоры и надежды миллионов людей. Он был спокоен, в нём незаметно было никакого возбуждения. Чувствовалось, правда, крайнее переутомление, пережитые бессонные ночи… Я никогда не замечал у него растерянности, наоборот, казалось, что настроение у него доброе, отношение к людям терпимое. Он понимал, видимо, что в такие моменты людей нужно поддержать, подбодрить».

Корр.: – *Журнал не зафиксировал посетителей последних двух дней месяца. 29 и 30 июня. Вот за этот пробел и ухватились хулители вождя. Дескать, тут-то его и настигла прострация. Всё это смахивает на какой-то глупый анекдот. Но если столько шума из-за этих двух дней, давайте разберёмся.*

Д.Т. Язов: – Во-первых, Сталин нередко работал на даче. У него и там был рабочий кабинет. А во-вторых, здесь-то и доказывать ничего не нужно. В этот день, 29 июня Сталина здоровым и невредимым видело множество людей, поскольку он с членами Политбюро наведался в Генштаб. Повод для этого был более чем серьёзный. 28 июня немцы захватили Минск. Но ни начальник Генштаба Жуков, ни нарком Тимошенко Сталину об этом не сообщили.

Корр.: – *Не знали?*

Д.Т. Язов: – Если не знали, то грош им цена как руководителям двух основных военных ведомств. Если знали и не сообщили, то тут возникает серьёзный повод для размышлений. В Генштабе состоялся резкий, нелицеприятный разговор с Жуковым и Тимошенко. Настолько резкий, что Жуков, по свидетельству Молотова, даже расплакался.

Известно также, чем занимался Сталин в оставшееся время. 29 июня он ещё подготовил и подписал директиву о развёртывании партизанского движения, а 30 июня уже было опубликовано Постановление о создании Государственного Комитета обороны и положение о нём.

Корр.: – *Остаётся сожалеть, что когда грязная хрущёвская ложь лилась из эфира, с высоких трибун, газетных страниц, среди сталинских соратников не нашлось ни одного, кто бы подал свой голос в защиту оболганного вождя.*

Д.Т. Язов: – Ворошилов и Молотов выступили с особым мнением. Они были не против осуждения культа личности, но предлагали при этом отметить заслуги Сталина. Остальные, видимо, боялись повторить судьбу расстрелянного без суда и следствия Берии. Кроме того жёсткая партийная дисциплина лишала людей всякой самостоятельности и инициативы.

Корр.: – *Не последнюю роль сыграло, наверное, и то обстоятельство, что на первых порах Хрущёва поддержал Жуков. Он, не смущаясь, внёс свою долю мусора на могилу Верховного Главнокомандующего. Не будь этого, может быть, и не удалась бы Хрущёву его омерзительная авантюра.*

Д.Т. Язов: – Я в целом положительно оцениваю Жукова. Прежде всего, как талантливого полководца. Но на меня горькое впечатление произвёл ставший достоянием общественности текст его выступления на несостоявшемся Пленуме ЦК партии. Он в этот момент дул с Хрущёвым, как говорится, в одну дуду. Правда, впоследствии, после смещения Хрущёва, Жуков изменил свою позицию и уже отдавал должное вождю и полководцу.

Вот его оценки послехрущёвского периода: «Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим». И еще: «И.В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела».

Корр.: – *А как вы относитесь к мнению маршала авиации Голованова, считавшего, что когда будут подняты и изучены все архивы по Великой Отечественной войне, то первое место среди*

наших полководцев займёт Константин Константинович Рокоссовский?

Так кто же: он или Жуков?

Д.Т. Язов: – Сталин, по-моему, давно ответил на этот вопрос. Он сказал, что Жуков воевал лучше Конева, но не хуже Рокоссовского.

Какая Вам ещё нужна аттестация? Константин Константинович многих, включая Сталина, привлекал к себе своей порядочностью, вниманием к людям, интеллигентностью, что не исключало его выдающегося полководческого таланта.

Корр.: – *А как Вам такой хрущёвский пассаж: «Сталин был очень далёк от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобождённых городов».*

Д.Т. Язов: – Давайте по порядку. Что касается освобождённых городов, то он был в главном из них – Сталинграде. Проехав по сожженным улицам, пообещал горожанам отстроить город лучше прежнего. Не знал обстановки, потому что не бывал на фронтах? А зачем, скажите, Верховному Главнокомандующему разъезжать по боевым позициям? Я приведу на этот счет точку зрения генерала Штеменко: «Было бы непростительным легкомыслием даже на короткий период покидать Ставку для решения частных вопросов одного из фронтов». Такого же мнения придерживался и Василевский.

Сталин получал информацию не только из Генштаба, наркомата обороны. Ему регулярно присылали свои доклады фронтовые командиры. Кроме того, представители Ставки должны были ежедневно докладывать о положении на фронтах. Однажды Василевский получил серьёзное внушение за то, что вовремя не представил свой доклад. Сталин даже пригрозил, что при повторной оплошности начальник Генштаба может лишиться своего поста.

Василевский проработал бок о бок с Верховным Главнокомандующим почти три года. Поэтому нам особенно ценно его мнение. «Сталин, – вспоминал он, – уделял огромное внимание созданию эффективного стиля работы Ставки. Если мы посмотрим на этот стиль осенью 1942 года, то мы увидим, что он отличался доверием к опыту коллективной работы, высокой степенью исполнительности, изобретательности, постоянным контактом с войсками и точным знанием положения на фронте. Как Верховный Главнокомандующий, Сталин был предельно требователен ко всем и ко всему. Он никогда не прощал беспечности в работе и ошибок при завершении дела».

Был упрёк, что Сталин не знал обстановки на фронтах. Он знал её в деталях. Командующий ВМФ Герой Советского Союза Н.Г. Кузнецов вспоминал: «Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, когда нужно, вплоть до положения каждого полка». И этому есть множество других подтверждений, документально зафиксированных. Вот телеграмма, которую он отправил командованию Западного фронта во главе с Жуковым. «По донесениям штаба Западного фронта 387-я, 350-я и часть 346-й стрелковых дивизий 61-й армии продолжают вести бой в обстановке окружения, и, несмотря на неоднократные указания Ставки, помощь им до сего времени не оказывается. Немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окружённых частях, чем немецкое. Это кладёт пятно позора на советское командование».

Обратите внимание на тон. Сталин спокойно, я бы даже сказал, деликатно указывает подчинённым на промахи, апеллируя к их патриотическим чувствам.

Приведу ещё одно свидетельство того, что Верховный Главнокомандующий, вопреки утверждениям Хрущёва, досконально знал ситуацию, складывающуюся на том или ином участке фронта. В октябре 1942 года, в разгар Сталинградской битвы, он пишет Ерёменко, командующему фронтом: «Я думаю, что вы не видите той опасности, которая угрожает войскам Сталинградского фронта. Заняв центр города и выдвинувшись к Волге севернее Сталинграда, противник намерен… окружить 62-ю армию и взять её в плен… Необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость.

К сожалению, Вы этого не сумели сделать и всё ещё продолжаете сдавать противнику квартал за кварталом. Это говорит о вашей плохой работе».

Корр.: – *Но ведь, насколько я знаю, и на фронт он выезжал несколько раз…*

Д.Т. Язов: – Конечно. Это было в начале войны. Точный маршрут зафиксировал сопровождавший вождя его телохранитель А. Рыбин. Он оставил тёплые воспоминания о Иосифе Виссарионовиче. Называются они «Рядом со Сталиным». Я бы сказал, что надёжнее свидетеля не найти. Так вот: в августе

1941 года Сталин вместе с Булганиным в районе Малоярославца осматривал боевые позиции. Через несколько дней – новый выезд. На этот раз с Ворошиловым и Жуковым. Цель – знакомство с Можайской оборонительной линией. В конце октября Сталин и Ворошилов поехали на боевые позиции шестнадцатой армии. Здесь вместе с Рокоссовским наблюдали за первыми залпами «катюш». В середине ноября – Волоколамское шоссе. Надо ли напоминать, что это был разгар битвы за Москву.

Летом 1942 года – поездка на Западный фронт. Вместе с военными наблюдал за испытанием самолёта, управляемого по радио с земли. Следующая остановка в Гжатске. Совещание в штабе Западного фронта. Дальше переезд в Юхнов. Ещё одно совещание, на этот раз с артиллеристами. И, наконец, Ржев. Совещание у командующего Калининским фронтом генерала Ерёменко. После чего следует указание в Москву: оказать помощь Калининскому фронту.

Могут спросить: была ли необходимость в этих поездках? Я думаю, что причина, по которой Сталин принял тогда это решение, носила скорее психологический характер. Поддержать людей морально, показать, что он с ними, разделяет общую беду и опасность.

Корр.: – *Да, говорят, что Иосиф Виссарионович был превосходным психологом. Чего стоит одно только его решение остаться в Москве, когда всё висело на волоске…*

Д.Т. Язов: – Напомню, во время войны Сталин тянул воз, который не под силу простому смертному: стоял во главе партии и правительства, возглавлял ГКО и наркомат обороны, был талантливейшим Верховным Главнокомандующим. В качестве дополнительной нагрузки у него было ещё одно любимое детище – авиация дальнего действия. Её командующий Голованов вспоминал: когда экипажи улетали бомбить Берлин и другие вражеские города, Сталин не ложился спать, пока последний самолёт не вернётся на свой аэродром.

Корр.: – *Я читала воспоминания Голованова. Замечательно честная книга. Тогда родилась трогательная традиция обмена радиограммами. Сбросив бомбы в центре Берлина, дважды Герой Советского Союза Александр Молодчий докладывал: «Москва. Сталину. Нахожусь в районе Берлина. Задание выполнено. Молодчий». Ответ: «Ваша радиограмма принята. Желаем благополучного возвращения». Излишне говорить, насколько окрыляет такая поддержка в минуты смертельной опасности.*

Д.Т. Язов: – Рокоссовский вспоминал: «Внимание Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А тёплый отеческий тон подбадривал, укреплял

уверенность».

Корр.: – *А как насчёт того, что Сталин планировал операции по глобусу?*

Д.Т. Язов: – Бред несусветный. Это подтверждает и Маршал Советского Союза К.А. Мерецков: «В некоторых книгах у нас получила хождение версия, будто И.В. Сталин руководил боевыми операциями «по глобусу». Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать». Я приводил уже рассказ Василевского о методах работы Главнокомандующего. Могу привести ещё свидетельство Жукова: «Невозможно было идти к Сталину без чёткого представления ситуации, отражённой на карте и сообщить непроверенную или (что было намного хуже) искажённую информацию. Сталин не терпел ответов наугад. Он требовал предельной точности и ясности». Известен случай, когда Жукову пришлось убедиться в этом на собственном опыте. Дело было на Западном фронте. Он докладывал обстановку, показывая на карте линию обороны. Вдруг Сталин прервал его вопросом: «Что это такое?» Оказалось, Жуков не заметил, что офицер, наносивший на карту линию обороны, по ошибке часть её провёл по …болоту. Желательно, заметил Иосиф Виссарионович, чтобы сюда приходили с точными данными.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, мы с Вами не коснулись харьковской катастрофы. А ведь это ярчайший пример того, как ловко можно переложить вину с больной головы на здоровую. Но сначала давайте послушаем Хрущёва. «Я позволю себе привести… один характерный факт, показывающий как Сталин руководил фронтами… Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжёлые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова… Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный «гений» Сталина».*

Д.Т. Язов: – Хороша логика. Виноват Сталин, а они с Тимошенко – невинные жертвы обстоятельств. Василевский считал хрущёвскую версию лживой. Этой же точки зрения придерживался и Жуков. Даже Волкогонов, которого никак не причислишь к почитателям вождя, считал, что, либо Хрущёву изменила память, либо он лгал, чтобы «задним числом создать себе историческое алиби».

Известно письмо Сталина командованию Юго-Западного фронта. Начинается оно с выговора начальнику штаба Баграмяну, который «не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба…, но… и как простой информатор, обязанный честно и

правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте.

В течение каких-либо трёх недель, – продолжал Сталин, – Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел ещё отдать противнику 10–20 дивизий… Понятно, что дело здесь не только в Баграмяне. Речь идёт также об ошибках всех членов Военного Совета и, прежде всего, тов. Тимошенко и тов. Хрущёва.

Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе с потерей 18–20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает ещё переживать, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто».

Корр.: – *Получается, мы заслушали точки зрения обвинителя и обвиняемого. Хотелось бы услышать предысторию вопроса.*

Д.Т. Язов: – Если коротко, то дело обстояло так. Разрабатывая стратегию на 1942 год, Ставка пришла к выводу, что сил на крупное наступление пока нет, поэтому следует перейти к стратегической обороне. Это была точка зрения начальника Генштаба Шапошникова. Её разделял и Сталин. Однако полное бездействие его не устраивало и он, по словам Жукова, заявил: «Не сидеть же нам в обороне, сложа руки, не ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов… и прощупать противника».

Было принято решение провести ряд частных наступательных операций, включая Харьковскую. Командующий войсками Юго-Западного направления Тимошенко заявил, что «войска этого направления сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на юго-западном направлении упреждающий удар…» Шапошников предлагал воздержаться от этой операции, однако, по словам Василевского, «командование направления продолжало настаивать на своём предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на её проведение».

12 мая войска Юго-Западного направления перешли в наступление на Харьков. Начало было успешным. А дальше послушаем Жукова: «Но из-за нерешительности командования Юго-Западного фронта в отношении ввода в сражение танковых соединений операция дальнейшего развития не получила. Этим незамедлительно воспользовался противник».

И.В. Сталин и Б.М. Шапошников

Василевский, временно исполняющий обязанности начальника Генштаба, узнав о критической обстановке, немедленно доложил Сталину, предлагая прекратить наступление. Тот переговорил с Тимошенко, который в очередной раз заверил Верховного Главнокомандующего, что мер, принимаемых командованием, вполне достаточно.

Однако, 18 мая обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась и Генштаб ещё раз высказался за прекращение операции. Жуков, присутствующий в Ставке, стал свидетелем разговора Сталина с Тимошенко. «Хорошо помню, что Верховный

предлагал С.К. Тимошенко прекратить наступление….» Но тот «доложил, что Военный Совет считает опасность… явно преувеличенной и, следовательно, наступательную операцию прекращать нет оснований». В тот же день Сталин переговорил и с членом Военного Совета Хрущёвым. Тот тоже подтвердил, что опасность сильно преувеличена и оснований для прекращения операции нет. Лишь 19 мая Тимошенко отдал приказ прекратить наступление. Но было уже поздно.

Несколько дней отделяло наши войска от полной катастрофы. Немцы окружили и по большей части уничтожили три наших армии. По немецким источникам в плен попало 200 000 бойцов и офицеров Красной Армии. По нашим данным потери составили более 277 000 человек, из них более 170 000 погибло. Кроме того, в этом сражении мы лишились 1200 танков и 2100 орудий. Потери вермахта составили 20 тысяч человек.

Так, что у Хрущёва были все основания, как говорится, заметать следы. Кстати, по этому поводу Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» высказался так: «Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных Советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствуют действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах И.В. Сталина по ВЧ с Н.С. Хрущёвым».

К сказанному можно добавить свидетельство телохранителя Сталина Рыбина: «А разве мог Хрущёв забыть унижения, испытанные после бегства из-под Харькова, где он, член Военного Совета Юго-Западного направления, бросил окружённые немцами войска и улетел в Москву? Еле-еле при помощи своих дружков отвертелся от суда Военного трибунала и целых полгода не показывался на глаза Сталину… И Хрущёв за всё отомстил…, свалив на покойного собственные преступления. Сколько людей уничтожил собственной властью, когда возглавлял трибунальские тройки…»

Поражение на Юго-Западном направлении отрицательно сказалось на дальнейших планах летней кампании 1942 года.

Корр.: – *То есть впереди нас ждал Сталинград и, как выразился Джеффри Робертс, «Величайшая битва последней великой войны доатомных времён». Но об этом, думаю, Вы расскажите в следующей части. А сейчас я попрошу Вас прокомментировать вот такую точку зрения: мол, войну мы выиграли во многом вопреки Сталину. Родоначальником этого бреда, без сомнения, является творец «оттепели» Хрущёв. На том самом «историческом» съезде он заявил: «Не Сталин, а вся партия, Советское правительство, наша героическая армия, её*

талантливые руководители и храбрые солдаты, весь советский народ – вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне».

Д.Т. Язов: – А позвольте спросить: кто руководил упомянутыми партией и правительством в годы войны? Кто был Верховным Главнокомандующим нашей героической армии? И с чьим именем она ходила в атаку? Сам ходил. Знаю. Кто организовал эвакуацию на Восток промышленных предприятий? А ведь именно Сталин, помимо своих многочисленных обязанностей, возглавлял ещё и транспортный комитет. Может, потому эта операция и прошла столь успешно, а героическая армия и её талантливые руководители получали в необходимых объемах танки и самолёты.

Корр.: – *Трудно удержаться от реплики про оставленные врагу 1200 танков во время Харьковской операции. Кто их потом возместил? Эта балаболка с партийным билетом в кармане?*

Д.Т.Язов: – Ложь была настолько очевидной и беззастенчивой, что известный западный историк и политический деятель Людо Мартенс не удержался от ехидного замечания: «Не Сталин! Не Сталин, а вся партия. А вся партия, по-видимому, получала приказы и распоряжения от Святого Духа».

«Факты, – пишет Людо Мартенс, – опровергают лживое заявление Хрущёва о том, что Сталин не подготовил страну к войне должным образом». И в подтверждение своих слов приводит факты: «Российский оборонный бюджет почти удваивается каждый год. Стратегические материалы, машины, горючее, продовольствие и запасные части в огромном количестве поступают в госрезервы. Красная Армия выросла с 2-хмиллионов в 1938 году до шести или семи миллионов к весне 1941 года. Строительство железных дорог, заводов и фабрик спешно налаживалось на Урале, в Средней Азии и в Сибири… Утверждения Хрущёва о том, что Сталин «отдал приказ не отвечать на огонь немцев» были очевидной ложью, – продолжает Мартенс. – Если Сталин был поражён, когда услышал о том, что началась война, то как же «после 22 июня 1941 года и в течение всей войны Сталин твёрдо управлял страной, руководил вооружённой борьбой и международными делами вместе с Центральным Комитетом и Советским правительством…

Развивая свои политические интриги, Хрущёв расписал тот период, как серию преступных ошибок Сталина, который полностью расстроил оборону… Важный факт состоит в том, что поставленные в очень трудные обстоятельства, армия и её руководящие кадры оказали невероятное, непреклонное сопротивление. Эта героическая борьба стала создавать прямо с первых дней войны условия для поражения блицкрига. Всё это

было возможным во многом, благодаря решительному сопротивлению Сталина».

В отличие от коммуниста Мартенса, Аверелл Гарриман был типичным американским империалистом, но и он, рассуждая о Сталине, заявил: «Я находил его лучше осведомлённым, чем Рузвельт, более реалистичным, чем Черчилль, и, в определенной степени, самым эффективным лидером времён войны». Кстати, Александр Зиновьев заметил: «Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году».

На какие только уловки не пускались недоброжелатели Иосифа Виссарионовича, чтобы опорочить великого вождя. Вот показательный пример из книги Владимира Сергеевича Бушина «Победители и лжецы»:

«Волкогонов приводит документ, якобы обнаруженный им в архивах ЦК. Это рассказ офицера охраны о том, что творилось в первые дни войны в окружении Сталина: «Ничто там не было истинным кроме страха, страха во всех его оттенках. Вождь являл собой страшную картину: он передвигался с трудом и неуклюже выбрасывал верхнюю часть туловища вперёд, волоча ноги. С трудом он мог сохранять равновесие. Левая рука ему не подчинялась, а правая постоянно дрожала. Глаза были налиты кровью. С уголков его губ часто стекала слюна – жалкая и отвратительная картина».

Оказалось: это записки немецкого офицера из Ставки вермахта, относящиеся к марту 1945 года. И речь в них идёт о Гитлере».

Подобные манипуляции Гровер Ферр называл «Преступным мошенничеством».

Маршал Василевский, говоря о Сталине, отмечал: «Бесспорной его заслугой является то, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего, Советские вооруженные силы выстояли в оборонительных сражениях и столь блестяще провели наступательные операции. И, однако, он, насколько я могу судить, никогда не говорил о своём личном вкладе. Звания Героя Советского Союза и генералиссимуса были присвоены ему по письменному представлению фронтовых командиров… Обо всех просчётах, допущенных во время войны, он рассказывал народу открыто и честно».

Корр.: – *Я читала, что от звезды Героя Советского Союза он отказался, мотивируя это тем, что героических подвигов на фронте не совершал. Носил только одну звёздочку – Героя социалистического труда. Под напором соратников согласился на звание генералиссимуса. Потом, по свидетельству Молотова,*

жалел об этом.

Д.Т. Язов: – По натуре своей он был чрезвычайно скромным человеком. Никогда не говорил: «Я сказал», «Я сделал». Всегда только – «мы». За регалиями не гнался, и наград у него было меньше, чем у его маршалов.

Писатель А.Н. Толстой отмечал: «Сталин исключительно скромен. Быть в фокусе внимания всего мира, мыслить историческими масштабами и вместе с тем помнить и заботиться о сталеварах, лётчиках, доярках, учёных и школьниках, изучать производственные процессы, военное дело, кораблестроение, архитектуру, философию, читать рукописи молодых авторов, знать диалектику событий, чтобы поворачивать неуклюжее дышло истории в сторону, куда ему надлежит двигаться, быть в курсе всего, знать, что завтра будет делать Чемберлен и о чём сегодня думает финский крестьянин… – всё это нелёгкая задача. Человек – есть человек. И мы, знающие и видящие Сталина, удивляемся глубине и ясности его мышления, его работоспособности, его скромности».

Я думаю, этот разговор будет уместно подытожить словами Михаила Александровича Шолохова: «Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина. Во-первых, это нечестно, во-вторых, вредно для страны, для советских людей. И не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что «ниспровержение» не отвечает истине».

Корр.: – *Знаете, Дмитрий Тимофеевич, по мере того, как мы преодолеваем эти чудовищные нагромождения лжи, у меня зреет вопрос: почему наши сегодняшние коммунисты не проведут серьёзного, обстоятельного и публичного разбора хрущёвского доклада – пункт за пунктом. С одной стороны, чтобы восстановить историческую справедливость, а с другой – чтобы очистить, наконец, от мусора дорогую могилу и имя человека, который стоял во главе коммунистической партии несколько десятков лет. И это были годы блестящих свершений и побед.*

А в заключение еще раз сошлюсь на Людо Мартенса: «Если Сталин не был военным гением, то можно сделать вывод, что величайшая в истории война, война человечества против фашизма, была выиграна не военным гением. Потому что в той ужасающей войне никто не сыграл роль, сравнимую с ролью Сталина».

Россия, Сталин, Сталинград!

Корр.: – *Опять из всех щелей повылезали потрёпанные дети XX съезда и заголосили на все лады: репрессии, ГУЛАГ, миллионы невинных жертв. Ведь и цифры все давно названы, проверены-перепроверены, опубликованы, а они всё продолжают измерять вину Советской власти и лично Иосифа Виссарионовича десятками миллионов жертв. Затеянная десталинизация обернулась пшиком. Стали спешно реанимировать другие направления. Провели «День ГУЛАГа». Смотрю я на эти потуги и вспоминаю стихотворение Константина Симонова «Митинг в Канаде». Речь,* – *кто не помнит,* – *вот о чём. Человек, приехавший из Советского Союза, должен выступить на митинге. А это 1948 год, «холодная война». Но ещё и о Сталинграде не все забыли. А кто-то, возможно, помнит и о том, что английский король Георг VI подарил сталинградцам меч, на клинке которого была надпись: «Гражданам Сталинграда – людям со стальными сердцами – дар короля Георга VI в знак уважения британского народа».*

Канадские друзья предупредили гостя: в первых трёх рядах сидят люди, пришедшие его освистать.

«Шагнув, я начинаю речь.
Её начало – как прыжок
В атаку, что уже не лечь:
– Россия, Сталин, Сталинград!»
А дальше было вот что:
«Вдруг, как обвал, как вал воды,
Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится «Ура!»

Это зал рукоплещет представителю великой страны, победившей фашизм.

Может, нам почаще вспоминать это словосочетание: «Россия, Сталин, Сталинград!»?

Д.Т. Язов: – Вот мы сегодня и поговорим об этом. Начнём с Иосифа Виссарионовича. Мне вспоминается разговор с известным артистом Иннокентием Смоктуновским. Мы жили по соседству и иногда встречались. Во время одной из таких встреч зашёл разговор о войне и, конечно, о Сталине.

– Да, что там Сталин! – с жаром говорил мой собеседник, – мы бы и без него войну выиграли.

– У вас в театре есть главный режиссер? – спрашиваю его.

– Конечно, – отвечает.

– А зачем он вам? Вы же все там такие опытные, талантливые, маститые…

– Как это без режиссёра? – возмутился он.

Взрослому, серьёзному человеку не приходило на ум, что театру с небольшой труппой и десятком гримерных без руководителя никак нельзя, а огромной воюющей стране, оказывается, можно.

А ведь Сталин во время войны взвалил на свои плечи груз, неподъемный для простого смертного. Мало того, что взвалил, но и нёс его долгих и тяжёлых четыре года. А если прибавить сюда войну с Японией, то будет и поболее.

Я думаю, что люди, следующие логике моего собеседника из сферы искусств, либо наивные, принявшие хрущёвскую ложь за чистую монету, либо злонамеренные. Пороча Сталина, охаивая Советскую власть с её грандиозными достижениями, включая Великую Победу 45-го года, они стараются бросить тень на всю нашу историю. Это почерк, так называемой, «пятой колонны».

Их фирменный знак – фальсификация истории.

Корр.: – *Кстати сказать, прочитала недавно в газете «Комсомольская правда» заметку полковника Виктора Баранца: он сообщает, что на базе Центрального архива Министерства обороны создаётся специальное подразделение по борьбе с различными фальсификаторами военной истории. Это будет научная рота, в которую строго по конкурсу подберут знатоков истории. Им откроют доступ к подлинным документам и, вооружившись знаниями, они начнут выводить на чистую воду всевозможных лжецов и фальсификаторов нашей военной истории.*

Меня в связи с этим новшеством посетила такая мысль: рота – это хорошо. Даже замечательно. Но что она одна сможет сделать с теми нагромождениями лжи, которые, беспрепятственно распространяясь, наслаивались друг на друга, начиная с XX съезда партии. Именно тогда Хрущёв, не стесняясь собственной лжи, заявил: «Необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение».

Он и начал объяснять, не сообразуясь с правдой. А за ним уже вереницей последовали волкогоновы, радзинские, познеры.

Не кажется ли Вам, Дмитрий Тимофеевич, что нашей замечательной роте уже с первых её шагов придётся столкнуться с серьёзным препятствием? Как можно восстанавливать подлинную историю Великой Отечественной войны, не упоминая имени её Верховного Главнокомандующего? К тому же больше всех и пострадавшего от этих самых фальсификаторов.

Д.Т. Язов: – Что я могу Вам сказать?

Во-первых, создание научной роты в недрах Министерства

обороны – это хороший знак. Молодёжь подключают к серьёзным и актуальным проблемам. А значит и государство не собирается оставаться в стороне, тем более, что у нас, наконец, появились достойные и Верховный Главнокомандующий, и министр обороны. Думаю, они не отдадут на откуп либералам, по крайней мере, нашу военную историю.

Корр.: – *Как говорится, дай-то Бог. Если для хрущёвских последователей чем-то вроде знамени стало слово ГУЛАГ, то для нас это – Сталинград. И рядом, конечно, Сталин.*

Д.Т. Язов: – А лучше, как у Симонова: Россия, Сталин, Сталинград!

Корр.: – *Бесспорно. Но я хочу поговорить о Сталинграде. Еще и вот почему. Как-то мне пришлось присутствовать на пресс-конференции А.Г. Лукашенко. Рядом оказался редактор одной из волгоградских газет. Я обрадовалась, как родственнику, говорю: в Вашем городе сражалась наша омская дивизия полковника Гуртьева. Защищала завод «Баррикады». Там и полегла, но немцев к Волге не пропустила. «Не знаю, – ответил он, – это не по моей части».*

Д.Т. Язов: – Есть и такие: недалёкие, равнодушные люди. Поэтому сегодня разговор о Сталинграде, Сталине, России весьма и весьма актуален. Само слово «Сталинград» стало символом невиданной стойкости, мужества, бесстрашия, героизма. Недаром многие авторы вынесли в заголовки своих книг это короткое слово. «Сталинград» у маршала Еременко, «Сталинград» у Алексея Исаева, «Сталинград» у Михаила Барятинского, «Сталинград» у Энтони Бивора. А другой западный автор Майкл Джонс к своему «Сталинграду» прибавил подзаголовок: «Как состоялся триумф Красной Армии».

Корр.: – *Вот и поговорим о том, как он состоялся. Вы-то знаете об этом побольше либеральных болтунов.*

Д.Т. Язов: – Триумф был позже. А пока наши войска с тяжёлыми боями отступали к Сталинграду. Председатель Сталинградского городского комитета обороны и одновременно Первый секретарь обкома партии А.С. Чуянов писал: «Обстановка остаётся угрожающей. Непрерывно и повсеместно по плану командования срочно возводим оборонительные сооружения».

12 июля был создан Сталинградский фронт. Длинной череде неудач Красной Армии летом 1942 года положила начало Харьковская катастрофа, к которой Никита Сергеевич приложил свою нечистую руку. Об этом я уже говорил в нашей прошлой беседе.

Был тут, если правду сказать, просчёт и с нашей стороны. Считалось, что главной целью немцев будет по-прежнему Москва.

И они с помощью дезориентирующих вбросов постарались укрепить нас в этой иллюзии. В это нетрудно было поверить, поскольку на московском направлении немцы продолжали держать сильную группировку. На самом деле их целью был Кавказ, бакинская нефть, с последующим вовлечением Турции в войну против СССР. Сталинград же они собирались, по их собственным словам, подвергнуть воздействию тяжелого оружия, с тем, чтобы он потерял своё значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций.

В беседе с японским послом Гитлер так обрисовал свои перспективы на 1942 год: «Советы уже в ближайшее лето будут разгромлены. Спасения им больше не существует. Лето является решающей стадией военного спора. Большевиков отбросят так далеко, чтобы они никогда не могли касаться культурной почвы Европы».

Корр.: – *В Сталинграде Красная Армия и её Главнокомандующий положили конец этим иллюзиям…*

Д.Т. Язов: – Официально началом Сталинградской битвы принято считать 17 июля 1942 года. В этот день передовые отряды 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта вступили в бой с наступающим противником…

Тут, я думаю, самое время рассказать о «секретной железной дороге Сталина», как её окрестили некоторые военные журналисты. А речь вот о чём. Предвидя сложности со снабжением армии, Сталин ещё до начала Сталинградской битвы приказал построить запасную железную дорогу от Саратова до Ленинска, расположенного в 20-ти километрах от Сталинграда. Дорога была построена в неслыханно короткие сроки. Целые участки путей перевозились с Транссибирской магистрали и укладывались на землю. Грузы, доставленные в Ленинск, грузились на машины, подводы и отправлялись на восточный берег Волги. Оттуда на лодках и катерах – в Сталинград. Думаю, небезынтересно будет в этой связи познакомиться с точкой зрения одного из западных журналистов: «Строительство секретной железной дороги, несомненно, обнаруживает положительные аспекты сталинского правления: его знаменательное внимание к деталям… Оставаясь в столице, Сталин вполне контролировал ход битвы. Из этого логично заключить, что попытки принизить его роль в происходящем нелепы».

А истории со строительством железной дороги к Сталинграду предшествовала другая, не менее значимая. Во время битвы под Москвой Мехлис предложил расформировать железнодорожные войска и отправить их на пополнение сухопутных войск. Все

согласились, подписали проект постановления. Но упёрся генерал-лейтенант Ковалёв, начальник управления военных сообщений. Мехлис доложил Сталину: все подписали, только Ковалёв отказывается. Сталин звонит Ковалёву, а тот в ответ: «Товарищ Сталин, мы что – всё время собираемся отступать? Разве нам не понадобятся железнодорожные войска, когда придёт время наступать?» «Правильно, товарищ Ковалёв, – сказал Иосиф Виссарионович. – А Вы, товарищ Мехлис, – паникёр».

Сталинградская битва проходила в два этапа. Оборонительный с 17 июля по 18 ноября. Это тяжелейшие бои на подступах к Сталинграду и в самом городе. Наступательный этап начинался 19 ноября и заканчивался 2 февраля 1943 года. Сюда входит блестяще организованное контрнаступление, завершившееся полной победой.

Корр.: – *Но до победы ещё надо было дожить. Каковы были наши силы к началу сражения? Немцы имели перевес?*

Д.Т. Язов: – К началу Сталинградской битвы расклад сил был таким: немцы превосходили нас в личном составе в 1,7 раза, в артиллерии и танках – в 1,3 раза, в самолётах более, чем в два раза.

Корр.: – *А что мы могли противопоставить их хорошо отлаженной военной машине?*

Д.Т. Язов: – Мы вступали в битву тоже не с голыми руками. Достаточно сказать, что, благодаря заботам Сталина, восточные районы страны уже к весне 1942 года выпустили столько военной продукции, сколько до войны её производили все предприятия Советского Союза. К этому времени наша армия имела почти четыре тысячи танков, около 50 тысяч орудий и миномётов, больше двух тысяч самолётов.

Сталин внимательно следил за тем, как развиваются события на Сталинградском направлении. Вот часть разговора по прямому проводу Верховного Главнокомандующего с командованием Сталинградского фронта: «Главное теперь не переправы у Цимлянской и Николаевской, а правый фланг фронта. Противник выброской своих частей в район Цимлы отвлёк наше внимание на юг, и в это самое время он подводил потихоньку главные силы к правому флангу фронта. Эта военная хитрость противнику удалась из-за отсутствия у нас надёжной разведки. Это дело надо учесть… Считаю абсолютно необходимым немедленно сосредоточить в районе правого фланга фронта девять десятых, повторяю, девять десятых всей авиации Хрюкина и Степанова и приказать обоим всю массу истребительной и штурмовой авиации бросить против противника на вашем правом фланге… Сегодня пошлю к вам пять истребительных полков… и два полка

штурмовиков вдобавок к тем 90 штурмовикам, которые у вас имеются…»

Отдав распоряжения, Сталин снова возвращается к тревожившей его ситуации: «Имейте в виду, если противник прорвёт правый фланг и подойдёт к Дону в районе Гумрака или севернее, то он отрежет ваши железнодорожные сообщения с севером…»

Разговор уже подходил к концу, когда Гордов, который был тогда командующим фронтом, сообщил: «Только что получено донесение от Колпакчи, что танки противника до 50 единиц прорвались…»

Сталин мгновенно отреагировал: «Стыдно отступать перед 50 танками немцев-мерзавцев, имея на фронте около 900 танков».

Корр.: – *Колпакчи тогда был командующим 62-й армией?*

Д.Т. Язов: – Недолго. Его сменил Лопатин. И тоже продержался недолго. Надолго уже пришёл Василий Иванович Чуйков. Но об этом я расскажу позже. А сейчас обратите внимание на то, с каким знанием дела Верховный Главнокомандующий обсуждает положение дел на Сталинградском фронте. От него не ускользнула ни одна деталь. Он даже принял во внимание эмоциональное состояние командующего 62-й армии. «Имейте в виду, – предупредил он командование фронта, – Колпакчи очень нервный и впечатлительный человек. Хорошо бы направить к Колпакчи кого-либо покрепче для поддержания духа».

Корр.: – *Интересно, отразилась ли как-то на судьбе В.Я. Колпакчи эта сталинская настороженность? Противники вождя изображают его неким монстром, походя ломающим человеческие судьбы.*

Д.Т. Язов: – Чтобы ответить на этот вопрос придётся забежать, как говорится, вперёд. После Победы в Большом Кремлевском дворце устроили приём в честь участников Парада Победы. Первый тост был, естественно, за погибших. Второй – за Верховного Главнокомандующего. А потом следовали тосты за командующих фронтами и их боевых соратников – командующих армиями. Когда назывались фамилии, фронтовики подходили к столу, где сидело правительство, и Сталин с ними поочередно чокался.

Когда провозгласили тост за 1-й Белорусский фронт, к столу вместе с Жуковым вышли его прославленные командармы: Чуйков, Катуков, Горбатов и…Колпакчи. Вот ответ на Ваш вопрос. Бережным отношением, вниманием, своевременной поддержкой Сталин воспитал целую плеяду молодых талантливых военачальников. С теплотой вспоминали об этом заботливом

сталинском подходе и К.К. Рокоссовский, и А.Е. Голованов и другие. Известно, что во время войны Иосиф Виссарионович регулярно отправлял денежные переводы отцу А.М. Василевского, который воздерживался от контактов с отцом – сельским священником.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, мы как-то стороной обошли приказ № 227, изданный в ходе Сталинградской битвы. Он в своё время не был опубликован и в годы перестройки наделал много шума.*

Я помню, как обнаружив очередную «сенсацию», демократы шли с ней в атаку на Советскую власть и, конечно, на Сталина.

Д.Т. Язов: – Приказ этот был подписан Сталиным 28 июля 1942 года. Секрета из него никто не делал. Его зачитывали во всех подразделениях, распространяли в листовках. А не опубликовали в прессе, думаю, потому, что он предусматривал ряд жёстких мер для трусов и паникёров. Создавались заградотряды, штрафные роты и батальоны, вводилась и такая мера наказания, как расстрел. И в этом тоже не было ничего нового. У немцев всё это уже существовало. В их хвалёной непобедимой армии.

Корр.: – *А где застал Вас этот приказ?*

Д.Т. Язов: – На Волховском фронте. Причём в первый же день. Нас, 35 новичков, по прибытии повели на лесную поляну и там перед строем зачитали этот приказ. А потом, по приговору военного трибунала, расстреляли младшего лейтенанта. Я до сих пор помню его фамилию – Степанов. Оказалось, во время немецкой атаки он струсил, бросил свой взвод и сбежал. Солдаты не растерялись, атаку отбили, а трус был наказан.

В тот день нам, молодым лейтенантам, на конкретном примере показали, что ждёт каждого, кто нарушит присягу. Желание защищать Родину было у нас настолько сильным, что суровый приговор не вызвал ни у кого осуждения.

Мы понимали, что судьба страны зависит от каждого из нас. И в случае чего – вступит в силу этот грозный приказ.

Корр.: – *А нужен ли он был?*

Д.Т. Язов: – Вне всякого сомнения. Многие на фронте говорили, что он даже запоздал. Вдумайтесь: к моменту его опубликования мы потеряли Украину, Белоруссию, Прибалтику, Донбасс, ряд других важных экономических областей. Страна лишилась более 70 миллионов населения, свыше 700 миллионов пудов хлеба, почти 10 миллионов тонн металла. Перечислив всё это, авторы четырехтомника «Великая Отечественная война» заключают: «Отступать и дальше, по сути, означало утрату национальной и государственной независимости».

Сталин понимал это лучше других. И поэтому требовал: «…в корне пресекать разговоры о том, что… у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог… Пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Приказ № 227 в армии стали называть приказом «Ни шагу назад!». И он не только требовал стойкости, но и выражал уверенность, что поставленные задачи по силам Красной Армии: «Немцы не так сильны, как это кажется паникёрам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, – это значит, обеспечить за нами победу… Можем ли выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, миномётов».

В Приказе честно и прямо ставился вопрос: «Чего же у нас не хватает?» И следовал прямой и откровенный ответ: «Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину».

Корр.: – *Как в армии восприняли этот приказ?*

Д.Т. Язов: – В целом реакция была положительной. Вот несколько отзывов, которые приводятся в сборнике документов «Сталинградская эпопея».

«Приказ товарища Сталина правильно отражает действительность и несомненно улучшит положение в борьбе с немецкими оккупантами. Ещё лучше было бы, если бы этот приказ был издан несколько месяцев назад».

«Приказ наркома крепко бьёт по трусам и паникёрам… Этот приказ надо было издать ещё раньше».

«Я не при каких обстоятельствах не отступал и в будущем не отступлю назад. Врага буду бить беспощадно, пока в силах держать автомат».

Корр.: – *Интересно, кто был автором этого сильного, блестяще написанного документа? Сталин?*

Д.Т. Язов: – В своё время вопрос об авторстве интересовал и автора книги «Сталинградская битва» Георгия Александровича Куманёва. Он задавал этот вопрос А.М. Василевскому. Вот ответ

маршала: «Первый вариант этого приказа я готовил сам. Правда, от того, что я написал, почти ничего не осталось. Сталин забрал мой текст и всё мне искромсал».

Корр.: – *Потому-то и чувствуется в этом документе сталинская сила, убеждённость и простота. Когда несколько лет назад Вы дали мне прочитать этот приказ, меня больше всего поразило, что это не сухой военный документ, а строгий, озабоченный и одновременно доверительный разговор вождя со своей армией. Чем-то он напоминал сталинское выступление 3 июля 1941 года.*

Д.Т. Язов: – Приказ бесспорно сыграл свою роль. Он помог переломить ситуацию, поднял боевой дух армии. Вслед за приказом «Ни шагу назад», 30 июля 1942 года Сталин учредил ордена Кутузова, Суворова и Александра Невского. На следующий день газета «Красная Звезда» призывала «Стоять за свою родину как Суворов, Кутузов и Александр Невский».

Корр.: – *Защитники Сталинграда действовали в точном соответствии с наказом Верховного Главнокомандующего: до последней капли крови защищали каждую позицию, каждый метр советской территории, цеплялись за каждый клочок советской земли.*

Д.Т. Язов: – В том аду негде было поставить заградотряды. А если где-то они и были, то нередко сражались плечом к плечу вместе с остальными бойцами.

Константин Симонов, побывавший в осажденном городе, так передавал атмосферу тех дней: «Да, здесь трудно жить, ибо небо горит над головой и земля содрогается под ногами. Опалённые трупы женщин и детей, сожжённые фашистами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, жить, убивая врага, – так жить здесь можно, так жить здесь нужно и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача детей».

19 августа немцы начали наступление на Сталинград. 23 августа один из танковых корпусов врага прорвался к Волге севернее Сталинграда. Одновременно город подвергся чудовищной бомбардировке. Было совершено более двух тысяч самолетовылетов. Василевский, приехавший в этот день в Сталинград, вспоминал: «Я был тогда в городе и видел, как он превращается в развалины. По ночам он напоминал гигантский костёр».

Корр.: – *Ещё более драматическую картину рисует Василий*

Гроссман в очерке «23 августа»: «Немцы шли в несколько этажей, заняв весь объём летнего неба… Новый звук возник над городом – сверлящий свист десятков и сотен фугасных бомб, оторвавшихся от плоскостей, визг тысяч и десятков тысяч зажигательных бомб…. Свист нарастал и накалялся… Бомбы достигли земли и врезались в город… Стало разгораться пламя пожаров… В дыму, пыли, огне, среди грохота, потрясавшего небо, воду и землю, погибал огромный город».

Командующий 8-м немецким авиакорпусом генерал Вольфрам фон Рихтгофен пролетел над городом после бомбардировок. В дневнике появилась запись, что Сталинград «уничтожен и в нём не осталось целей, заслуживающих внимания».

Д.Т. Язов: – Немецкая пропаганда поспешила объявить: «Крепость большевиков у ног фюрера».

Да, картина разрушений была ужасной. Но о сдаче «крепости» никто не помышлял. 25 августа Сталинград был объявлен на осадном положении. На следующий день Сталин назначает Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего и отправляет его в сражающийся город. Но тревога не покидает вождя и 3 сентября он шлёт Жукову телеграмму. «Положение со Сталинградом, – пишет он, – ухудшилось. Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику…. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

До начала нашего контрнаступления городу предстояло пережить три штурма. Первый начался 13 сентября. За день до этого 62-ю армию, по которой наносился главный удар, возглавил Василий Иванович Чуйков.

Корр.: – *Что он был за человек? Существует много противоречащих друг другу оценок. Одни превозносят его чуть ли не до небес, другие обвиняют в непомерной жестокости.*

Д.Т. Язов: – Начнём с того, что при назначении у него спросили: «Как он видит свою задачу?» Вопрос был задан не случайно. Дело в том, что предшественник Василия Ивановича честно сказал: город ему не удержать. Ответ Чуйкова был по-солдатски прост и лаконичен: «Выстоим или умрём». В 62-й армии к этому моменту было 54000 человек, 900 орудий и 110 танков. Это против прекрасно оснащённой армии Паулюса. Забегая вперёд, можно сказать, что Чуйков и его армия с честью выполнили свою задачу. Выстояли и победили. Но коль возник

вопрос о командующем, давайте попытаемся на него ответить.

Корр.: – *Говорят, что прототипом генерала Бессонова в романе Юрия Бондарева «Горячий снег» был Чуйков. Когда Бессонов отдаёт приказ войскам, он повторяет слова командующего 62-й армией: «Стоять на занимаемых рубежах до последнего. Для всех без исключения объективная причина ухода с позиций может быть одна – смерть».*

Д.Т. Язов: – Я не знаю, чьи черты вобрал в себя герой Юрия Бондарева, но то, что Чуйков мог быть жёстким и безжалостным, когда требовали обстоятельства, это неоспоримый факт. Он и себя не щадил. Его командный пункт был недалеко от солдатских окопов. Я хорошо знал Анатолия Григорьевича Мережко. Он был заместителем командующего Вооруженными Силами стран – участниц Варшавского договора. Во время войны находился в 62-й армии и часто встречался с Чуйковым. Видел его в разных ситуациях. Вот его отзыв: «Он мог быть грубым с людьми и не всегда заслуженно, но в основном он так реагировал только сталкиваясь с трусостью, ложью или нежеланием взять на себя ответственность… Но если он знал, что ты выполнил приказ и при этом сделал всё, что от тебя зависело, то его отношение к тебе становилось совершенно другим».

Я согласен, что к его командному стилю применим эпитет «железный». Но только так можно было выстоять в том аду. Командующий 62-й армией действовал, сообразуясь с приказом «Ни шагу назад».

Положение в городе, между тем, оставалось катастрофическим. Целью первого немецкого штурма был захват Мамаева кургана и центральной части города. «Несмотря на громадные потери, захватчики лезли напролом. Колонны пехоты на машинах и танках врывались в город», – вспоминал Чуйков. Бой шёл в 800 метрах от командного пункта армии. Ночью 14 сентября через Волгу начала переправляться 13-я гвардейская дивизия генерала Родимцева. Именно её солдаты спасли тогда положение.

Корр.: – *Может, это легенда, но появление дивизии в самый критический момент, связывают с именем Верховного Главнокомандующего. Якобы во время совещания в Кремле Сталину позвонил командующий фронтом Ерёменко. После разговора с ним Иосиф Виссарионович сказал Василевскому: немедленно отправьте 13-ю гвардейскую в Сталинград. Посмотрите, какие ещё дивизии можно переправить на помощь городу.*

Д.Т. Язов: – Не вижу в этом ничего особенного. Сталин досконально знал обстановку на фронте и немедленно вмешивался, если где-то требовалось его участие. Действительно,

тогда одна за другой отправились в Сталинград дивизии: Батюка, Горишного, Смехотворова, Гурьева, Соколова, Гуртьева и Людникова. Не сами же по себе они туда отправились, как полагал мой театральный собеседник. Дивизия Горишного вводилась после 40-километрового марша со станции Заплавное, дивизию Гурьева «изъяли» из 24-й армии, гуртьевскую – из 1-й гвардейской армии.

Над всем этим нагромождением забот стоял Сталин, Верховный Главнокомандующий, талантливый полководец и гениальный руководитель.

Дивизия Родимцева подоспела вовремя. Если бы не она, признавал позднее Чуйков, то город оказался бы в руках противника ещё в сентябре. «Гвардейцы, – рассказывал Василий Иванович, – стояли насмерть.

Отходили только тяжелораненые, выползая поодиночке… Отрезанные от остальных сил дивизии гвардейцы одиночками или группами по два-три человека закреплялись в различных привокзальных помещениях и под вагонами и оттуда продолжали выполнять поставленную перед ними задачу, истребляли фашистов и ночью и днём». С горечью замечу, что к концу Сталинградской битвы от десятитысячной дивизии Родимцева осталось… 320 человек.

Один из западных журналистов искренне изумлялся: «До сих пор остаётся неясным, как Сталинград удержался в столь отчаянных обстоятельствах».

Корр.: – *Как бы Вы, Дмитрий Тимофеевич, ответили на этот вопрос?*

Д.Т. Язов: – Я бы начал с того, что Василий Иванович Чуйков оказался, как говорят, на своём месте. Лучшего командира для 62-й армии трудно было подобрать. Тут сошлись и опыт, и воля, и выдержка, и железный характер.

Известно, как много он вносил в организацию обороны. Автор книги «Сталинград» Энтони Бивор писал: «Здесь зародился новый вид боя – в развалинах жилых домов. Обгоревшие танки, цистерны, проволока, ящики из-под снарядов смешались с кроватями, лампами, прочей домашней утварью».

Защитники города не только успешно сражались в этих развалинах, но и переходили в наступление. Вот один из советов, которыми напутствовал Василий Иванович свои штурмовые группы: «Врывайся в дом вдвоём – ты, да граната. Оба будьте одеты легко – ты без вещевого мешка, граната – без рубашки».

И дальше – подробная инструкция: «Врывайся так: граната впереди, а ты за ней; проходи весь дом опять же с гранатой – граната впереди, а ты следом.

Не бойся! Ты уже взял инициативу, она в твоих руках. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом и лопатой! Бой внутри дома бешеный. Поэтому всегда будь готов к неожиданностям. Не зевай!

Автомат на шее, десять гранат под рукой, отвага в сердце. Действуй!»

Ещё одним важнейшим фактором была помощь, непрерывно поступающая с левого берега. Об этом я уже говорил.

Серьёзным подспорьем была артиллерия, оставленная на левом берегу. Среди развалин города, под непрерывными бомбёжками её использование было бы малоэффективным. К тому же с левого берега пришлось бы доставлять снаряды. Река же постоянно обстреливалась, грузы часто тонули. Поэтому Чуйков принял самый оптимальный вариант. И первое, что он посоветовал Родимцеву: оставить всю тяжёлую технику на восточном берегу. Оттуда она била по намеченным целям, будучи неуязвимой для врага.

Виктор Некрасов, автор нашумевшей книги «В окопах Сталинграда», воевал в сибирской дивизии Батюка, защищавшей Мамаев курган. Он рассказывал: «Войск у нас было очень мало, особенно к концу октября… В то же время другой берег Волги представлял собой настоящий муравейник. Именно там была сосредоточена вся служба снабжения, артиллерия, авиация… Они-то и задавали жару немцам».

Константин Симонов в романе «Солдатами не рождаются» подтверждает ту же мысль: «Конечно, мы бы не удержались в Сталинграде, если бы нас всё время не поддерживали с того берега и артиллерия и «катюши»».

Корр.: – *Техника, безусловно, великая сила. А люди? Какую Вы им отводите роль?*

Д.Т. Язов: – Перечисленные мной военные составляющие, бесспорно, сыграли огромную роль. Но главным фактором успеха были, конечно, люди. Их восхитившая весь мир стойкость, бесстрашие, героизм, готовность к самопожертвованию. Наверное, многие слышали о подвиге Матвея Путилова. Это наш земляк, связист легендарной 308 стрелковой дивизии. Смертельно раненый, он сцепил зубами провода, и уже мёртвый обеспечивал связь. Морской пехотинец Михаил Паникаха, пытаясь остановить вражеский танк, схватил две бутылки с зажигательной смесью. Одна из них, разбившись, превратила солдата в живой факел. Зажав в руке вторую бутылку, он бросился на танк. А дом Павлова? «Скольких бойцов воодушевлял сам тот факт, что обыкновенный жилой дом превращён в бастион на переднем крае, овладеть которым фашисты не могут», – писал начальник штаба

62-й армии Крылов, называя этот дом «Сталинградом в Сталинграде».

Корр.: – *Говорят, Василий Иванович Чуйков с гордостью рассказывал, что защитники дома Павлова истребили фашистов больше, чем их погибло при взятии Парижа.*

Д.Т. Язов: – Дом Павлова продержался 58 дней. К нему прорыли стометровый тоннель, и по нему поступала помощь. Яков Павлов остался жив. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Кстати, группа во главе с Павловым, захватившая дом, была из дивизии Родимцева.

Корр.: – *А что это за история с его уходом в монастырь? Как-то она не вяжется с образом отважного сержанта…*

Д.Т. Язов: – В одной вполне серьёзной книге я прочитал буквально следующее: «Яков Павлов, Герой Советского Союза, после войны постригся в монахи, принял имя Кирилл и стал архимандритом в Троице-Сергиевой лавре… Многочисленные прихожане ничего не знали о его славном боевом прошлом в Сталинграде».

Говорят, произошла путаница: якобы был ещё один Павлов, который и ушёл в монастырь. Так это или иначе, судить не берусь. Могу сказать одно: мне не кажется странным обращение к богу человека, пережившего все ужасы войны.

«Для советских войск в Сталинграде октябрь был самым тяжёлым месяцем, – пишет Александр Верт. – 1 октября в Сталинград прибыла 39-я гвардейская дивизия генерал-майора Гурьева, которой пришлось на протяжении многих критических дней защищать завод «Красный Октябрь». В тот же день через Волгу переправилась ещё одна знаменитая дивизия – полковника Гуртьева. Солдатам этой дивизии, среди которых было много сибиряков, пришлось в течение октября вынести на своих плечах самые тяжёлые бои в северной части Сталинграда.

Столь же стойкими были вновь прибывшие войска гвардейской дивизии генерала Жолудева. Это была действительно гвардия. Люди все молодые, рослые, здоровые, многие были одеты в форму десантников, с кинжалами и финками на поясах… При ударе штыком перебрасывали гитлеровцев через себя, как мешки с соломой… В окружении дрались до последних сил и умирали с возгласами: «За Родину, за Сталина, не уйдём и не сдадимся!»

Корр.: – *Я недавно побывала в Сталинграде. Поднимаясь на Мамаев курган, увидела отчеканенные в граните слова из известного очерка Василия Гроссмана «Направление главного удара», «Железный ветер бил в лицо, и они всё шли вперёд, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в*

атаку, смертны ли они? Да, они были смертны, и мало кто уцелел из них, но они сделали своё дело».

Это очерк о наших земляках, бойцах и командирах 308-й стрелковой дивизии под командованием полковника Леонтия Николаевича Гуртьева.

Прочитав очерк, Сталин наложил визу: ознакомиться всему командному составу. Тут у нас с Вами есть повод с гордостью добавить: так воевали сибиряки!

Д.Т. Язов: – На том же участке воевала другая знаменитая дивизия – 138-я под командованием полковника Людникова. Она удерживала район позади завода «Баррикады» Когда обескровленную дивизию Гуртьева выводили на переформирование, в ней оставалось… 289 человек. Их передали Людникову. Так сказать, на пополнение. К тому моменту дивизия И.И. Людникова была окружена со всех сторон. Позади была Волга. Клочок земли, который они удерживали, представлял из себя площадь из разрушенных домов размером 700 на 500 метров. Продовольствие и боеприпасы доставляли окружённым ночью на самолётах По-2. Груз часто падал мимо: слишком мала была территория. Командир взвода Георгий Иванов рассказывал: «Один за другим нас бомбили немецкие самолеты… Немцы сбрасывали на нас листовки, где была изображена схема наших позиций. Везде вокруг вражеские танки. Нас призывали: «Вы окружены. Сдавайтесь!..». Но мы решили стоять насмерть». 13 ноября немцы прорвали линию обороны, но были отброшены в рукопашном бою.

Мне представляется интересным свидетельство одного западного журналиста: «Тяжёлая ситуация, в которой оказался Людников, по сути, представляла собой уменьшенное подобие всей Сталинградской битвы. Русские видели сопротивление 138-й дивизии, и это сопротивление обрело символическое значение, подобно боям за Дом Павлова… Оно разжигало их мужество и подчёркивало суровую справедливость их борьбы… Солдаты дали имя этому месту. Они окрестили его «Островом Людникова». И под этим названием он вошёл в современную географию и последующую мифологию Сталинграда».

Людников сделал ещё одну попытку прорваться к своим. Он создал большую штурмовую группу и попытка увенчалась успехом. Когда он появился на командном пункте армии, Чуйков с товарищами устроили ему торжественный приём.

«Я сказал им только, – вспоминал Людников, – что 138-я дивизия без передышки отражала атаки врага и из-за этого мы даже не заметили, как осень сменилась зимой». Чуйков расхохотался: «До чего легко они выкрутились». Юмор тоже

помогал выжить в тех невероятно трудных условиях.

Корр.: – *В упомянутом очерке Гроссмана есть такие слова: «Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и её людей, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой». Эти слова относятся не только к дивизии Гуртьева, но в равной степени и к дивизиям Людникова, Родимцева, Батюка. Они относятся ко всем защитникам Сталинграда.*

Д.Т. Язов: – 11 ноября немцы предприняли последнее крупное наступление. По словам Чуйкова, борьба шла «за каждый метр земли, за каждый сталинградский кирпич и камень». Надо отметить, что к этому моменту армия Чуйкова, окопавшись, удерживала узкую полоску земли размером в 25 километров вдоль западного берега Волги. В ширину позиции защитников Сталинграда в некоторых местах составляли всего несколько сот метров. Но пока они удерживали этот клочок советской земли, немцы не могли заявить о своей победе.

Вот как описывает бой в Сталинграде командир немецкого батальона некий майор Вельц: «Первые наши группы уже приближаются к переднему краю русских. Еще каких-нибудь двадцать метров и они уже займут передовые русские позиции. И вдруг они залегают под ураганным огнём. Слева короткими очередями бьют пулемёты.

В воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной… Глазам своим не верим. Как, неужели после этого налёта пикирующих бомбардировщиков, которые не пощадили ни единого квадратного метра земли и перепахали всё впереди, там всё еще жива оборона… Заколдованное место! Как не пытайся взять его, натыкаешься на гранит». Ему вторит другой гитлеровский вояка: «Вы не можете себе представить, – пишет он домой, – как отчаянно русские защищают свой город. Они бьются за него словно цепные псы».

А вот свидетельство того же рода немецкого лётчика: «Я не могу понять, как люди выживают в этом аду. Русские прочно засели в руинах, норах, подвалах, в хаосе металлических конструкций, которые когда-то были заводами».

Корр.: – *Люди в Сталинграде не просто выживали. Они отчаянно противостояли сильному и злобному врагу. В какой-то момент распространился слух, что в городе видели Сталина. Наверное, в какой-нибудь особенно тяжкий час сталинградцам потребовалась и такая немного наивная поддержка. Так бывало в старину: во время крупных сражений появлялись святые, которые поддерживали воинов, сражающихся за благое дело.*

Д.Т. Язов: – В те дни родилась и «клятва защитников города».

Они обращались к Верховному Главнокомандующему: «Посылая это письмо из окопов, мы клянёмся Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград». И они сдержали свою клятву.

Участник уличных боёв в Сталинграде Ганс Дёрр вспоминал: «За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточённая борьба, которая не имела себе равных даже в период Первой мировой войны с её гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону».

«Бой в городе, – говорил Василий Иванович Чуйков, – это особый бой. Тут решает вопрос не сила, а умение, сноровка, изворотливость и внезапность…

В своих контрударах мы отказались от наступления частями и даже большими подразделениями. К концу сентября во всех полках появилась штурмовая группа – малая по численности, сильная ударом, неотразимая в действии и изворотливая, как змея. Фашисты редко выдерживали удар огня, тола, гранат, подкреплённый штыком и ножом. Борьба шла за здания, а в зданиях – за подвал, за комнату, за каждый изгиб коридора».

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, расскажите об операции «Уран». Как родилась идея крупного контрнаступления?*

Д.Т. Язов: – В Сталинграде продолжались бои. Об их напряжении свидетельствует вот это указание Верховного Главнокомандующего, адресованное представителям Ставки и командующему Сталинградским фронтом: «У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов… Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге… Деритесь с противником не только днём, но и ночью… Самое главное – не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе». Но все попытки изменить ситуацию не увенчались успехом. Тут, как пишет Василевский в своих воспоминаниях, напрашивалось решение организовать и провести контрнаступление. Идея, можно сказать, витала в воздухе. А как она рождалась и обретала конкретные очертания, подробно описал Г.К. Жуков. Он вместе с Василевским был в этот день у

Сталина. Разговор шёл о том, как помочь Сталинградскому фронту. «Верховный, – пишет Жуков, – достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально её рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

– А какое «иное» решение? – вдруг, подняв голову, спросил И.В. Сталин.

Я никогда не думал, что у И.В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

– Вот что, – продолжал он, – поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки. Завтра в 9 часов вечера снова соберёмся здесь».

Вечером они пришли к нему с намётками плана контрнаступления в районе Сталинграда. Позже эта операция получила название «Уран». Её подготовка проводилась в атмосфере повышенной секретности. Сталин сразу предупредил своих собеседников: никому ничего не сообщать. Кому надо, он скажет сам. Категорически запрещались переписка и телефонные разговоры, связанные с подготовкой операции. Распоряжения отдавались в устной форме и только непосредственным руководителям. Перегруппировка войск происходила только ночью.

19 ноября в 7.30 утра залпы тысяч орудий возвестили о начавшемся контрнаступлении. После мощной артиллерийской подготовки войска перешли в наступление. Обстановку осложняла погода. Сплошной снегопад не позволил вылететь самолётам. Тем не менее, войска вновь созданного Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Ватутина уже к концу первого дня разгромили два румынских корпуса. У Донского фронта продвижение застопорилось. На что последовала немедленная реакция Сталина. Командующему фронтом К.К. Рокоссовскому была отправлена телеграмма следующего содержания: «…3-я мотодивизия и 16-я армия немцев целиком или частично сняты с Вашего фронта и теперь они дерутся против 21-й армии. Это обстоятельство создаёт благоприятную обстановку для того, чтобы все армии Вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указание Жадову, чтобы он перешёл к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните, как следует, Батова, который при нынешней

обстановке мог бы действовать более напористо».

Корр.: – *Не понимаю, как, имея, можно сказать, на руках, документы, подобные этому, твердить: Сталин воевал по глобусу, в военные операции не вникал и вообще войну выиграли без него.*

Д.Т. Язов: – Пусть себе тешатся своими нелепыми фантазиями, а у нас речь о долгожданном наступлении.

В телефонном разговоре с Паулюсом, командир 1-го танкового корпуса генерал Штрекер так описывает начало контрнаступления: «Здесь сущий ад. Невообразимый ураганный огонь обрушился на наши позиции. Земля буквально перепахана. У нас значительные потери… Советская артиллерия в течение многих часов обрушивала тысячи тонн стали на позиции 3-й румынской армии. Затем две ударные армии русских прорвались с плацдарма у Клетской и Серафимовича…».

Ещё одно свидетельство: «Страшная картина! Подхлёстываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт: они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, протискивались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили».

23 ноября наступавшие навстречу друг другу войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов встретились. Кольцо вокруг армии Паулюса замкнулось. В окружении оказалось 330 тысяч человек.

Корр.: – *В трудные для страны дни Иосиф Виссарионович пообещал: «Будет и на нашей улице праздник». Теперь этот праздник стремительно приближался…*

Д.Т. Язов: – Не так стремительно, как хотелось бы. Возникли некоторые осложнения. Во-первых, фронтовая разведка ошиблась в расчётах. По представленным ею данным, в котле должно было находиться около 90 тысяч человек. А их оказалось больше 300 тысяч. Для уничтожения такой большой группировки требовались дополнительные силы. Кроме того, немецкое командование готовилось деблокировать окруженные войска ударом извне. Для этого создавалась новая группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала фон Манштейна. План получил кодовое название «Зимняя гроза» и предполагал встречный удар со стороны окружённых войск. Но Гитлер приказал Паулюсу держаться изо всех сил и на прорыв он не решился.

Попытка Манштейна спасти окружённую армию тоже провалилась. Настало время приступать к операции «Кольцо». 4 января 1943 года Верховный Главнокомандующий утвердил

план её проведения. Перед этим представитель Ставки Воронов и командующий Донским фронтом К.К. Рокоссовский предложили немцам прекратить сопротивление… «Ваше положение безнадёжное, и дальнейшее сопротивление не имеет смысла». Ультиматум был отклонён и войска Донского фронта перешли в наступление. Чтобы избежать лишнего кровопролития, немцам было сделано ещё одно предложение сдаться. И снова отказ. А между тем, положение окружённых становилось поистине катастрофическим. Юрий Емельянов в своей книге «Десять сталинских ударов» приводит текст письма немецкого солдата домой: «Вчера получили водку. В это время мы как раз резали собаку, и водка явилась очень кстати. Я в общей сложности зарезал уже четыре собаки, а товарищи никак не могут наесться досыта». Паулюс вспоминал, что перед капитуляцией генералы окружённой армии получали по 150 граммов хлеба в день. Солдатская норма была в три раза меньше.

Паулюс обратился к Гитлеру: «Войска без боеприпасов и продуктов… Катастрофа неизбежна. Чтобы спасти ещё оставшихся в живых, армия просит немедленного разрешения капитулировать». Гитлер ответил: «Сдаваться в плен запрещаю. 6-я армия будет удерживать свои позиции до последнего человека и последнего патрона». И в качестве утешения присвоил Паулюсу звание фельдмаршала. В этот же день новоиспечённый фельдмаршал был взят в плен.

Корр.: *– В своей книге о Сталинграде Михаил Барятинский приводит отрывок из воспоминаний немецкого полковника Вильгельма Адама. Действие происходит во дворе универмага, служившего последним пристанищем командующему 6-й немецкой армией.*

«Большой въезд в подвал был закрыт и охранялся часовым Красной Армии. Дежурный офицер разрешил мне с водителем пройти во двор, где стояли автомашины.

Поражённый, я остановился. Советские и немецкие солдаты, ещё несколько часов назад стрелявшие друг в друга, во дворе мирно стояли рядом… Но как потрясающе разнился их внешний облик!

Немецкие солдаты – ободранные, в тонких шинелях поверх обветшалой форменной одежды, худые, как скелеты, истощённые до полусмерти фигуры с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной Армии – сытые, полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Внешний облик солдат Красной Армии казался мне символичным – это был облик победителя. Глубоко взволнован был я и другим обстоятельством. Наших солдат не били и тем более не расстреливали. Советские солдаты среди развалин своего разрушенного немцами города вытаскивали из карманов и

предлагали немецким солдатам, этим полутрупам, свой кусок хлеба, папиросы и махорку. Ровно в 9 часов прибыл начальник штаба советской 64-й армии, чтобы забрать командующего разбитой немецкой 6-й армии и его штаб».

Д.Т. Язов: – А вскоре Рокоссовский докладывал Сталину: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16 часов 2 февраля 1943 года закончили разгром и уничтожение окружённой Сталинградской группировки противника… В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе и в районе Сталинграда прекратились».

В тот же день Верховный Главнокомандующий объявил благодарность бойцам, командирам и политработникам Донского фронта «За отличные боевые действия». Константина Константиновича Рокоссовского и представителя Ставки Николая Николаевича Воронова Сталин поздравил с победой лично, приняв их в Москве. «Чувствовалось, что он доволен ходом событий, – вспоминал позже об этой встрече Рокоссовский. – Беседовали долго. Сталин высказал некоторые соображения о будущем развитии боевых действий. Напутствуемые пожеланиями новых успехов, мы покинули его кабинет. Не могу умолчать о том, что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним».

Корр.: – *Мне хочется привести слова пленённого фельдмаршала. Стоя на развалинах непобежденного города, он признал: «Да, всё это войдет в военную историю как блестящий пример оперативного искусства противника».*

Д.Т. Язов: – 4 февраля 1943 года газета «Нью-Йорк Таймс» писала: «Сталинград стал местом самой трудной и решительной битвы в этой войне. Развернувшееся там отчаянное сражение возможно станет одной из самых значительных битв за долгую историю войн… По своей напряжённости, разрушительной силе и трагизму Сталинградской битве нет равных».

А Джеффри Робертс в своей книге о Сталине констатировал: «Под Сталинградом советские войска перехватили стратегическую инициативу и с тех пор больше не упускали её. После Сталинградской битвы вопрос был уже не в том, могут ли немцы проиграть войну; вопрос был в том, как и когда это произойдёт. Если не считать последнюю попытку отыграться под Курском летом 1943 года, с этих пор войска вермахта отступали до самого Берлина».

После победы под Сталинградом американский президент вручил героическому городу грамоту. Вот её текст:

«От имени народа Соединённых Штатов Америки я вручаю

эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых… будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных наций против сил агрессии». Тогда же, по горячим, как говорится, следам Рузвельт направил Сталину пространное письмо.

«В качестве Главнокомандующего вооружёнными силами Соединённых Штатов Америки, – писал он, – я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединённых Наций новую решимость, приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага».

Посол США А. Гарриман передает грамоты президента Ф. Рузвельта Ленинграду и Сталинграду. 1944 г.

Жаль, что наши теперешние, так называемые, партнёры

слабовато знают историю. Кстати, не такую уж и давнюю.

Победа в Сталинграде заставила Гитлера признать, что «Сталин, без сомнения, – историческая личность совершенно огромного масштаба».

А Геббельс в те дни произнёс пророческую фразу: «Сталинград был и остаётся великим тревожным знаком судьбы германского народа».

Корр.: – *Может, Сталинграду потому и не возвращают его победное имя, что оно служит «тревожным знаком Судьбы» не только для немцев? Приведу еще одну любопытную точку зрения. Известный французский общественный деятель Р. Гароди заметил: «Если Европа свободна сегодня, то это благодаря Сталинграду».*

Д.Т. Язов: – Я бы хотел закончить этот разговор словами из февральского приказа Верховного Главнокомандующего по случаю 25-летия Красной Армии.

«…В ходе войны Красная Армия стала кадровой армией. Она научилась бить врага наверняка, с учётом его слабых и сильных сторон… Не может быть сомнения, что только правильная стратегия командования Красной Армии и гибкая тактика наших командиров-исполнителей могли привести к такому выдающемуся факту, как окружение и ликвидация огромной отборной армии немцев в составе 330 тысяч человек под Сталинградом».

Дипломатический триумф Сталина

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, Ваше последнее интервью вызвало в интернете множество откликов. Приведу несколько из них.*

«Поднять страну от сохи, разбить самую сильную армию Европы, ускорить создание атомной бомбы – заслуга этого Великого Человека! Враги России пытаются очернить Вождя, но народ не обманешь…»

«Никто из антисталинистов никогда не отвечал на два простых вопроса: как без коллективизации можно было индустриализовать огромную страну, тонувшую в разрухе? И что было бы с миром, если бы Сталин не успел создать мощную промышленность до начала войны?»

«Должны были пройти годы, пока не оказалась разоблачена ложь Хрущёва. Он врал о Сталине если не в каждом слове, то в каждой строке своего подлого доклада. Причём реальные цифры этот подлец знал…»

«Как жаль, что такие люди, как Сталин, так редко приходят в этот мир. Как его сейчас нам не хватает, как не хватает….»

Д.Т. Язов: – Не могу судить обо всей переписке в интернете, но из того, что я прочитал, вырисовывается довольно любопытная картина. Лагерь сталинистов – а они оказались в большинстве – отличает от соперников более высокий интеллектуальный уровень.

Вместо аргументов они не используют ложь. Их доводы основаны на серьёзных доказательствах, подкреплены авторитетными источниками. Противоположная сторона чаще берёт нахрапом, не считаясь ни с логикой, ни с фактами. Один из таких антисталинистов сделал прямо-таки сенсационное открытие: якобы при Сталине «Россия лишилась Казахстана и Карелии». И далее этот «знаток» истории делает безапелляционный вывод: «Никогда Россия не терпела таких территориальных поражений, как при нём». Человек, видимо, перепутал Сталина с Ельциным. Но отметиться захотелось: мол, и я против кровавого диктатора!

Для сравнения приведу образец аргументации из лагеря сталинистов. Разговор идёт о репрессиях. А это, как известно, любимый конёк наших либералов.

«Не может идти и речи о влиянии репрессий на снижение боеспособности Красной Армии из-за незначительности их масштабов по сравнению с общей численностью офицерского корпуса…» И далее автор ссылается на публикацию в

«Российском историческом журнале», которая полностью подтверждает его точку зрения.

Корр.: – *По поводу репрессий есть мнение видного английского политика лорда Бивербрука: «…. Теперь уже ясно, что те, кого расстреливали, предали бы Россию немцам». Жестокие слова. Но и время было такое.*

Д.Т. Язов: – Видимо, нам никуда не уйти от этой темы. Либералы твердят, что злодей Сталин погубил цвет Красной Армии. При этом молчат, что этот цвет был активным участником военного заговора. Причём незадолго до предстоящей войны с Германией. Что же касается якобы катастрофических последствий для армии и страны устранение таких деятелей, как Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Корк, Блюхер и некоторые другие, то послушаем мнение человека, который вместе с Жуковым и Рокоссовским брал Берлин. Я имею в виду Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Вот как он развивал интересующую нас тему в разговоре с Константином Симоновым. Интересующихся адресую к книге писателя «Глазами человека моего поколения».

Если оценивать военный опыт, военный уровень и перспективы этих людей, – считает маршал, – то тут нужно подходить индивидуально к каждому.

Он так и делает. Начинает с Блюхера, который, по его мнению, был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего. Человеком, который по уровню своих знаний недалеко ушёл от гражданской войны… Представить себе, что он справился бы в современной войне с фронтом, невозможно… Во всяком случае, такую небольшую операцию, как Хасанские события, Блюхер провалил.

Тухачевский, – считает Иван Степанович, – был человеком даровитым, сильным, волевым, теоретически хорошо подготовленным. К его недостаткам принадлежал известный налёт авантюризма, который проявился ещё в польской кампании. Но главным недостатком было то, что он не прошёл ступень за ступенью военную лестницу…

Якир, по мнению маршала, человек со способностями, но без настоящей военной школы, без настоящего военного образования. Его Конев с трудом представляет себе в роли командующего фронтом на Великой Отечественной войне.

Егорова и Корка он считает людьми средних способностей, не блиставшими сколько-нибудь заметными военными дарованиями.

Дыбенко и Белова он относит к той категории людей, которые в военном отношении целиком в прошлом, и, будь они живы, они были бы обречены на то, чтобы показать в условиях

большой войны свою отсталость и беспомощность.

Из всех перечисленных военачальников Конев отдаёт предпочтение Уборевичу, «умевшему смотреть вперёд и воспитывать кадры…» Он мог во время войны быть «на одной из ведущих ролей в армии».

Как говорится, комментарии излишни.

В том же разговоре с Симоновым Конев сказал, что к началу войны он безгранично верил Сталину, любил его, находился под его обаянием.

Корр.: – *Обидно, что многие из них к моменту воцарения Хрущёва неожиданно «прозрели» и стали сочинять о своём Верховном Главнокомандующем разные небылицы. Но эта тема – для другого разговора.*

Д.Т. Язов: – Да, мы с Вами изрядно отвлеклись. Уговор был поразмышлять о Сталине не только как о гениальном политике и выдающемся полководце, но и как о блестящем дипломате. А для этого ярчайшей иллюстрацией служит работа трёх конференций глав государств антигитлеровской коалиции.

Корр.: – *Начнём с первой из них – с Тегеранской. Её называют победой дипломатического курса Сталина. Вы согласны?*

Д.Т. Язов: – Согласен. Но о конференции – позже. Не будем забывать, что идёт война. Два года мы сражаемся один на один с гитлеровской армадой. Союзники обещали открыть второй фронт весной или летом 1942 года. Но никаких подвижек в этом направлении не наблюдалось. За это время мы успели не только разбить немцев под Москвой, но и одержать триумфальную победу под Сталинградом. В январе 1943 года американский журнал «Тайм» назвал Сталина «человеком года», поместив на своей обложке портрет нашего Верховного Главнокомандующего. А английский историк Джеффри Робертс писал в те дни: «Сталинградская битва стала сигналом того, что немцы неизбежно потерпят поражение на Восточном фронте и что Советский Союз после войны станет самой мощной державой в континентальной части Европы. Баланс сил сместился к Москве, а Лондон и Вашингтон сделались младшими партнёрами по альянсу».

Корр.: – *Вряд ли это особо радовало наших союзников. Их позицию вполне откровенно выразил сенатор Гарри Трумэн, будущий президент Соединённых Штатов. «Если мы увидим, – сказал он, – что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и таким образом пусть они убивают друг друга как можно больше». Так они и действовали пока Сталин, грубо говоря, не взял их за горло и не вынудил открыть второй фронт… в июне*

1944 г., меньше, чем за год до окончания войны.

Д.Т. Язов: – С этим не поспоришь. Но блестящая победа Красной Армии на Курской дуге внесла серьёзные коррективы в наши отношения с союзниками. Эта битва стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Под Курском немцы решили взять реванш за Сталинград. Это была их первая наступательная операция на Восточном фронте в 1943 году. Ей дали название «Цитадель». «На направлении главных ударов, – заявил Гитлер, – должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов… Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира». Были созданы две ударные группировки: одна – южнее Орла, другая – в районе Белгорода. Их задача – нанести два встречных удара в направлении Курска, чтобы окружить и разгромить наши войска. На этом участке они сосредоточили огромные силы. Группировка насчитывала 900 тысяч солдат и офицеров, 50 отборных дивизий, включая 16 танковых и моторизованных, до 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков и штурмовых орудий, 2000 самолётов. На вооружение были получены новые танки «Тигр» и «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд».

Назначив дату наступления – 5 июня, Гитлер самодовольно заявил, что Советский Союз в результате понесённых громадных потерь в предыдущих боях «должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию».

Корр.: – *Я знаю, что вопреки хвастливым заявлениям Гитлера, под Курском мы превосходили немцев и в живой силе, и в технике. Но насколько?*

Д.Т. Язов: – Наша группировка насчитывала 1,3 миллиона человек, до 20 тысяч орудий и минометов, более 3-х тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, 2650 самолётов.

Корр.: – *Не удержусь от реплики. Эту мощь обеспечили в том числе и заводы, переброшенные на восток из западных районов страны. Заботами, между прочим, Иосифа Виссарионовича Сталина.*

Д.Т. Язов: – Продолжу. Противнику противостояли два наших фронта: Центральный, которым командовал генерал армии Константин Константинович Рокоссовский и Воронежский во главе с генералом армии Николаем Фёдоровичем Ватутиным. В резерве находился Степной фронт. Им командовал генерал армии Иван Степанович Конев. Здесь тоже были сосредоточены серьёзные силы.

Ставка Верховного Главнокомандования тщательно и скрупулёзно разработала предстоящую операцию. Тут я бы

обратил внимание на такую деталь. Если нашей разведке было известно о планах гитлеровцев, то в отношении нас они были в полном неведении. Наша сторона выбрала тактику преднамеренной обороны. С тем, чтобы в ходе немецкого наступления измотать и обескровить противника, выбить его танки, а затем перейти в контрнаступление.

При попытке немцев выйти к Курску в районе Прохоровки разыгралось самое грандиозное танковое сражение Второй мировой войны. По некоторым оценкам в нём одновременно участвовало с обеих сторон до 1500 танков и самоходных артиллерийских установок. Но прорвать нашу оборону и захватить Прохоровку немцам не удалось. Курская битва закончилась полным разгромом немецких войск, а 5 августа 1943 года Москва впервые с начала войны салютовала войскам, освободившим Орёл и Белгород, 12-ю артиллерийскими залпами из 120 орудий. Как заметил один западный журналист, началась эра салютов.

6 ноября 1943 года, выступая с традиционным докладом, посвященным Октябрьской революции, Иосиф Виссарионович сказал: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Представляют интерес и оценки немецкой стороны. Генеральный инспектор бронетанковых войск Германии Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» признавал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя… И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Корр.: – *А как оценили нашу победу союзники?*

Д.Т. Язов: – 6 августа 1943 года Рузвельт в специальном послании Сталину писал: «В течение месяца гигантских боёв Ваши вооружённые силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия… Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами». Более сдержанно отметился Черчилль: «Три огромных сражения – за Курск, Орёл и Харьков, все проведённые в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте».

Откровеннее по поводу наших побед высказался бывший премьер Южно-Африканского Союза Смэтс. 31 августа он

отправил Черчиллю послание, в котором не смог скрыть своего беспокойства: «Рядовому человеку должно казаться, что войну выигрывает Россия. Если такое впечатление сохранится, то каково будет наше положение на международной арене после войны по сравнению с положением России? Наше положение на международной арене может легко измениться, и Россия станет дипломатическим хозяином мира».

Корр.: – *Накануне Тегеранской конференции все козыри были в руках у Сталина. А значит, перспектива открытия второго фронта была, как никогда, близка?*

Д.Т. Язов: – Вот здесь я бы воздержался от иллюзий. С победой под Курском они нас поздравили, но с открытием второго фронта не торопились. Главные баталии на конференции разгорелись как раз вокруг этого вопроса. Но я бы хотел вернуться немного назад. Дело в том, что до конференции Рузвельт делал попытки встретиться со Сталиным ещё в конце 1942 года. «Моим самым настоятельным доводом, – писал он, – является сильное желание побеседовать с Вами». Вот как увещевал американский президент нашего вождя в одном из своих писем: «Я глубоко разочарован тем, что Вы не считаете возможным отлучиться в январе на совещание. Имеется много вопросов жизненно важного значения, которые должны быть обсуждены…» Обратите внимание на дату: начало декабря 1942 года. Ещё не завершена Сталинградская битва. С чем ехать на совещание? 6 декабря он написал Рузвельту письмо: «Должен сказать, что время теперь такое горячее, что даже на один день мне нельзя отлучиться. Теперь как раз развертываются серьёзные военные операции нашей зимней кампании и в январе они не будут ослаблены. Более вероятно, что будет наоборот».

Рузвельт повторил предложение, на этот раз предлагал встретиться в марте 1943 года. Но Сталин и это предложение отверг. Ему нужны были серьёзные аргументы, а их могла обеспечить только победа. Как та, что позже случилась на Курской дуге.

Корр.: – *И тогда он в утешение Рузвельту отправил необычный подарок. Комедию Александрова «Волга-Волга»?*

Д.Т. Язов: – Иосиф Виссарионович в очередной раз подтвердил репутацию остроумного человека. Просмотрев фильм, Рузвельт пришёл в недоумение: что же скрывается за сталинским подношением? Решили подвергнуть текст фильма более тщательному переводу. В итоге обнаружили, что один из героев напевает песенку с такими словами:

«Америка России подарила пароход —

С носа пар, колёса сзади
И ужасно, и ужасно, и ужасно тихий ход».

В такой ненавязчивой манере было выражено недовольство медленным ходом поставок по ленд-лизу и постоянными переносами сроков открытия второго фронта.

Корр.: – *Но вот Сталин, наконец, дал согласия на встречу. Обстановка была благоприятной. Наши войска дополнительно освободили Смоленск, Новороссийск, полностью очистили от немцев Таманский полуостров и неудержимо двигались к Днепру. В разговоре со своим сыном Элиотом Рузвельт заметил: «Если у русских и дальше так пойдут дела, возможно, будущей весной и не потребуется второй фронт».*

Интересно, чего больше в этой оценке: радости по поводу наших успехов или опасения оказаться у разбитого корыта?

Д.Т. Язов: – Я думаю, здесь налицо типичный американский прагматизм. Рузвельт понимал, что дело может кончиться тем, что русские возьмут Берлин. А он на этот счёт высказался однозначно: «Берлин должны взять Соединённые Штаты».

Корр.: – С *Тегеранской конференцией связана фраза из дневника Ивана Алексеевича Бунина, живущего в эмиграции: «Нет, вы подумайте, до чего дошло – Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай Бог, чего в дороге не случилось».*

Д.Т. Язов: – Ни в дороге, ни на самой конференции, слава Богу, ничего экстраординарного не случилось. Встреча трёх лидеров состоялась в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 года. Поначалу возникли некоторые трения по поводу места проведения встречи. Рузвельт предлагал Касабланку или Тунис, Черчилль – Лондон. Сталин настоял на Тегеране. Город находился недалеко от нашей границы, а условия военного времени диктовали необходимость Верховному Главнокомандующему постоянно поддерживать связь с наступающими войсками. Начальник оперативного управления Генштаба СМ. Штеменко, сопровождавший Сталина в Тегеран, вспоминал, что он три раза в день докладывал Иосифу Виссарионовичу о состоянии дел на фронте. Были случаи, когда Верховный Главнокомандующий напрямую связывался с командующими фронтов. Из Москвы постоянно приходили директивы, которые требовалось скрепить подписью Сталина. Связь безостановочно работала в обоих направлениях.

Сталин, Рузвельт и Черчилль на Тегеранской конференции, 1943 г.

Корр.: – *В своей книге «Генеральный штаб во время войны» Штеменко приводит эпизод, связанный с его работой на конференции: «Меня с шифровальщиком разместили на первом этаже того же дома, где жил Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф. Вечером Сталин, отправляясь на прогулку, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.*

– Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли их устроить где-то получше?

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ».

Показательно, что всё случившееся Штеменко воспринял как нечто, само собой разумеющееся. Таков был сталинский стиль общения с подчинёнными, они это знали и никаких восторгов по этому поводу не выражали.

Д.Т. Язов: – Первый день на конференции ознаменовался ещё одним переселением. По предложению Сталина, Рузвельт переехал из американского посольства в надёжно охраняемое советское.

Корр.: – *Это диктовалось соображениями безопасности или*

тут был, как подозревал Черчилль, хитрый дипломатический ход?

Д.Т. Язов: – Я думаю, в первую очередь необходимость переезда диктовалась соображениями безопасности. Хотя, наверное, нельзя исключать и второго. Во всяком случае, Черчилль, опасаясь, что Рузвельт «попадёт под обаяние Сталина», был недалёк от истины. На конференции американский президент по многим вопросам поддерживал Сталина. На нашей стороне он оказался и при окончательном решении вопроса по второму фронту. Уезжая из Тегерана, Рузвельт в благодарственном письме советскому вождю признавал: «Там мне было не только в высшей степени удобно, но я также вполне сознаю, насколько больше мы смогли сделать в короткий период времени, благодаря тому, что мы были столь близкими соседями во время нашей встречи».

Сын Рузвельта Элиот, прилетевший на конференцию вместе с отцом, вспоминал: «Русские приложили все усилия, чтобы сделать отцу приятным его пребывание в посольстве. Сталин сам поселился в одном из домов поменьше, предоставив отцу главное здание».

Корр.: – *А что* же *насчёт опасности? Была ли она серьёзной или надуманной?*

Д.Т.Язов: – Сошлюсь на точку зрения Валентина Бережкова, бывшего на конференции переводчиком Сталина. В его книге «Тегеран 1943» есть глава «Предупреждение из ровенских лесов». Автор рассказывает, что первые сведения о готовившемся покушении на участников Тегеранской конференции, поступили из района Ровно. Там, в глубоком тылу, действовала специальная группа, в которую входил наш легендарный разведчик Николай Кузнецов. Ему удалось узнать, что планируется операция под кодовым названием «Большой прыжок». Возглавить её должен был знаменитый немецкий диверсант Отто Скорцени. Главная цель акции – похищение Рузвельта. Якобы для того, чтобы «фюреру было легче сговориться с Америкой». Можно было бы посчитать это чьей-то досужей фантазией, но в 1966 году сам Скорцени подтвердил, что у него было действительно такое поручение.

Информация, полученная от Николая Кузнецова, подтверждалась и другими источниками. О полученных сведениях сообщили в Москву. Были приняты соответствующие меры. И, видимо, одна из них – переселение Рузвельта под более надёжную крышу. А поселись президент в американской миссии, находившейся на окраине города, неизвестно, чем бы это могло закончиться. Президентскому кортежу пришлось бы по нескольку раз в день ездить на переговоры по узким городским улицам,

представляя удобную мишень для террористов.

Корр.: – *Выходит, Иосиф Виссарионович, обеспечил своему американскому коллеге не только удобное жильё, но и уберёг от возможной беды.*

Д.Т. Язов: – На конференции не было официально утверждённой повестки дня. Каждый из участников поднимал те вопросы, которые интересовали его страну. Всеобщее внимание было приковано к Сталину. Его поведение на переговорах производило большое впечатление на окружающих. Он был спокоен, уравновешен, остроумен. «Мы сразу почувствовали, – делился своими впечатлениями американский адмирал Леги, – что имеем дело с исключительно умным человеком, который убедительно говорил и был преисполнен решимости добиться того, что он хотел для России. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, доброжелательным и учитывающим точки зрения его двух коллег до тех пор, пока один из них не выдвигал какую-либо идею, которую Сталин считал неприемлемой с точки зрения советских интересов. В таких случаях он мог говорить правду в глаза вплоть до колкостей.

Корр.: – *По дороге на конференцию Сталин заметил: «Главный вопрос, который решается сейчас, будут они помогать нам или нет?». Помогать – это открыть уже обещанный второй фронт. Но именно этот вопрос и вызвал самые ожесточённые споры…*

Д.Т. Язов: – Основная схватка шла между нашей делегацией и Черчиллем. Сталин настаивал на вторжении союзников через Ла-Манш в северную Францию. Это был ближайший путь до Берлина. У Черчилля был другой вариант: главный удар наносить из Италии. Сталин разгадал этот манёвр. Его целью было не допустить Красную Армию в Австрию, Румынию, Венгрию.

Достойно удивления – с каким терпением и выдержкой вёл эти переговоры глава советской делегации. Наконец, он не без сарказма произнёс: «Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд», или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?» Черчилль опять уклонился от прямого ответа. Тогда Сталин, по словам Бережкова, резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «Идёмте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте». Черчилль заёрзал в кресле, покраснел и невнятно пробормотал, что его не так поняли.

Было ясно, что он проиграл. Рузвельт в этом споре был на стороне Сталина. Ему очень важно было заручиться нашей поддержкой в войне с Японией. Американские генералы подсчитали, что без помощи Советского Союза потери их войск

составят более миллиона человек. Сталин обещал помочь, но тут же оговорил условия, на которых это будет осуществлено. В первую очередь, он потребовал возврата нам Южного Сахалина и Курильских островов.

Корр.: – *Мне в этой связи вспоминается рассказ адмирала Ивана Степановича Исакова. Дело было на каком-то военном приёме у Сталина задолго до Тегеранской конференции. Присутствующие подвыпили. И вот, пребывая в таком «приподнятом» состоянии, Иван Степанович подошёл к вождю, взял его под руку и подвёл к висевшей на стене огромной карте.*

– Без Южного Сахалина, – сказал он Иосифу Виссарионовичу, – там, на Дальнем Востоке, большой флот строить бессмысленно. Пока мы не возвратим Южный Сахалин, до тех пор у нас не будет выхода в океан.

Сталин его спокойно выслушал и ответил: «Подождите, будет Вам Южный Сахалин». Подвыпивший Исаков не унимался, настаивал на своём. Тогда Сталин, обращаясь к окружившим их людям, сказал:

– Вот, понимаете, требует от меня Исаков, чтобы мы обладали Южным Сахалином. Я ему отвечаю, что будем обладать, а он не верит мне…

«Этот разговор, – заключил свой рассказ Исаков, – вспомнился мне потом, в сорок пятом году… Не мог не вспомниться».

Д.Т. Язов: – А помните сталинские слова после победы над Японией: «Поражение русских войск в 1904 году… оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания… Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита… Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил…» Сталин был превосходным знатоком истории. И это своё знание он успешно применял в спорах с оппонентами. Так, когда в Тегеране зашла речь о будущем Прибалтийских государств, Сталин твёрдо заявил, что они должны вернуться в состав СССР. У союзников на этот счёт были серьёзные сомнения. Иосиф Виссарионович развеял их с помощью очередного экскурса в историю.

«Литва, Эстония, Латвия, – сказал советский руководитель, – не имели автономий до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопрос о выходе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

Как говорится, союзникам нечем было крыть. Вопрос решился в пользу Советского Союза».

Корр.: – *Ещё одним камнем преткновения была Польша. Как решался вопрос с ней?*

Д.Т. Язов: – Черчилль и Рузвельт внесли в повестку дня вопрос о восстановлении наших отношений с польским правительством в изгнании. Оно находилось в Лондоне и было враждебно настроено по отношению к Советскому Союзу. Сталин во время переговоров продемонстрировал листовку «лондонских» поляков с изображением двуликого Януса с лицами Гитлера и Сталина. Были и другие примеры явно недружественного характера. Советский руководитель заявил, что он не потерпит превращения Польши в плацдарм для антисоветских авантюр. На нашей границе должно быть дружественное нам государство.

Корр.: – *Тогда же, насколько я помню, остро встал вопрос о восточной границе с Польшей?*

Д.Т. Язов: – По пакту Молотова – Риббентропа к нам отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Сталин не собирался терять эти приобретения. После долгих споров договорились провести границу по так называемой «линии Керзона». Её утвердил в 1919 году Верховный Совет Антанты, а название она получила по имени министра иностранных дел Англии лорда Керзона.

В целом эта линия совпадала с границей 1939 года. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но Черчиллю захотелось «отхватить» для своих польских друзей город Львов. Они представили карту, по которой «линия Керзона» якобы проходила восточнее Львова, а значит, город входил во владения Польши.

Корр.: – *Я знаю эту историю. Сталин тогда красиво «утёр» нос англичанам. Зная с кем имеет дело, он, отправляясь в Тегеран, попросил Молотова на всякий случай захватить подлинник той старой карты. Там, естественно, было зафиксировано, что Львов отходит к СССР. Для большей убедительности был продемонстрирован текст телефонограммы лорда Керзона, в котором перечислялись города, передающиеся России. В списке был и Львов. Черчилль возмутился: этот город был польским! На что Сталин спокойно заметил: а Варшава была русской. Так закончился этот спор. Последнее слово опять осталось за нашим вождём.*

Д.Т. Язов: – Да, знали бы сегодняшние Львовские «западенцы» кому они обязаны своей территорией…

На конференции произошёл весьма неприятный инцидент. Опять, как говорится, отличились англичане. Так совпало, что день рождения Черчилля пришёлся на один из дней конференции. Именинник созвал гостей. Один за другим следовали дружеские тосты. Дошла очередь до начальника Генерального штаба Англии Алана Брука. Поднявшись с места, он заявил, что наибольшие жертвы в войне понесли англичане, что их потери превышают потери любого другого народа, что Англия

больше других сражалась и больше сделала для победы. В ответ наступила неловкая тишина. Все знали, что это неприкрытая ложь, что основную тяжесть войны несёт Советский Союз, а собратья генерала второй год торпедируют открытие второго фронта.

Присутствующие ожидали, что сейчас разразится скандал…

Корр.: – *Может быть, расчёт и был на это: вывести Сталина из себя и таким образом поквитаться за дипломатические проигрыши англичан…*

Д.Т. Язов: – Но у них опять ничего не вышло. Сталин, как свидетельствуют очевидцы, встал, обвёл присутствующих посуровевшим взглядом и спокойно произнёс ответный тост:

«Я хочу сказать о том, что сделали для победы президент Рузвельт и Соединённые Штаты. В этой войне главное – машины. Они могут производить ежемесячно 8-10 тысяч самолётов, Англия – 3 тысячи. Следовательно, Соединённые Штаты – страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну».

И не слова о том, чей вклад больше. Вот так, я бы сказал, утончённо, Сталин ответил на провокационную выходку английского генерала. Между прочим, английский военный историк Тейлор констатировал: «В Англии до 1942 года вероятность того, что солдат в армии получит телеграмму о гибели жены от бомбы, превышала вероятность того, что жена получит телеграмму о гибели мужа в бою».

Корр.: – *Хочу заметить, что были на конференции и приятные моменты. Именно там состоялось историческое вручение «меча Сталинграда», дара английского короля Георга VI жителям легендарного города. Вы упоминали об этом подарке в одном из предыдущих интервью.*

Д.Т. Язов: – Да, но тогда это была только информация, а на конференции все стали свидетелями торжественного момента. Сталин принял меч от Черчилля, поцеловал его и передал Ворошилову.

Вручение «Меча Сталинграда» на Тегеранской конференции, 1943 г.

Шёл третий день конференции. 30 ноября был, наконец, решён вопрос об открытии второго фронта. Вот как описывает этот волнующий момент Валентин Бережков: «Когда руководители трёх держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчёркнутой торжественностью заявил:

– Господа, я намерен сообщить Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее решение: «Операция «Оверлорд» намечена на май 1944 года».

Сталин и Черчилль. «С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу…» (И. В. Сталин)

Обратите внимание на реакцию Сталина: «Я удовлетворён этим решением», – спокойно произнёс он. А потом ещё добился, чтобы на конференции был назначен человек, отвечающий за ход намечавшейся операции. Им стал американский генерал Эйзенхауэр. В свою очередь советский руководитель пообещал, что к моменту начала десантной операции во Франции, русские подготовят сильный удар по немцам.

Корр.: – *Я читала, что обстановка на конференции стала менее напряженной. Сталин и Черчилль продолжали обмениваться колкостями, но в них уже было больше добродушия, чем язвительности. Вот один из таких образчиков.*

На замечание Иосифа Виссарионовича, что финны должны выплатить нам репарации за ущерб от войны, Черчилль беззлобно подколол собеседника: а как же, мол, лозунг большевиков «Мир без аннексий и контрибуций?» В ответ услышал: «Я же говорил Вам, что становлюсь консерватором».

Д.Т. Язов: – На конференции была затронута проблема послевоенного будущего Германии. Союзники настаивали на расчленении страны и создании на её территории множества карликовых государств. Сталин считал, что «решение германской проблемы надо искать не на путях уничтожения германского государства, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию, а на путях её демилитаризации, с непременной ликвидацией фашизма, вермахта и передачей

преступных руководителей Третьего рейха под суд народов».

Договорились передать решение этих вопросов в трехстороннюю комиссию. А Тегеранская конференция завершала свою работу. Было намечено ещё одно заседание на 1 декабря, но погода стала портиться, подул шквалистый ветер, небо заволокло тучами. Решили не задерживаться. Итоговую декларацию приняли без обсуждения. Но она ни у кого из участников не вызывала сомнений. В ней говорилось: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки в море и разрушить их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим… Мы уверенно ждём того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действиям тирании и в соответствии со своими различными стремлениями».

После конференции, прощаясь со Сталиным, Рузвельт сказал: «Я считаю, что мы проделали здесь хорошую работу». На что его собеседник заметил: «Теперь уже никто не усомнится в том, что победа будет за нами».

Корр.: – *Мне понравился итог, который подвёл главнокомандующий ВМС США адмирал Кинг: «Сталин точно знал, чего он хочет, когда приехал в Тегеран, и он этого добился». Значит, не будет преувеличением считать Тегеранскую конференцию дипломатическим триумфом Иосифа Виссарионовича?*

Д.Т. Язов: – Безусловно. Сталин получил всё, на что рассчитывал: и открытие второго фронта, и границу по «линии Керзона», и возврат прибалтийских республик. Было удовлетворено также требование Сталина о передаче нам после войны Кенигсберга. В ответ Верховный Главнокомандующий согласился объявить войну Японии не позднее трёх месяцев после победы над Германией.

Рузвельт тоже был доволен. В своём выступлении по радио после возвращения с конференции он сказал: «Я хорошо поладил с маршалом Сталиным… Думаю, что он является подлинным выразителем дум и чаяний России, и я убеждён, что мы сумеем очень хорошо поладить с ним и с русским народом и впредь».

Корр.: – *Спасибо, Дмитрий Тимофеевич, и за интервью, и за Вашу позицию. Надеюсь, что мы продолжим наш разговор. За Вами – Ялтинская и Потсдамская конференции.*

Д.Т. Язов: – И Победа!

Корр.: – *Согласна.*

Богоданный вождь

Корр.: – *Недавно кинорежиссёр Никита Михалков предложил признать преступной деятельность Горбачёва и Ельцина. Неплохо было бы присоединить к ним «дорогого Никиту Сергеевича». Есть и подходящий повод: исполнилось 60 лет тому самому «историческому» докладу, который Николай Стариков назвал «сборником небылиц, лжи и клеветы», а американский историк Гровер Ферр – «антисталинской подлостью».*

Д.Т. Язов: – Заметьте, приступив к анализу хрущёвского доклада, дотошный американец, столкнувшись с первыми нестыковками, делает осторожный вывод: «преступное мошенничество?» Пока со знаком вопроса. К концу работы у него уже не оставалось сомнений: «Из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина или Берию не оказалось ни одного правдивого», У нас на эту тему появилось много честных, серьёзных исследований. Я имею в виду книги Арсена Мартиросяна, Юрия Жукова, Елены Прудниковой, того же Николая Старикова. Надо только захотеть услышать правду.

Корр.: – *Но беда-то в том, что нашим оппонентам правда не нужна. Хотя спесь с них понемногу сбивают. Недавно в телевизионной передаче, обсуждавшей «юбилейный доклад», достойный отпор антисталинистам дали: Николай Стариков, Виталий Третьяков, Карен Шахназаров, Сергей Шаргунов. Я знаю, что в 1956 году Вы учились на последнем курсе Военной академии имени Фрунзе. Как в вашем коллективе восприняли «откровения» Хрущёва?*

Д.Т. Язов: – Для нас, недавних фронтовиков, имя Сталина было, можно сказать, святым. В те дни маршал Рокоссовский так и сказал: «Товарищ Сталин для меня святой». Военный авторитет Верховного Главнокомандующего был непререкаемым. Да я Вам больше скажу: «Всё, что было хорошего в нашей жизни, мы связывали с его именем. В дни войны наши чувства хорошо выразил Константин Симонов в известном стихотворении «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?»

Там есть такие сроки:

> «Не мать, не сына – в этот грозный час
> Тебя мы самым первым вспоминаем».

Вот и посудите, как мы могли воспринимать обрушившийся на нас поток самых фантастических обвинений? Наверное, самое

первое ощущение – шок. Чувство какой-то чудовищной несправедливости. Преподаватель, знакомивший нас с докладом, плакал. Начальником академии в тот момент был Павел Алексеевич Курочкин – генерал армии, Герой Советского Союза, крупный военачальник. Он сказал тогда – за точность слов не ручаюсь, но смысл передаю точно – товарищ Сталин был великим вождём и гениальным Верховным Главнокомандующим. Таким он и останется для нас на всю жизнь.

Это, понятное дело, говорит человек военный. Его мнение – честное и смелое – объяснимо. Но вот ещё одно мнение: человека, который в тридцатые годы был репрессирован и, как говорится, хватил лиха сполна. Побывал в трёх ссылках. Одну отбывал, как и Сталин, в Туруханском крае. Я говорю о Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком. Святителе Луке. Бывшем архиепископе Симферопольском и Крымском, известном хирурге. Во время войны он совмещал служение Богу с работой в эвакогоспитале. Написал несколько серьёзных статей, в том числе по гнойной хирургии, за что был удостоен Сталинской премии. Специалисты говорят, что его работы не утратили своей актуальности и сейчас.

Не знаю, был ли он знаком с пресловутым докладом, но его мнение прямо противоположно хрущёвскому: «Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину. Сталин – богоданный вождь». Заметьте, эта оценка звучит от человека, причисленного к лику святых.

А вот мнение другого религиозного деятеля, митрополита Иоанна Санкт-Петербургского: «Сталин нам дан Богом, он создал такую державу, которую сколько не разваливают, а не могут до конца развалить… Так что, если с Божьей точки смотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек. Богом данный, Богом хранимый».

Корр.: – *Эту оценку повторил публицист Владимир Нилов в статье «Суровый подвиг», опубликованной в газете «Советская Россия»: «Наиболее интеллектуальные, честные и дальновидные из образованного слоя уяснили себе, что Сталин был «богоданным вождём страны».*

Д.Т. Язов: – Такая мысль невольно приходит в голову, когда осмысливаешь, что он сделал, читаешь оценки отечественных и зарубежных авторов. Александр Бушков в книге «Россия, которой не было», приводит слова И. Бунича, которого трудно отнести к почитателям Иосифа Виссарионовича: «Если вдуматься, что оставил ему Ленин, кроме методики построения первого в мире социалистического государства и туманных пророчеств о неизбежности войн в эпоху империализма?.. Пустую казну,

дезорганизованную, разложенную и на глазах деградирующую партию, разорённую, разграбленную и распятую страну… Разрушенная до основания промышленность, приведённая в полный хаос финансовая система, парализованный транспорт, почти полностью уничтоженная квалифицированная рабочая сила…

Прошло десять лет – микросекунда в масштабе истории – и ошеломленный мир с ужасом, смешанным с восхищением, вынужден был признать, что стал свидетелем чуда. И хотя это чудо было очень милитаризовано, но от этого отнюдь не становилось менее впечатляющим… 303 дивизии уже находились под ружьём. 23 тысячи танков, включая невиданные ещё в мире бронированные чудища с дизельными, а не с бензиновыми моторами… 17 тысяч самолётов… 40 тысяч артиллерийских стволов и секретные реактивные миномёты… 220 подводных лодок – больше, чем у всех стран, вместе взятых… заводы, выплавляющие больше всех в мире на душу населения чугуна и стали, бесчисленные конструкторские бюро, лаборатории, научно-исследовательские институты…»

«Откуда появились сотни тысяч… конструкторов, лётчиков, штурманов, механиков, водителей танков, командиров кораблей, флотских штурманов, электриков, минёров, артиллеристов, инженеров-механиков надводного и подводного флота, специалистов по металлургии сверхпрочных сплавов?.. Они же не выросли на деревьях? И на 1913 год ни одного из подобной категории военных и гражданских специалистов не было и в помине… и вот, всего за десять лет, они появились, и в таком количестве, что составили инфраструктуру мощной военно-индустриальной империи».

Корр.: – *Я читала эту книгу. В главе «Микита» автор перечисляет всё, к чему приложил руку неутомимый Никита Сергеевич. Вот этот список и, наверное, далеко не полный. Расстрел демонстрации в Тбилиси в 1956 году. Ещё один расстрел в Новочеркасске в 1962 году. Сокращение армии, уничтожение самой современной военной техники, ссора с Китаем, авантюра с освоением целины, Берлинский кризис, Карибский кризис, гонения на Русскую православную церковь.*

Можно предложить нашим антисталинистам сравнить: что сделано Сталиным за 10 лет (перечислено выше) и что в активе у Хрущёва. Срок правления тот же – 10 лет. Негодующий автор заключает: «Нельзя прямо-таки найти такое, что это лысое ничтожество ухитрилось бы не развалить». Резковато, но ведь и Никита Сергеевич не церемонился, растаптывая святые для нас идеалы. Говорят, по его указанию было снесено храмов больше, чем

в самые богоборческие времена.

Д.Т. Язов: – Вот это как раз нетрудно проверить. Хрущёвский «крестовый» поход против церкви происходил на глазах многих ныне живущих людей…

Корр.: – *Что не помешало нашим либералам и этот грех «повесить» на Иосифа Виссарионовича.*

Д.Т. Язов: – Ну это либо невежество, либо злой умысел. Известно, например, письмо Сталина Менжинскому от 1933 года. Приведу из него короткую выдержку: «ЦК считает невозможным проектирование застроек за счёт разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнерусского зодчества». В то же, примерно, время из репертуара одного из московских театров была снята комическая опера «Богатыри», что не обошлось, конечно же, без вмешательства Сталина. В обосновании говорилось, что опера «даёт антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являющегося в действительности положительным этапом в истории русского народа».

Ещё факт. Сталин подписывает решение Политбюро ЦК от 1939 года, в котором говорится: «Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей Русской православной церкви, преследования верующих».

Противники вождя и церкви не скрывали злобы: «Сталин, – говорили они, – поп, хитрый и коварный, каким-то чудом пробравшийся на самые верхи. Скоро мы все будем плясать под православную дуду».

За время войны в Советском Союзе было открыто 22 тысячи церквей. О помощи Сталина церкви и верующим есть множество документально подтверждённых свидетельств.

Корр.: – *Я читала, что сталинская Конституция 1936 года вернула священнослужителям избирательные права, верующие же получили право венчаться, крестить детей, праздновать Пасху… А чем лично Вы обязаны Иосифу Виссарионовичу?*

Д.Т. Язов: – Если на время абстрагироваться от военной составляющей, могу сказать, что не только я, но и большинство моих сверстников тем, кем мы стали, обязаны, в первую очередь, Сталину. Социализм, который он построил в «отдельно взятой стране», дал миллионам таких как я образование, профессию, возможность совершенствоваться в своём деле. При какой другой власти мальчишка из глухого сибирского села мог стать маршалом? А ведь нас в семье был о 10 детей. И поднимала мать такую ораву почти в одиночку. Отец рано умер, а позже и отчим погиб в Великой Отечественной. Всех вырастила, поставила на ноги.

Корр.: – *Похожая ситуация была в крестьянской семье бывшего диссидента, известного философа Александра Зиновьева. Детей было одиннадцать. Все вышли в люди. Один стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником и так далее. В эту эпоху,* – *пишет Зиновьев,* – *«происходил беспрецедентный в истории человечества подъём многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, учёные, писатели, директора».*

При Сталине, приходит он к выводу, «было подлинное народовластие…, а сам Сталин был подлинно народным вождём». Вот потому-то мать Зиновьева, простая крестьянка, всю жизнь хранила в Евангелии портрет Сталина.

Джеффри Робертс, написавший книгу о нашем вожде, замечает в предисловии:

«…Изображение Сталина как величайшего из военных руководителей, как человека, предпочитавшего мир «холодной войне», и как политика, который был инициатором процесса послевоенных реформ внутри страны, понравится далеко не всем. Для некоторых единственный приемлемый образ Сталина – это образ злого тирана, который не принёс миру ничего, кроме горя. Этот образ прямо противоположен культу личности Сталина – он изображает диктатора не как божество, а как злого демона, и даёт ложные представления о способностях Сталина как политического лидера. Несомненно, Сталин был искусным политиком, хорошим идеологом и великолепным руководителем. Кроме того, он обладал внутренней харизмой, благодаря чему оказывал личное влияние на любого, кто вступал с ним в тесное общение».

Д.Т. Язов: – Ну, подумали бы наши горе-десталинизаторы, разве народ заставишь боготворить злодея, упыря, вурдалака? А его именно боготворили. В сборнике «Сталин. Эпоха свершений и побед» приводится выдержка из дневника Корнея Ивановича Чуковского: «Вчера на съезде писателей сидел в 6-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Взял его в первые ряды. Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял немного утомлённый, задумчивый и величавый. Я оглянулся: у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые и смеющиеся лица. Видеть его, просто видеть – для всех нас было счастьем… Домой мы пришли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью».

Корр.: – *Говорят, Пастернак «просто бредил Сталиным». В 1936 году в газете «Известия» были опубликованы два стихотворения поэта о вожде. В одном из них – такие строки:*

«А в те же дни на расстоянье

За древней каменной стеной
Живёт не человек, преданье,
Поступком, ростом с шар земной».

Д.Т. Язов: – Сталин, вопреки утверждениям Хрущёва, довольно резко выступал против возвеличивания своей личности. Известно его письмо в «Детиздат»: «Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остаётся фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ, – говорят эсеры. Народ делает героев, – отвечают эсерам большевики. Книжка льёт воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку».

В письме драматургу А.А. Афиногенову он снова возвращается к беспокоившей его теме. «Зря, – пишет он, – распространяетесь о «вожде». Это нехорошо и, пожалуй, неприлично. Не в «вожде» дело, а в коллективном руководителе – в ЦК партии».

Известный историк Юрий Жуков в своей книге «Иной Сталин» приводит такой пример.

По предложению Сталина, Политбюро объявило «выговор редакциям газет «Правда» и «Известия» за то, что без ведома и согласия ЦК и тов. Сталина объявили десятилетний юбилей книги тов. Сталина «Основы ленинизма» и поставили тем самым ЦК и тов. Сталина в неловкое положение».

В тридцатые годы таких примеров было множество. Вот ещё один из них. Это решение Политбюро: «Принять предложение тов. Сталина об отмене решения Заккрайкома о постройке в Тифлисе института Сталина. Реорганизовать… институт Сталина в филиал института Маркса – Энгельса – Ленина».

Многие серьёзные исследователи, подчёркивают, что Иосиф Виссарионович старался дистанцироваться от излишних проявлений культа личности. Он понимал, что стал для народа неким символом. Показателен в этом плане его разговор с сыном Василием, который нередко прикрывался фамилией отца: «Ты не Сталин, и я не Сталин. Сталин – это советская власть! Сталин –

это то, что пишут о нём в газетах и каким его изображают на портретах. Это не ты и даже не я».

Корр.: – *«Обаятельный и обезоруживающий, открытый и загадочный, притягательный и пугающий – таким набором эпитетов сопроводил характеристику нашего вождя Джеффри Робертс.*

Оставил нам своё свидетельство и другой западный специалист по Сталину, Роберт Такер, написавший изданную у нас в 1991 году книгу «Сталин. Путь к власти. 1879–1929 гг.». Как видим, охвачен сравнительно небольшой отрезок времени. Ещё не подведены потрясающие итоги сталинских пятилеток, другие достижения в области науки, культуры, образования, тем не менее, автор отмечает: «Не было никаких сомнений относительно… наличия у него природного таланта руководителя, сочетавшегося с проницательным умом и огромной работоспособностью». Изучив биографию пятидесятилетнего вождя, автор восклицает: «Какие же еще требовались доказательства, что он был гением в политике».

Д.Т. Язов: – Сейчас ёрничают, говоря о Сталине: «отец народов». А он действительно был для народа кем-то вроде отца. Эту глубинную связь со своим вождём люди чувствуют до сих пор. Потому и голосуют за него, рисуют иконы и ставят памятники вопреки колоссальным препятствиям.

Люди тоскуют по былому величию страны, по одержанным при Сталине победам, по уверенности, с которой народ смотрел в своё будущее, по справедливости, которая царила тогда в обществе. Кто-то назвал это народное состояние «поисками отца во времена безотцовщины». Точнее не скажешь!

Корр.: – *Сейчас, в связи с «юбилеем», опять подняли тему репрессий. Опять у наших антисталинистов капитаны командуют дивизиями, поскольку все, кто выше, поголовно истреблены. «Покажите мне хоть одного такого капитана! – неоднократно взывал к своим оппонентам Владимир Сергеевич Бушин. Блестящий публицист, фронтовик и мой давний знакомый.*

Я решила поискать. Нашла подсказку. Якобы в Ленинградском военном округе накануне войны во главе дивизий были сплошь капитаны. Вот я и «отправилась» на Волховский фронт. Проштудировала мемуары Кирилла Афанасьевича Мерецкова. И, представьте, нашла одного замечательного капитана.

История эта связана с трагическими событиями 1942 года, когда в окружение попала 2-я ударная армия. На поиски Военного совета и штаба армии Мерецков отправил танковую роту с десантом и своего адъютанта капитана Михаила Григорьевича Бороду. А дальше рассказ продолжит сам командующий фронтом:

«Выбор пал на капитана Бороду не случайно. Я был уверен, что этот человек прорвётся сквозь все преграды. Когда началась Великая Отечественная война, краснознамёнец Михаил Григорьевич Борода, отличившийся ещё во время войны с Финляндией, являлся начальником 5-й погранзаставы возле Суоярви на финляндской границе. Финнам удалось… взять заставу в кольцо… 22 дня герои выдерживали осаду. А когда боеприпасы оказались на исходе, пограничники штыковой атакой прорвали кольцо окружения с неожиданной стороны – в направлении к Финляндии – и ушли от преследования в полном вооружении и неся с собой раненых».

И дальше Мерецков продолжает: «Михаил Григорьевич не раз отличался в бою. Так, весной 1942 года под Мясным Бором он получил от меня задание: помочь дивизии полковника Угорича отбить атаку противника, рвавшегося к Ленинградскому шоссе. Когда комдив был смертельно ранен, Борода временно принял на себя его функции и не дал дивизии отступить».

Д.Т. Язов: – Да, такого капитана стоило поискать. А чтобы покончить с этой темой, скажу, что и во время войны и после мне не случалось встречать во главе дивизий капитанов. Командовали исключительно полковники и генералы. Кстати, я воевал по соседству с капитаном Бородой – на Волховском фронте.

Корр.: – *Почти все наши крупные военачальники – из крестьянских, часто многодетных семей: и Жуков, и Конев, и Черняховский, и Чуйков, и многие другие. У родителей Чуйкова, например, было 12 детей. Геббельс, рассматривая в 1945 году фотографии советских военачальников, признал: «По лицам их видно, что вырезаны они из хорошего природного дерева… Приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса, получше, чем наша собственная».*

Как же это удалось – крестьянским детям превзойти немецких «сверхчеловеков»?

Д.Т. Язов: – Вынужден повториться: и это во многом тоже благодаря заботам Иосифа Виссарионовича. Он большое внимание уделял подготовке военных кадров. В стране действовали десятки военных училищ, несколько академий, включая Академию Генерального штаба. На должность её начальника был назначен крупнейший военный специалист – Борис Михайлович Шапошников. Сталин его очень ценил и уважал. Однажды поинтересовавшись, чему учат будущих военачальников, вождь обнаружил, что третья часть учебного процесса отведена… политобразованию. Такова была традиция. Сталин собственноручно вычеркнул этот раздел и дал указание возникший пробел заполнить военными дисциплинами. Для

Иосифа Виссарионовича такой подход к делу был вполне типичным. «Армия, – говорил он, – может быть сильной только тогда, когда пользуется исключительной заботой и любовью народа и правительства… Армию надо любить и лелеять». При Сталине к армии так и относились. Внимателен и заботлив был Верховный Главнокомандующий и к своим подчинённым. Как нельзя лучше это доказывает история с генералом Вольским.

Корр.: – *У некоторых авторов, пишущих о войне, я встречала мнение, что такого случая вообще не могло быть…*

Д.Т. Язов: – Случай, действительно, не ординарный. Но какие могут тут быть сомнения. Об этой истории довольно подробно рассказал Александр Михайлович Василевский. Он был тогда начальником Генштаба и представителем Ставки на Сталинградском фронте. Готовилось наше контрнаступление. Была определена дата: 19 ноября. И вдруг 17-го вечером Сталин вызывает Василевского в Москву и знакомит с письмом командира 4-го механизированного корпуса генерала Вольского. А надо сказать, что именно этот корпус должен был стать главной ударной силой фронта. Письмо примерно такого содержания: «Дорогой товарищ Сталин! Считаю своим долгом сообщить Вам, что я не верю в успех предстоящего наступления. У нас недостаточно сил и средств для этого. Я убеждён, что мы не сумеем прорвать немецкую оборону и выполнить поставленную перед нами задачу. Что вся эта операция может закончиться катастрофой и вызовет неисчислимые последствия, принесёт нам потери, вредно отразится на всём положении страны…»

Корр.: – *Не могу удержаться от реплики: это какой же верой в своего Главнокомандующего надо было обладать, чтобы в столь неподходящий момент поделиться с ним своими сомнениями. Ведь реакция могла быть самой суровой.*

Д.Т. Язов: – На самом деле произошло вот что. Сталин поинтересовался, что за человек, написавший ему это тревожное письмо. Получив отличную характеристику, попросил соединить его с Вольским. Со слов Василевского, он сказал ему: «Я думаю, что Вы неправильно оцениваете наши и свои возможности. Я уверен, что Вы справитесь с возложенными на Вас задачами и сделаете всё, чтобы ваш корпус выполнил намеченное и добился успеха… Готовы ли Вы сделать все от вас зависящее, чтобы выполнить поставленную перед Вами задачу?»

Услышав положительный ответ, Сталин спокойно закончил: «Я верю в то, что вы выполните вашу задачу, товарищ Вольский. Желаю вам успеха».

Василевский вернулся в Сталинград. Операция развивалась успешно. Вольский действовал смело и решительно.

Поставленную задачу выполнил. Вот как зафиксировал этот факт Василий Иванович Чуйков в своей книге «От Сталинграда до Берлина»:

«23 ноября в 16 часов части 4-го танкового корпуса под командованием генерал-майора А.Г. Кравченко и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта под командованием генерал-майора В.Т. Вольского соединились в районе хутора Советский. Кольцо окружения сомкнулось». Когда Василевский в очередной раз докладывал Сталину об обстановке, тот спросил, как действовал Вольский и его корпус. Услышав, что действовали они отлично, сказал: «Вот что, товарищ Василевский, раз так, я прошу Вас найти там, на фронте, хоть что-нибудь пока, чтобы немедленно от моего имени наградить Вольского. Передайте ему мою благодарность и дайте понять, что другие награды… впереди».

У Василевского был трофейный немецкий «вальтер». К нему прикрепили дощечку с соответствующей надписью, и Александр Михайлович передал командиру корпуса слова Сталина и подарок.

«Мы стояли с Вольским, – вспоминал позже Василевский, – смотрели друг на друга и с ним было такое потрясение, что этот человек в моём присутствии зарыдал, как ребёнок».

Вот что значит вовремя поддержать человека, помочь ему обрести уверенность и сказать напоследок доброе слово. Таким он был, наш Верховный Главнокомандующий.

Корр.: – *Но на этом ведь история не закончилась…*

Д.Т. Язов: – Да. Было у неё героическое продолжение. Это случилось уже после того, как армия Паулюса была окружена. Но на выручку ей спешила специально созданная группа «Дон» под командованием Манштейна. Танкам немцев удалось прорвать нашу оборону. Сложилась опаснейшая ситуация. Могло пройти суток двое, и уже поздно было бы что-то предпринимать. Трёхсоттысячная армия Паулюса могла уйти из Сталинграда. Ставка решила выдвинуть навстречу Манштейну 2-ю гвардейскую армию Малиновского. Но её нужно было перебросить с другого фронта. К нужному сроку она не успевала. Положение спасли корпус Вольского и находившиеся поблизости части. Они задержали немцев до подхода гвардейцев Малиновского. Вот что писал по этому поводу командующий фронтом Ерёменко: «Величайшая заслуга наших частей и соединений, вступивших в неравный бой с группой войск Гота – Манштейна, состоит в том, что они ценой неимоверных усилий и жертв выиграли восемь дней драгоценнейшего времени, необходимого для подхода резервов».

В те дни газета «Красная Звезда» писала об одном из полков корпуса Вольского: «Подвиг, совершённый этим полком, перекрывает все представления о человеческой выносливости, выдержке и воинском мастерстве».

Корпус вскоре стал гвардейским. А что касается письма, с которого всё началось, то тут, видимо, сказались и страшное перенапряжение тех дней и чувство огромной ответственности и опасение, что может не получиться. Такое на войне бывало, особенно с теми, кто не прошёл боевого крещения, не успел побывать в серьёзных боях.

Корр.: – *А как сложилась дальнейшая судьба Вольского?*

Д.Т. Язов: – Я потерял его из виду. Знаю, что после корпуса он командовал гвардейской танковой армией. В 1944-м ему было присвоено звание генерал-полковника. Наши пути не пересекались. Слышал, что он рано ушёл из жизни.

Наберётся немало случаев, когда Сталин выручал человека в трудную минуту, входил в его положение, поддерживал, оказывал доверие. Об одном из таких примеров рассказывает комиссар Генштаба Ф.Е. Боков. В январе 1943 года он знакомил Верховного Главнокомандующего с документами. Среди них оказалось предписание командующего Южным фронтом Ерёменко и члена Военного совета Хрущёва. Они требовали снять с должности командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Танасчишина. Он обвинялся в превышении власти. Приведу, с небольшими сокращениями, состоявшийся диалог.

– Это какой Танасчишин? – спросил И.В. Сталин. – В прошлом кавалерист?

– Да. Зовут его Трофим Иванович.

– Я его хорошо знаю. Боевой рубака… А как его корпус воюет?

– Очень хорошо. При Танасчишине стал гвардейским.

Уточнив, в чём конкретно обвиняют генерала, Сталин подытожил: «Личных мотивов у него не было. Болел за выполнение боевого задания, но переусердствовал…» И вынес решение: «Снимать не будем. Передайте Ерёменко и Хрущёву, что Сталин взял Танасчишина на поруки».

Ерёменко с Хрущёвым оставалось только повторить: на поруки, так на поруки.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, а я ведь встречала похожий случай в мемуарах Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Там фигурирует лётчик-истребитель, прибывший в Москву за боевой наградой – звездой Героя Советского Союза. Получил, отметил с друзьями и поздно ночью возвращался домой. Услышав женский крик, бросился на помощь. К незнакомой*

девушке приставал солидный мужчина. В случившейся разборке лётчик застрелил обидчика. Пострадавший оказался ответственный работник какого-то наркомата. Доложили Сталину. Разобравшись в происшедшем, он спросил, что можно сделать по закону? Ему ответили: до суда героя можно взять на поруки. Сталин написал заявление в Президиум Верховного Совета с просьбой отдать боевого лётчика ему на поруки. Просьбу удовлетворили. Лётчик вернулся на фронт, геройски воевал и погиб в одном из воздушных боёв.

Рассказав об этой истории, Голованов, близко знавший Сталина, отмечает: «Строгий спрос по работе и одновременно забота о человеке были у него неразрывны. Они сочетались в нём так естественно, как две части одного целого и очень ценились всеми близко соприкасавшимися с ним людьми. После таких разговоров как-то забывались тяготы и невзгоды. Вы чувствовали, что с вами говорит не только вершитель судеб, но и просто человек».

Д.Т. Язов: – Вы спрашивали, как нашим полководцам удалось превзойти немецких. Их воспитывала, поднимала на служебные высоты сама атмосфера, созданная в армии при Сталине. Главный маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев отмечал: «Сталин обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но когда по обсуждаемому вопросу принималось решение, оно было окончательным. В своей книге «Об артиллерии и немного о себе» Николай Дмитриевич описывает совместную работу с Верховным Главнокомандующим. «Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры – вполголоса…

Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нескольких военных задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. И тут как раз входит Поскрёбышев и докладывает, что такой-то генерал… прибыл.

– Пусть войдёт, – сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошёл не совсем твёрдо державшийся на ногах генерал! Он подошёл к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошёл к генералу и мягко спросил:

– Вы как будто сейчас нездоровы?

– Да, – еле выдавил тот пересохшими губами.

– Ну тогда мы встретимся с вами завтра, – сказал Сталин, – и отпустил генерала.

Когда тот закрыл за собой дверь, И.В. Сталин заметил, ни к кому не обращаясь:

– Товарищ сегодня получил орден за успешно проведённую операцию. Что будет вызван в Ставку он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет».

Рассказав эту поучительную историю, Яковлев добавляет, что во многом благодаря Сталину, в руководстве страной с первого дня войны и до последнего было нерушимое единство. Слово Верховного Главнокомандующего было законом.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, заметили, что наши либералы запустили по новому кругу свою заезженную пластинку: войну мы выиграли вопреки Сталину? Жириновский просто в истерике заходится, пытаясь доказать недоказуемое.*

Д.Т. Язов: – Всё объяснимо. Приближаются выборы. В Думу хочется. А предъявить народу нечего. Вот и пускают в ход давно опровергнутые небылицы. Я недавно прочитал книгу Феликса Чуева о нашем выдающемся авиаконструкторе Сергее Владимировиче Ильюшине. Ему принадлежат вот эти слова: «У Сталина была хорошая черта: он не любил всякую сволочь и очень любил Россию Он был для честных. И воспитывал надёжных. Потому и побеждали».

Корр.: – *Мой отец во время войны летал на знаменитом ильюшинском штурмовике Ил-2. О войне он рассказывать не любил, но в семье были книги про авиацию. В одной из них я нашла слова английского генерала: «Россия выпотрошила немецкую армию. Ил-2 был одним из её наиболее важных хирургических инструментов».*

Д.Т. Язов: – А Вы знаете, что в судьбе этого прославленного самолёта, можно сказать, решающую роль сыграл Иосиф Виссарионович. Не знаю, что было причиной – может быть, недомыслие, косность, не исключена и зависть – но против самолёта ополчились все, от кого зависел его выпуск. Особенно упорствовали военные. Ильюшин не сдавался. Но на всякий случай приготовил чемоданчик с сухарями. До серьёзной опалы дело не дошло. Вмешался Сталин. Отправил за конструктором машину. Привёз к себе, сказав:

– Если не возражаете, товарищ Ильюшин, поживёте пока у меня. Здесь, надеюсь, Вам никто не будет мешать работать.

Конструктор прожил у вождя неделю. Позже он делился своими впечатлениями с сотрудниками: «У Сталина никакой

роскоши, но огромное количество книг. Все стены в книгах. Он читал по ночам по триста-пятьсот страниц… Мы вместе питались – щи, гречневая каша, никаких разносолов… Конечно, за эту неделю я измучился до предела. Выдержать темп работы Сталина непросто».

Но самое интересное было впереди. В один из дней вождь привозит Ильюшина на заседание Политбюро. Кроме соратников Сталина присутствуют авиационные специалисты. Выслушав разные мнения, Иосиф Виссарионович сказал: «А теперь послушайте, что думаем по этому поводу мы с товарищем Ильюшиным….» В итоге ильюшинское КБ осталось в Москве, а Сергей Владимирович и его сотрудники получили возможность спокойно заниматься своим делом.

Казалось бы, всё улажено. Но Сталин не выпускает историю с самолётом из своего поля зрения. И вот через какое-то время директорам авиационных заводов Шенкману и Третьякову летит грозная сталинская телеграмма: «Вы подвели нашу страну и Красную Армию. Вы не изволили до сих пор выпускать самолёты Ил-2. Самолёты Ил-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб. Шенкман даёт по одному Ил-2 в день, а Третьяков даёт МиГ-3 по одной, по две штуки. Это насмешка над страной, над Красной Армией.

Нам нужны не МиГи, а Ил-2. Если 18-й завод думает отбрехнуться от страны, давая по одному Ил-2 в день, то жестоко ошибается и понесёт за это кару.

Прошу Вас не выводить правительство из терпения и требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю последний раз».

Корр.: – *И кто-то ещё смеет утверждать, что войну мы выиграли вопреки Сталину.*

Д.Т. Язов: – Послушайте, что было дальше. «Отбрехнуться» не удалось. После сталинских указаний всё нашлось для производства необходимого количества самолётов. И на фронт ежедневно пошло по сорок Илов.

А машина была действительно замечательной. О ней говорили: это русское чудо, звёздный час Ильюшина. В мире не было равного этому самолёту.

А вот немецкая оценка: «Самолёт Ил-2 – свидетельство исключительного прогресса. Он является главным, основным противником для немецкой армии».

Для Сталина всегда на первом месте было дело. И, конечно, человек, от которого зависела судьба этого дела. Известен, например, такой случай. Верховный Главнокомандующий был недоволен работой Главного штаба Военно-морского флота. Встал вопрос о замене. Рекомендовали адмирала Исакова, но были

сомнения: утвердят ли его кандидатуру. У адмирала была ампутирована нога. Все сомнения развеял Сталин. Он сказал: «Лучше работать с человеком без ноги, чем с человеком без головы».

Корр.: – *Вы, конечно, смотрели один из последних телевизионных «Поединков», где скрестили шпаги лидер ЛДПР Владимир Жириновский, производивший, мягко говоря, впечатление человека не совсем вменяемого и спокойный, корректный, вооружённый множеством фактов, Николай Стариков. Основной удар, естественно, наносился по Сталину, но досталось и Старикову, его защищавшему. Против него ополчились не только команда Жириновского, но и так называемый эксперт с какой-то учёной степенью и даже Соловьёв, ввернувший по ходу разговора про зловещие энкаведешные «воронки», забирающие по ночам добропорядочных граждан. И что в итоге? Старикова поддержало на 50 тысяч телезрителей больше, чем его коллективных оппонентов. Народ чует ложь за версту.*

Д.Т. Язов: – Если вернуться к Александру Зиновьеву, то он называл Сталина не только «величайшей личностью нынешнего столетия», «величайшим гением», но и «самым подлинным и верным марксистом».

Корр.: – *Что же тогда молчат наши коммунисты? Может быть, пора устроить ещё один партийный съезд, на этот раз по реабилитации Иосифа Виссарионовича? Чтобы покончить, наконец, с нагромождениями антисталинской лжи. Чего бояться?*

Д.Т. Язов: – По-моему, во времена Ельцина внук Сталина Евгений Яковлевич Джугашвили полковник, преподаватель военной академии пытался привлечь противников вождя за клевету. Каких только палок в колёса ему не вставляло наше тогдашнее «демократическое» правосудие. Вплоть до того, что потребовало доказательств, является ли он вообще родственником вождя. Пришлось ехать в Грузию, поднимать церковные архивы, чтобы доказать, что у Иосифа Джугашвили в 1907 году действительно родился сын Яков, а у того потом – сын Евгений, внук Сталина. Но дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Может быть, сейчас получится?

Но я бы хотел вернуться к разговору о сталинских военачальниках. Посмотрите, какую блестящую плеяду командующих вырастил Иосиф Виссарионович во время войны. Вот перед вами типичная судьба крестьянского парня, ставшего маршалом бронетанковых войск, дважды Героем Советского Союза. Всё, что связано со Сталиным, Михаил Ефимович Катуков отображает в своей… автобиографии.

Корр.: – *Почему в биографии? Он не отделяет свою личную*

жизнь от вождя? Разве не проще было написать мемуары?

Д.Т. Язов: – Он их и напишет. Позже. Но самое сокровенное – в автобиографии.

«В сентябре месяце я впервые увиделся с товарищем Сталиным. Много я думал, как доложу ему… Но вышло совсем не так. «В прихожую вышел сам товарищ Сталин, протянул мне руку и сказал: «Здравствуй, товарищ Катуков, заходи ко мне…»

В тот день был у меня двойной праздник. Я первый раз увидел товарища Сталина, говорил с ним, и в день 17 сентября мне исполнилось 42 года».

Корр.: – *Сегодняшним скептикам трудно представить волнение, которое испытывал боевой генерал при встрече с вождём.*

Д.Т. Язов: – А Михаил Ефимович продолжает: «Товарищ Сталин долго говорил со мной о войне, о методах боя, о людях, о технике, выказывая такую глубину знания вопросов техники и природы боя, которые могли принадлежать только чрезвычайно высокой квалификации специалисту…»

Выясняется, что Верховный Главнокомандующий пригласил Катукова не для праздного разговора. Тогда в армии начали создаваться крупные механизированные корпуса. Катукову, хорошо проявившему себя в битве под Москвой, предлагалось возглавить один из них.

Идём дальше. В автобиографии значится уже 1943-й год. Новая встреча. «Товарищ Сталин встретил меня ласково, как старого знакомого и спросил: «Справишься, товарищ Катуков, командовать армией?» Я сказал: «Справлюсь, товарищ Сталин».

– Я брал на себя, – продолжает Катуков, – серьёзную ответственность в тяжёлые годы войны и честно выполнил свой долг, закончив войну в Берлине. И самой высшей для меня наградой было сознание, что и присягу, и данное слово товарищу Сталину, я выполнил».

Под автобиографией дата: 1960-й год.

Корр.: – *Это было время, когда Хрущёв, грубо говоря, спустил на вождя всех собак и под их истошным напором дрогнули многие известные сослуживцы Михаила Ефимовича. А он остался верен своему Верховному Главнокомандующему. Так же, как и его жена, Екатерина Сергеевна Катукова, дошедшая с мужем от Подмосковья до Берлина. Я брала у неё интервью в 2012 году. Ей шёл 99-й год. Она сохранила удивительную для своего возраста ясность ума, хорошую память, объективный взгляд на события. Рассказала, как первый раз побывала в кабинете Иосифа Виссарионовича. Ей, лучшей стенографистке аппарата ЦК ВКП(б), поручили стенографировать текст выступления Сталина.*

Говорит, что очень волновалась. Постучав в дверь, услышала: «Заходите, товарищ». Вождь вышел навстречу, проводил к столу, пододвинул стул. После диктовки, поблагодарив, проводил до дверей. Вот и весь рассказ. Вы можете себе представить, чтобы теперешний чиновник даже средней руки так обходился со своими подчинёнными?

Позже в своей книге «Памятное» Екатерина Сергеевна так описала свои ощущения тех лет: «Товарищ Сталин был для нас таким высоким идеалом коммуниста-большевика, что все мы, в том числе и я, отдали бы за него свои жизни не задумываясь».

Д.Т. Язов: – Побывавший в 1937 году в Москве известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер, размышляя о Сталине, заметил: «Скоро начинаешь понимать, почему массы его не только уважают, но и любят. Он часть их самих…

Сталин, как он предстаёт в беседе, не только великий государственный деятель, социалист, организатор, – он, прежде всего – настоящий человек».

Корр.: – *А в человечности-то ему как раз и отказывают. Изображают патологическим злодеем, монстром и так далее – в соответствии с фантазией злопыхателей.*

Д.Т. Язов: – Омерзительные выдумки. Приёмный сын Сталина Артём Сергеев рассказывал: «По-моему, это 1949 год. Только началось освоение бомбардировщика Ил-28, и произошла катастрофа. Экипаж погиб. Василий позвонил отцу. Сталин ответил: «То, что произошла катастрофа, вы не забудете. Но не забудьте, что там был экипаж, а у экипажа остались семьи. Вот это не забудьте!»

Василий Сталин с отцом

«Отца любили все, – вспоминала дочь Сталина Светлана, – прислуга, охрана. Он был прост в обращении, ничего не требовал особенного от прислуги, всегда выполнял просьбы, помогал».

Эту же сталинскую простоту, внимание отмечал и Алексей Трофимович Рыбин: «Никогда не кричал, не шумел на нас. Был скромным, вежливым, обходительным. Любил пошутить… Словом, все мы постоянно видели перед собой честного душевного человека».

Корр.: – *А вот ещё одно воспоминание Алексея Трофимовича. «Все видели, – пишет он, – что Сталин относился к Жданову с особым теплом. Поэтому после похорон устроили на даче поминки. Уезжая вечером домой, Молотов наказал Старостину: «Если Сталин ночью соберётся поливать цветы, не выпускай его из дома. Он может простыть».*

Да, уже сказывались годы. Сталин легко простужался, частенько болел ангиной. Поэтому Старостин загнал ключ в скважину так, чтобы Сталин не мог открыть дверь. Впустую прокряхтев около неё, Сталин попросил: «Откройте дверь». «На улице дождь. Вы можете простыть, заболеть, – возразил Старостин. «Повторяю: откройте дверь!» «Товарищ Сталин, открыть Вам дверь не могу». «Скажите вашему министру, чтобы он вас откомандировал! – вспылил Сталин. – Вы мне больше не нужны».

«Есть!» – козырнул Старостин, однако с места не двинулся…

Утром Старостин обречённо понёс в машину свои вещи. Тут его вызвали к Сталину, который миролюбиво предложил: «О чём вчера говорили – забудьте. Я не говорил, вы не слышали. Отдыхайте и приходите на работу».

Вот такой он был человек. Настоящий, отзывчивый на чужую беду, доброжелательный, простой. Потому его и любили. Илья Эренбург рассказывал: «Француженка, у которой фашисты расстреляли дочку, послала Сталину единственное, что у неё осталось от ребёнка – шапочку. Такого подарка никто не получит, и нет весов, на которых можно взвесить такую любовь».

Д.Т. Язов: – Многие вспоминали, каким внимательным, терпеливым, заботливым он был руководителем. Приведу ещё один пример. Иван Степанович Конев рассказывает Константину Симонову о том, как он с группой других военачальников был на совещании у Сталина. Дело происходило уже после войны, и встал вопрос об отпуске. Вождь спрашивает:

– Как здоровье?

– Здоровье так себе, товарищ Сталин.

– В отпуск идёте?

– Да, иду.

– Насколько?

– На полтора месяца… Больше не положено, товарищ Сталин.

– Как так не положено?

И, обращаясь к Булганину, который был первым заместителем наркома, говорит:

– Дайте ему три месяца. И ему три месяца, и ему три месяца, и ему три месяца. Надо понимать, что люди вынесли на своих плечах. Какая была тяжесть, как устали… Надо три месяца, чтобы почувствовали, привели себя в порядок, отдохнули, полечились».

Вот и судите, каким он был человеком. Таким, как у Фейхтвангера, Конева, Рыбина. Или таким, как у Сванидзе Жириновского и Гозмана.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, не прощу себе, если не спрошу Вас о Рокоссовском. Он был из тех, кто, как и Катуков, сохранил верность своему Главнокомандующему до конца. Хотя мог затаить обиду за то, что Сталин перебросил его с 1-го Белорусского, нацеленного на Берлин, на 2-й Белорусский фронт. Многие считают, что это было несправедливо, что русскому шовинисту Сталину нужен был в Берлине человек с русской фамилией.*

Д.Т. Язов: – Начну с того, что Сталин любил Рокоссовского за его деликатность, интеллигентность и, конечно, за огромный военный талант. А замена его Жуковым на 1-м Белорусском никакого отношения к национальности Константина Константиновича не имеет. Жуков был первым заместителем Верховного Главнокомандующего. Он знал людей, с которыми ему предстояло иметь дело. Как заместитель Сталина он правомочен был вести переговоры и, в конце концов, подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии. Так что тут дело в простой субординации, если можно так сказать.

Кстати, манера общения с людьми и Сталина, и Рокоссовского схожи. Те же доброжелательность, уравновешенность, спокойствие. Этим Рокоссовский отличался от многих своих коллег военной поры. Вот как сам Константин Константинович определяет свой стиль общения с подчинёнными:

«У каждого руководителя своя манера, свой стиль работы с ближайшими сотрудниками. Стандарт в этом тонком деле не изобретёшь. Мы старались создать благоприятную рабочую атмосферу, исключающую отношения, построенные по правилу «как прикажете», исключающую ощущение скованности, когда люди опасаются высказать суждение, отличное от суждения старшего».

Корр.: – *Наверное, нелегко ему пришлось с этим своим сводом правил, попав в подчинение к Жукову на Западном фронте?*

Д.Т. Язов: – Не забывайте, что это было под Москвой, в самые критические дни, когда всё висело на волоске. Может быть, в тот момент там и нужен был такой человек, как Жуков. Жёсткий, бескомпромиссный, не щадящий никого ради победы. Так было и в том случае, о котором я хочу рассказать. Рокоссовский тогда командовал 16-й армией. Оценив обстановку, он попросил разрешения отвести свои ослабленные в непрерывных боях дивизии за Истринское водохранилище, там подготовиться и дать врагу отпор. Иначе, считал он, противник опрокинет с трудом обороняющиеся войска и, как говорится, на их плечах форсирует водохранилище. Последовал незамедлительный ответ: «Приказываю стоять насмерть, не отходя ни на шаг». Стараясь избежать катастрофы, командующий армией обратился напрямую к начальнику Генштаба. Тот, приняв во внимание сложившуюся ситуацию, разрешил отвод. Но всё решила грозная телеграмма Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать!»

Видимо, узнав о стычке, Сталин позвонил Рокоссовскому. Тот приготовился получить ещё одну выволочку. Как и предполагал командарм, его войска вынуждены были отступить. Но, вопреки ожиданиям, в телефонной трубке услышал спокойный, доброжелательный голос Иосифа Виссарионовича: «Прошу Вас продержаться ещё некоторое время, мы вам поможем». На следующее утро в 16-ю армию поступили: полк «катюш», два полка противотанковой артиллерии, четыре роты солдат с противотанковыми ружьями, три батальона танков и две тысячи москвичей, чтобы пополнить поредевшие дивизии.

Я привёл этот случай, чтобы ещё раз показать, каким заботливым, внимательным и человечным был Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин. Так, что Лион Фейхтвангер не ошибся в оценке нашего вождя.

Хотел бы здесь привести и слова старейшего сталинского соратника Вячеслава Михайловича Молотова, разжалованного Иосифом Виссарионовичем, что не помешало ему сохранить верность вождю и объективность его оценки. «Чем больше на него нападают, тем выше он поднимается… Более последовательного, более талантливого, более великого человека, чем Сталин, не было и нет».

Корр.: – *А я бы добавила ещё одно свидетельство Вячеслава Михайловича: «Мне наши полководцы рассказывали, что Сталин перед сражением, напутствуя, обычно говорил: «Ну, дай Бог!» или:*

«Ну, помоги, Господь!»

Д.Т. Язов: – В свое время в США был подготовлен секретный доклад «Возможные последствия смерти Сталина и прихода Маленкова к власти в СССР». Сейчас доклад рассекречен, и данные о нем можно найти в «Военно-историческом журнале». Приведу из него небольшую цитату: «Смерть Сталина устранила человека, который стал полубогом. Для многих людей в СССР он был человеком из стали, который превратил Россию в промышленную и военную державу, который отразил германское нашествие и который привел народы СССР к величайшей военной победе в российской истории».

Специалисты ЦРУ, трудившиеся над докладом, прямо-таки провидчески заметили: «На протяжении некоторого времени ни один из преемников Сталина не будет в состоянии достичь сопоставимого статуса…».

Победоносец Сталин

Корр.: – *Так назвал нашего вождя известный английский публицист Александр Верт. Будучи корреспондентом газеты «Санди Таймс» и одновременно радиокомпании Би-би-си, он всю войну провёл в нашей стране. Был, как теперь сказали бы, во всех «горячих» точках от Вязьмы до Берлина. Встречался с выдающимися советскими военачальниками и рядовыми солдатами. В итоге родилась честная, добротно написанная книга «Россия в войне 1941–1945». Вот небольшой отрывок из неё: «24 июня наступил черёд великого апофеоза Красной Армии – на Красной площади состоялся знаменитый Парад Победы. Во время парада сотни немецких знамён были брошены под проливным дождём к подножию Мавзолея Ленина, к ногам победоносца Сталина». Сам автор так отзывался о своих воспоминаниях: «Моя книга – горячая и искренняя дань признательности героическому советскому народу».*

Будем считать, что это было небольшое отступление от темы, которую мы оговорили в предыдущей беседе.

Д.Т. Язов: – Мы закончили разговор о Тегеранской конференции и событиях, ей сопутствующих. На очереди – Ялта, а если позволит время, то поговорим и о Потсдаме. Ялтинская конференция состоялась 4-12 февраля 1945 года. И если прологом к Тегеранской конференции была блестящая победы нашей армии на Курской дуге, то Ялтинской конференции предшествовала серия крупнейших стратегических операций нашей армии в 1944 году.

«Большая тройка» на Ялтинской конференции, 1944 г.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, прежде чем вы расскажите об этом подробнее, я приведу выдержку из одной известной энциклопедии. «В 1944 году Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И.В. Сталин выдвинул совершенно новую победную концепцию ведения войны… Особенность этих операций заключалась в том, что удары по противнику наносились последовательно один за другим и внезапно в разных районах обширного советско-германского фронта. Тем самым Сталин добивался того, чтобы противник, маневрируя силами и средствами, везде и всюду опаздывал, ослаблял плотность войск именно там, где и намечался очередной мощный удар Красной Армии… Десять стратегических операций Красной Армии 1944 года по праву стали называться десятью сталинскими сокрушительными ударами по противнику…*

В связи с дискредитацией И.В. Сталина в последние годы, информация о них была вычеркнута даже из специальной военной литературы…».

Перед разговором с Вами я прочитала книгу Юрия Емельянова «Десять сталинских ударов». У неё есть подзаголовок: «Триумф генералиссимуса». Расскажите об этом поподробнее.

Д.Т. Язов: – Слово «сталинские» к этим операциям присоединили позже. Первоначально они вошли в историю 1944

года как «десять великих побед». Потом стали использовать выражение «десять сокрушительных ударов по врагу». В результате от фашистов была полностью очищена территория нашей страны.

Первым по плану Ставки переходил в наступление 2-й Прибалтийский фронт. Через два дня к нему присоединились Ленинградский и Волховский фронты. Итог: от блокады полностью освобождён Ленинград, очищена от врага Ленинградская область и часть Калининской. «Совместная операция этих трёх фронтов, – отмечал начальник Оперативного управления Генштаба СМ. Штеменко, – именовалась тогда «1-м ударом…» Такая система ударов, разнесённая по месту и времени, вполне оправдала себя. Враг вынужден был перебрасывать силы то на одно, то на другое направление, в том числе и на далёкие фланги, растрачивая их по частям».

27 января в честь снятия блокады в Ленинграде и Москве был произведён артиллерийский салют.

Второй удар был нанесён на южном участке фронта, что помешало немцам перебросить часть сил с севера. В ходе этого удара наши войска окружили Корсунь-шевченковскую группировку противника. Немцы попытались вырваться из котла, но это удалось немногим. Командующий 2-м Украинским фронтом Иван Степанович Конев вспоминал: «Немцы шли ночью напролом, в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнём и танками, которые давили на этом страшном поле напирающую и, я бы добавил, плохо управляемую толпу. И танкисты тут неповинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Всё это происходило в кромешной тьме, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле на санях, потому что ни на чём-то другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжёлое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях".

В ходе этой операции была освобождена вся Правобережная Украина».

Корр.: – *Это там был смертельно ранен командующий 1-м Украинским фронтом Николай Фёдорович Ватутин?*

Д.Т. Язов: – Да. Стоит упомянуть, что наши войска, сражавшиеся на Украине, столкнулись с неожиданной опасностью. Я имею в виду террористические банды, возглавляемые Мельником и Бандерой. Одна из таких банд организовала засаду, в которую попал Ватутин. Он был тяжело ранен и позже скончался. На его место был назначен Жуков.

«Стратегическая обстановка продолжала изменяться в нашу пользу, – писал о тех днях А.М. Василевский. – Выход советских

войск на государственную границу и перенос боевых действий на территорию Румынии создавали благоприятные условия для ликвидации фашистских соединений, изолированных в Крыму…

Третий удар не заставил себя ждать. Итог его подвёл Иосиф Виссарионович Сталин: «Немецкие войска были сброшены в Чёрное море… Освобождены от немецкого гнёта Крым и Одесса». И ещё маленькая деталь. У немцев на осаду Севастополя ушло 250 дней. Наша армия выбила их из героического города за 4 дня».

«Немецкие войска, – писал Верховный Главнокомандующий в своём майском приказе, – напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги – Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестаёт быть опасным зверем… Нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге».

К этому всё и шло. 6 июня Черчилль сообщил Сталину о начале вторжения во Францию. Поздравив союзников с началом операции «Оверлорд», Иосиф Виссарионович сообщил, что летнее наступление советских войск начнётся к середине июня. Позже он уточнил: «Подготовка летнего наступления советских войск заканчивается. Завтра, 10 июня, открывается первый тур нашего летнего наступления на Ленинградском фронте». Это был четвёртый сокрушительный удар.

Результатом его стало освобождение Выборга и Петрозаводска. Финские войска были отброшены вглубь Финляндии.

Летняя наступательная операция в Белоруссии получила название «Багратион».

Корр.: – *Я думаю, многие знают о ней по широко известному эпизоду. Командующий 1-м Белорусским фронтом Константин Константинович Рокоссовский упорно возражал против плана, на котором настаивали Жуков и Василевский. Их точку зрения разделял и Верховный Главнокомандующий. Рокоссовскому дважды было предложено выйти в соседнюю комнату и «хорошо подумать». Каждый раз, возвращаясь, он настаивал на своём варианте. В конце концов, Сталин сказал: «Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надёжная гарантия успеха».*

Д.Т. Язов: – Сыр-бор разгорелся из-за того, что Рокоссовский на своём участке фронта предложил прорывать вражескую оборону двумя ударными группировками. Ему возражали: это ведёт к распылению сил, которые лучше объединить в один мощный кулак. Но командующий фронтом учёл в своём плане всё

до мелочей, включая многочисленные белорусские болота и леса.

Вот как он сам рассказывает об этом в своих воспоминаниях. «Мы готовились к боям тщательно. Составлению плана предшествовала большая работа на местности, в особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Изучение местности и состояние вражеской обороны убедили в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков… Причём оба удара должны быть главными. Это шло вразрез с установившимся взглядом, согласно которому при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредотачиваются основные силы и средства. Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья… другого пути к успеху операции у нас не было».

Кроме 1-го Белорусского фронта в операции «Багратион» участвовали также войска 1-го Прибалтийского фронта и двух Белорусских – 2-го и 3-го. Это был пятый удар, и порядковый номер ему присвоил сам Иосиф Виссарионович. Он же дал имя и самой операции – в честь полководца, прославившего русское оружие в войне 1812 года.

Корр.: – *Говорят, Сталин, тепло относящийся к Константину Константиновичу, называл его иногда «Мой Багратион». Кстати сказать, сохранились кадры старой кинохроники: по московским улицам бредут пленные немецкие солдаты во главе со своими незадачливыми генералами. Их 57 тысяч и взяты в плен они в ходе той самой белорусской операции.*

Известный британский историк, профессор Джеффри Робертс писал: «Если символом победы под Сталинградом стали знаменитые кадры того, как сдаётся в плен командующий 6-й армией фельдмаршал Паулюс, то в случае с операцией «Багратион» символом капитуляции немецкой армии стали кадры, на которых 57000 немецких военнопленных проходят строем по улицам Москвы 17 июля 1944 года».

Д.Т. Язов: – Западные источники не скупились на восторженные оценки результатов Белорусской операции. Приведу один из них: «Операция «Багратион» наглядно продемонстрировала, каких новых высот достигло советское командование в искусстве стратегического планирования». Итогом пятого удара было полное освобождение Белоруссии.

Операция «Багратион» ещё продолжалась, когда войскам 1-го Украинского фронта был отдан приказ: завершить освобождение Западной Украины и начать боевые действия в юго-восточной Польше.

Корр.: – *В книге Юрия Емельянова «Десять сталинских ударов»*

я наткнулась на любопытное письмо. Его отправил Сталин командующему 1-м Украинским фронтом И.С. Коневу накануне предстоящей операции. Поражает осведомлённость Верховного Главнокомандующего, детальное знание обстановки. Высочайшая компетентность. Вот оно, это письмо: «1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии, в случае успешного прорыва, ввести через день после начала операции, а конно-механизированные группы – через два дня. 2. На первый день операции поставить пехоте посильные задачи, так как поставленные Вами задачи, безусловно, завышенные».

И кто-то ещё продолжает долдонить, что войну мы выиграли вопреки Сталину.

Д.Т. Язов: – Шестым ударом была Львовско-Сандомирская операция. В ходе её разбиты 32 немецкие дивизии и полностью решены поставленные задачи.

Седьмой стала Ясско-Кишинёвская операция. Её итог – освобождение от фашистов Молдавии. Румыния же из сателлита Германии превратилась в нашего союзника.

Корр.: – *Картину разворачивающихся сражений красочно изобразил немецкий военный историк Типпельскирх: «Как огромные морские волны катились войска противника и захлёстывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны… Расчленённые на отдельные боевые группы, немецкие войска вынуждены были пробиваться на запад, ведя ожесточённую борьбу за каждый участок реки между вбитыми клиньями противника».*

Можно сказать, час расплаты пришёл…

Д.Т. Язов: – В ходе Ясско-Кишиневской операции Сталин проявил себя не только как выдающийся полководец, но и как искусный дипломат. Ставя задачу перед фронтами, он подчёркивал: «Успешное решение задачи разгрома кишинёвской группировки противника откроет нам дорогу к основным экономически и политическим центрам Румынии».

Расчёт Верховного Главнокомандующего на то, что успехи Красной армии могут вызвать политический кризис в Румынии, полностью оправдался.

Как только советские войска приблизились к границам Румынии, король Михай I выступил по радио с заявлением. В нём говорилось, что Румыния разрывает отношения с Германией и присоединяется к антигитлеровской коалиции. Это был по отношению к нашей стране дружеский жест и Сталин его оценил. После войны румынскому монарху был вручён орден «Победы».

Немцы, не желая терять союзника, спешно создали новое,

прогермански настроенное, правительство. Гитлер приказал арестовать строптивого короля. По всей Румынии начались столкновения между румынскими и немецкими войсками. Дело закончилось тем, что осмелевшие румыны разбили своих недавних покровителей, взяв в плен более 53-х тысяч солдат, свыше 1200 офицеров и 14 генералов. Так что Михай I вполне заслуженно получил высокую советскую награду.

31 августа 1944 года наши войска совместно с 1-й румынской добровольческой дивизией вошли в Бухарест. На очереди была Болгария. Тут всё оказалось ещё интереснее, чем в Румынии. Не обнаружив явных признаков противника, командующий 3-м Украинским фронтом Фёдор Иванович Толбухин приказал выдвинуться вперёд боевому охранению. Оказалось, что части болгарской армии с музыкой и красными знамёнами встречают наших подошедших бойцов. Такая картина наблюдалась по всей Болгарии. Сплошное братание!

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, мне кажется, я уже задавала Вам этот вопрос – насчёт памяти наших братушек? Сейчас они пытаются сносить памятники прежним друзьям и освободителям. Ещё раньше едва отстояли памятник нашему Алёше. С готовностью братушки присоединились и к санкциям…*

Д.Т. Язов: – Я вспоминаю при этом Фёдора Михайловича Достоевского. Он дал исчерпывающий ответ насчёт славянского братства. Я помню, что приводил его высказывание в одной из предыдущих наших бесед.

Что касается восьмого удара, он был нанесён в Прибалтике. Подробный рассказ об этом оставил СМ. Штеменко. Он был там в качестве представителя Ставки.

Корр.: – *Меня в воспоминаниях Штеменко заинтересовало посещение им пушкинских мест.*

Вот что он пишет: «…Путь наш лежал вблизи Пушкинских гор. Здесь, в бывшем Святогорском монастыре, находилась могила великого поэта, а в расположенном неподалёку родовом имении Михайловском он провёл более двух лет томительной ссылки… Наши сапёры успели уже расставить предостерегающие таблички – «мины». Такое предупреждение поджидало нас и на лестнице перед монастырём, и у могилы Пушкина.

Повсюду зияли разрушения. Святогорский монастырь – редкий памятник архитектуры XVI века – был обезглавлен и частично подорван… Родовой дом Пушкиных, превращённый в музей, сожжён. Домик Арины Родионовны разобран на блиндажи. Вековые деревья Михайловского и Тригорского парков оккупанты наполовину вырубили…»

Вам эта картина не напоминает сирийскую Пальмиру?

Д.Т. Язов: – Почерк, можно сказать, один – что у европейских варваров, что у восточных. Будучи министром обороны, я был с визитом в Сирии. Гостеприимные хозяева свозили меня в Пальмиру. Картина была похожа на ожившую сказку. Будем надеяться, что мирная жизнь вернётся в эти места.

Мы немного отвлеклись. Подводя итоги «восьмого удара», Верховный Главнокомандующий сказал: «Красная Армия разбила немецкие войска под Таллинном и Ригой и изгнала их из Прибалтики… Более 30 немецких дивизий оказались отрезанными от Пруссии и… теперь доколачиваются нашими войсками».

Девятый удар Красная армия нанесла в Венгрии, лишив Германию её последнего союзника. Одновременно наносился 10-й удар на Крайнем Севере. Немцев изгнали из Заполярья, попутно освободив часть Норвегии. В своём докладе, посвящённом 27-й годовщине Октября, Иосиф Виссарионович подвёл некоторые итоги 1944 года. «Четвёртый год войны, – сказал он, – оказался годом решающих побед советских армий и армий наших союзников… Немцы, вынужденные вести войну на два фронта, оказались отброшенными к границе Германии».

Генерал Штеменко подкрепляет итоги года впечатляющими цифрами. Наши войска разгромили 219 дивизий и 22 бригады противника. Потери врага в живой силе составили один миллион 600 тысяч человек. Враг также лишился 6700 танков, 28000 орудий и миномётов, 12000 самолётов.

Корр.: – *Интересно сравнить темпы наступления нашей армии с успехами союзников, высадившихся в июне во Франции.*

Д.Т. Язов: – За полгода им удалось освободить лишь часть Франции, часть Бельгии и крохотный Люксембург. Наши войска за это время освободили Румынию, Болгарию, Восточную Венгрию, Восточную Польшу и приступили к освобождению Чехословакии, не считая того, что в этот же промежуток времени Красная Армия очистила от фашистов Белоруссию, Молдавию, большую часть Прибалтики и другие районы.

Корр.: – *Мы можем приплюсовать сюда и помощь союзникам, терпящим бедствие в Арденнах…*

Д.Т. Язов: – Начиная с осени 1944 года, немцы планировали операцию по разгрому высадившегося во Франции десанта. Гитлер считал, что победа его армии в Арденнах обострит отношения между союзниками, приведёт к распаду антигитлеровской коалиции и к возможному окончанию войны. Вот как излагаются последующие события в книге «Мировые войны XX века».

«16 декабря немецкие войска нанесли мощный удар по

позициям пяти американских дивизий в бельгийских Арденнах. Американцы были захвачены врасплох и, неся тяжёлые потери, стали отступать. К 25 декабря фронт союзников был прорван на глубину более 90 километров…

В ночь на 1 января 1945 года немцы нанесли ещё один удар в Эльзасе… 4 января, после одного из особенно кровопролитных боёв… командующий 3-й американской армией Патон в своём дневнике записал: «Мы ещё можем проиграть войну». А вот свидетельство американского журналиста Интерсолла: немецкие войска, – пишет он, – «прорвали линию обороны на фронте в 50 миль и хлынули в этот прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали сломя голову американцы».

Союзники потеряли в Арденнах 76800 человек.

Корр.: – *Вот тут-то Черчилль и кинулся за помощью к Сталину. «Я буду благодарен, – писал он, – если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть».*

Д.Т. Язов: – Да, крепко их тогда припекло… Сталин ответил Черчиллю в тот же день, обещая помочь. Как пишет в своих воспоминаниях маршал Конев, командующий 1-мУкраинским фронтом, его войска должны были начать наступление 20 января. Но 9 января ему был отдан приказ начать наступление на 8 дней раньше. Погодные условия были отвратительные. Непрекращающиеся снегопады, сплошные туманы. Это не позволяло использовать авиацию. Но, тем не менее, 12 января в 5 часов утра войска Конева двинулись в наступление. 14 января к ним присоединился 1-й Белорусский фронт. Немцы стали спешно перебрасывать силы на Восточный фронт. В итоге американцы смогли отбросить противника на исходные позиции. Как сообщали немецкие источники, «в виду создавшейся обстановки на Востоке, фюрер приказал перейти к обороне на Западе».

И.В. Сталин и У. Черчилль обходят строй почетного караула, 1944 г.

Корр.: – *В дни, когда мы отмечали 71-ю годовщину нашей Великой Победы, на одной из улиц американского города провели короткий опрос: кто победил в той страшной войне? Оказалось, что победили, конечно же, Соединённые Штаты. А в числе побежденных были названы Россия и Япония.*

Мне в этой связи хочется привести оценку Рузвельта. Накануне у того побывал представитель Польского эмигрантского правительства, выражавший тревогу по поводу успехов Красной Армии. Рузвельт сообщает Черчиллю: «Польский посол был у меня недавно по этому вопросу… Не хочет ли он, чтобы мы и Великобритания объявили войну Иосифу Сталину? Даже если бы мы захотели сделать это, Россия сможет выставить армию в два раза больше нашей общей численности, и мы тогда совсем не имели бы голоса в этом деле».

Д.Т. Язов: – 4 февраля, в день открытия Ялтинской конференции, советские войска находились в 70 километрах от Берлина. Согласитесь, впечатляющий фон для серьёзного разговора с союзниками. Но начну я с более умиротворённой картины. Заседания проходили в Ливадии, в бывшем царском дворце. Как отмечали участники конференции, обстановка была сказочной. Хозяева постарались, чтобы гости не испытывали никаких неудобств.

Главный вопрос конференции – послевоенное устройство Германии. Договорились, что страна будет поделена на 4 оккупационных зоны. Кроме трёх зон союзников Рузвельт с Черчиллем предложили выделить зону для Франции. Сталин возражал, но узнав, что доля французов будет обеспечена за счёт английской и американской зон, дал согласие. Берлин тоже делился на четыре части, хотя город находился в советской зоне оккупации.

Иосиф Виссарионович настойчиво продвигал вопрос о репарациях. Создали комиссию, которая должна была определить, в какой форме и на какую сумму Германия обязана возместить убытки. Наша делегация предложила получать репарации в имущественной форме. То есть конфисковать оборудование заводов, предусмотреть другие формы, чтобы не повторился печальный опыт Первой мировой войны. Тогда побеждённая Германия, чтобы рассчитаться по репарациям, взяла у стран-победительниц займы на солидную сумму, а потом отказалась их возвращать.

И на этот раз наши союзники не верили, что Германия будет способна что-то заплатить.

Корр.: – *Я знаю, что особенно усердствовал Черчилль, заявивший, что в основу репарационного плана должен быть положен принцип: «Каждому по потребностям, а от Германии – по её силам». Видно, боялся, как бы нам не перепало чего лишнего. Но Сталин сказал, что он придерживается другого принципа: «Каждому – по заслугам».*

Д.Т. Язов: – Андрей Андреевич Громыко, участвовавший в работе конференции, вспоминал: «Не помню случая, чтобы Сталин прослушал или недостаточно точно понял какое-то существенное высказывание своих партнёров по конференции. Он на лету ловил смысл их слов. Его внимание, память, казалось, если употребить сравнение сегодняшнего дня, как электронно-вычислительная машина, ничего не пропускала. Во время заседаний в Ливадийском дворце я, возможно яснее, чем когда-либо раньше, понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек».

Сталин, без сомнения, был неформальным лидером «Большой тройки». Черчилль позже признавался: «Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам».

Корр.: – *«Руки по швам» – это скорее ради красного словца. Но то, что Черчилль во многом подражал Сталину, есть такое свидетельство. Когда наш Верховный Главнокомандующий на Тегеранской конференции впервые появился в маршальской форме,*

Черчилль срочно сменил свой элегантный гражданский костюм на военную форму.

Д.Т. Язов: – Одно из пленарных заседаний было посвящено вопросам, связанным с созданием ООН. Глава нашей делегации убедил союзников в необходимости права «вето» за постоянными членами Совета Безопасности. Как известно, этот принцип действует и по сию пору.

Серьёзные дебаты опять разгорелись вокруг польского вопроса. Его, как всегда инициировал Черчилль. Он, можно сказать, яростно выступал против Временного правительства, состоявшего из просоветски настроенных «люблинских поляков». По его мнению, правительство должно быть создано на более широкой основе, с включением в него членов эмигрантского правительства. А те, мало того, что были враждебно настроены по отношению к нашей стране, но ещё и категорически отрицали «линию Керзона» в качестве восточной границы Польши.

После долгих споров советская сторона сформулировала свою позицию в таком виде: признаётся «линия Керзона», западная граница Польши проходит по линии Одер – Нейсе, люблинское правительство дополняется некоторыми членами из польских кругов, признающих «линию Керзона».

Корр.: – *В итоге победила советская точка зрения. За исключением того, что западная граница Польши с Германией окончательно будет определена на следующей мирной конференции.*

Д.Т. Язов: – Не забудем упомянуть, что в Ялте было достигнуто соглашение, за которое так ратовали американцы. По нему Советский Союз аннулирует подписанный в 1941 году советско-японский договор о нейтралитете и начнёт войну с Японией через 2–3 месяца после победы над Германией.

Сталин был доволен результатами Ялтинской конференции. Почти по всем вопросам решения были приняты в пользу Советского Союза. А главное, ялтинские договоренности обеспечили нашей стране впервые за её тысячелетнюю историю безопасную западную границу в Европе почти на всём её протяжении.

Корр.: – *Интересны впечатления от конференции её свидетелей и участников. Так, руководитель комиссии по репарациям Иван Майский в письме Александре Коллонтай писал: «Особенно впечатляющим было то, что наше влияние в общем и влияние лично Сталина было необыкновенно большим. Решения конференции были на 75 % нашими решениями».*

А вот свидетельство Александра Верта: «На западных наблюдателей произвёл большое впечатление тот факт, что на протяжении всей Ялтинской конференции Сталин внимательно

следил за ходом войны и выполнял свои функции Верховного Главнокомандующего между полуночью и 5-ю часами утра».

Ялту называли «кульминацией единства Большой тройки». Хотя позже акценты сместились. Стали раздаваться голоса, что США и Англия «капитулировали перед Сталиным», что тому якобы удалось их «обмануть и перехитрить».

Но это было потом. А по горячим следам Черчилль писал Сталину: «От имени Правительства Его Величества выражаю Вам горячую благодарность за гостеприимство и дружеский приём, оказанные британской делегации на Крымской конференции… К этому я должен добавить личное выражение моей благодарности и признательности… Я исполнен решимости… не допустить после победы ослабления столь прочно установившихся уз дружбы и сотрудничества…»

Д.Т. Язов: – Месяц спустя он утверждал, что «Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира». Но это Черчилль… Наиболее реалистичной мне представляется точка зрения одного из западных специалистов по истории Второй мировой войны.

Он оценивал Ялтинскую конференцию так: «Достаточно одного взгляда на карту и позиции, которые занимала Красная Армия в феврале 1945 года, показали бы любому здравомыслящему человеку на Западе, что у Сталина не было необходимости соблюдать обязательства или поддерживать связи с антигитлеровской коалицией. Но маршал брал на себя обязательства: он хотел, чтобы коалиция существовала и впредь».

Вскоре после Ялтинской конференции Верховный Главнокомандующий подвёл итоги военных действий Красной Армии за январь и половину февраля 1945 года. «Гитлеровцы, – отметил он, – кичились, что более сотни лет ни одного неприятельского солдата не было в пределах Германии и что немецкая армия воевала и будет воевать только на чужих землях. Теперь этому немецкому бахвальству положен конец… Полная победа над немцами теперь уже близка».

Корр.: – *Чем ближе была победа, тем отчаяннее сопротивлялся враг. В Восточной Пруссии погиб один из самых блестящих молодых наших полководцев, тридцатисемилетний командующий 3-м Белорусским фронтом Иван Данилович Черняховский. Мне рассказывали наши ветераны, что это был отчаянной храбрости человек. Светлая ему память. На очереди у нас Берлинская операция. О ней так много написано, что вряд ли стоит вдаваться в подробности. Я бы хотела, чтобы Вы остановились на двух мифах, которые запущены были по злобному замыслу западных и наших отечественных недоброжелателей.*

Миф первый: мы завалили трупами дорогу к Берлину. И миф второй: наши солдаты чуть ли не поголовно изнасиловали добропорядочных немок.

Д.Т. Язов: – У подобных мифов цель всегда одна: принизить наш вклад в Великую Победу. Что касается потерь, то в книге «Россия и СССР в войнах XX века» приводятся точные данные по всем фронтам, участвовавшим в Берлинской наступательной операции. Напомню, что она проводилась с 16 апреля по 8 мая 1945 года.

1-й Белорусский фронт, которым командовал маршал Жуков, располагал группировкой, составлявшей 908 500 человек. Безвозвратные потери – 37 610 человек. Численность 2-го Белорусского фронта (командующий К.К. Рокоссовский) – 441 600 человек. Погибло 13 070 человек. На 1-мУкраинском фронте (командующий И.С.Конев) воевало 550 900 человек. 27 580 погибло. Общие потери – чуть больше 78 тысяч человек.

Корр.: – *Для сравнения: харьковская катастрофа, к которой незабвенный Никита Сергеевич Хрущев приложил свою нечистую руку, обошлась нам в 170 000 человек только убитыми. Общие потери тогда составили 277 000 солдат и офицеров.*

Д.Т. Язов: – Шёл заключительный этап войны. Уже был открыт второй фронт, но, несмотря на это, фашистская Германия почти 75 процентов своих войск держала на нашем направлении. Мы брали Берлин, мы были главной силой во Второй мировой войне, разгромив и фашистскую Германию, и империалистическую Японию. Но не успели мы закончить войну, как от нас потихоньку начали оттягивать победу, умалять наше значение в той кровопролитной войне. В том числе и с помощью наших «демократических» доброхотов, которые начали говорить, что мы немцев трупами завалили. Но никто не скажет, что мы воевали со всей Европой. Против нас сражались испанцы, итальянцы, венгры, румыны, болгары, финны. Когда закончилась война, у нас в плену находилось 7 миллионов 200 тысяч вражеских солдат, среди них были представители практически всех национальностей Европы.

Корр.: – *Как ни странно, но в том списке значится и 10 тысяч евреев.*

Д.Т. Язов: – Кто-то шёл добровольно, а кого-то насильно ставили под ружьё. Наши доморощенные злопыхатели напирают на то, что мы потеряли своих солдат больше, чем немцы. Но немцы-то наших пленных травили собаками, сжигали, умерщвляли голодом. В плену у немцев было около четырех миллионов наших солдат. Вернулись 1 миллион 800 тысяч, остальные погибли. А мы почти всех пленных вернули. Чистых

армейских потерь у нас – восемь с половиной миллионов. Потери фашистской Германии вместе с её сателлитами, воевавшими против нас, составляют примерно то же число: восемь с половиной миллионов. Так кто кого заваливал трупами?

Да, наши общие потери, вместе с гражданским населением, конечно, несравнимы с немецкими. Ведь война почти четыре года полыхала на нашей территории. Люди погибали во время обстрелов, их увозили на работу в Германию, где они погибали. И что меня больше всего удивляет, немцы во время войны уничтожили около 6 миллионов евреев. Теперь их братья по крови всячески охаивают Красную Армию и восхваляют фашистскую Германию.

Хочу обратить внимание на то, какое настроение царило в стане наших союзников накануне Берлинской операции. Черчилль в письме Рузвельту выражает тревогу по поводу возможного взятия Берлина Красной Армией: «Если они захватят… Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу… Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и в том случае, если Берлин окажется в пределах досягаемости, мы, несомненно, должны его взять».

В тот же день к Сталину были вызваны Жуков и Конев. «Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники? – спросил Верховный Главнокомандующий». «Так вышло, – вспоминал Иван Степанович Конев, – первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил: Берлин будем брать мы, и возьмём его раньше союзников».

Корр.: – *Он и сдержал слово. Это ведь его войска встретились на Эльбе с американцами. Помнится, был даже такой фильм «Встреча на Эльбе». «Именно здесь, – отмечал Конев, – в центре Германии, гитлеровская армия оказалась окончательно расчленённой пополам».*

Д.Т. Язов: – Войска Жукова встретили серьёзное сопротивление на Зееловских высотах. Там, действительно, были серьёзные потери. Известно, что Сталин предлагал отказаться от лобового штурма этих высот и, как один из вариантов, перебросить войска 1-го Белорусского фронта через прорыв, созданный войсками Конева. Но и Жуков, и Конев отвергли этот вариант. 18 апреля Зееловские высоты были взяты. Рокоссовский вспоминал о накале боёв в те дни: «Враг вводил всё новые и новые резервы, вплоть до наспех созданных батальонов фольксштурма… Но это была уже агония. Как смертельно

раненый зверь огрызается в диком безумии, так и фашисты дрались до последнего».

Конев вспоминал: «На путях отступления гитлеровской армии столбы и деревья увешаны были трупами солдат, казнённых якобы за трусость в бою, за самовольный отход с позиций».

Корр.: – *Оставил нам прославленный маршал и такое свидетельство: «Верховный Главнокомандующий с присущей ему твёрдостью руководил Берлинской операцией, внимательно следил за её развитием, лично координировал действия 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, оказывал необходимую поддержку. Обладая большими знаниями в области стратегии и военной истории, он реалистически оценивал внешнеполитическую обстановку, планы и группировки противника, состояние экономики, возможности техники и вооружения, морально-политическое состояние войск. Характерной чертой стиля И.В. Сталина был учёт всех особенностей обстановки при планировании каждой операции».*

Д.Т. Язов: – Теперь, что касается второй части обвинений. Нетрудно представить, с каким настроением вступали на вражескую землю наши бойцы. Во втором гвардейском танковом корпусе провели что-то вроде социологического опроса. И вот какую картину он выявил. Было опрошено 5848 человек. Фашисты убили 4447 их родственников, 1169 покалечили и 908 угнали в Германию. Кроме того немцы сожгли 2430 деревень, посёлков и городов, где до войны жили танкисты корпуса.

Чтобы избежать возможных самосудов и других эксцессов, в войсках была проведена серьёзная воспитательная работа. Газета «Красная звезда» писала: «Нельзя себе представить дела таким образом, что если, скажем, фашистские двуногие звери позволяли себе публично насиловать женщин или занимались мародёрством, то и мы в отместку им должны делать то же самое. Этого никогда не бывало, и быть не может. Наш боец никогда не допустит ничего подобного, хотя руководствоваться здесь он будет отнюдь не жалостью, а только чувством собственного достоинства».

Михаил Ефимович Катуков – командующий 1-й гвардейской танковой армией вспоминал: «Перед вступлением на территорию Германии Военный совет армии обратился к личному составу с призывом – вести себя на вражеской территории достойно, как подобает советским воинам. Это обращение было необходимо, поскольку ненависть к врагу у наших людей была огромная. Редко у кого из бойцов не было в семье тяжёлых утрат… Это, естественно, вызывало чувство мести… Командиры и политработники рассказывали воинам как надо себя вести на

занятой вражеской территории.

Проделанная воспитательная работа дала свои плоды. Военный совет в дальнейшем не сталкивался с фактами недостойного поведения наших бойцов по отношению к мирному населению германских городов и сёл. Но на поле боя воины-гвардейцы били гитлеровцев беспощадно».

Новый тон пропаганде задал Сталин, сказавший «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся».

Корр.: – *Так откуда же пошла эта чудовищная ложь о бедных немках, изнасилованных нашими солдатами? Энтони Бивор называет два миллиона. Его западные коллеги вторят: «Особенно ужасающим было количество совершённых красноармейцами изнасилований». Я спрашивала бывшего комсорга одного из полков нашей омской дивизии, дошедшей до Берлина, генерала в отставке Василия Егоровича Корнеева: были ли в их дивизии подобные случаи? Он ответил: ни одного. Да и о каких миллионах могла идти речь, если всё население Берлина в ту пору не дотягивало до 3-х миллионов.*

Вы допускаете, что Сталин мог позволить своей победоносной армии превратиться в орды насильников, каковыми их изображают некоторые западные историки и вторящие им наши собственные подпевалы? Я недавно перечитала книгу писателя-фронтовика Владимира Васильевича Карпова «Генералиссимус». Не могу не привести из нее небольшой отрывок: «Немцы боязливо выглядывали из подвалов – ждали обещанной гитлеровской пропагандой кровавой расправы. Но загадочные русские стали расчищать улицы, гасить пожары. Позднее, на пресс-конференции Жукову был задан вопрос:

– Для многих в мире осталось загадкой – как удалось сдержать гнев и мщение, когда советские солдаты вступили в Берлин, изгнав врага, допустившего невиданные зверства на нашей территории?

Жуков ответил:

– Честно говоря, когда шла война, все мы, и я в том числе, были полны решимости воздать сполна фашистам за их бесчинства на нашей земле. Но мы сдержали свой гнев… Огромную роль тут сыграла воспитательная работа и великодушие, свойственное нашему народу».

Д.Т. Язов: – До Берлина мне дойти не довелось. Но я был знаком со многими фронтовиками, побывавшими в поверженной немецкой столице. Они отрицают массовый характер случавшихся инцидентов.

Конечно, где-то могли быть единичные случаи, но это жесточайшим образом пресекалось. Вот как смотрел на эту так

называемую проблему сам Иосиф Виссарионович. В разговоре с югославской делегацией в апреле 1945 года он сказал: «Вы, конечно, читали Достоевского? Вы видели, какая сложная вещь человеческая душа, человеческая психология? Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Берлина – тысячи километров по своей опустошённой земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов? Вы Красную Армию представляете себе идеальной. А она не идеальная… Важно, чтобы она била немцев».

Корр.: – *Я склонна верить Александру Верту. Он не высасывал свои истории из пальца, как некоторые наши и западные специалисты по жареным фактам. Он был в Берлине сразу после его взятия, много общался и с солдатами, и с представителями высшего командования и, конечно, с немцами. Вот небольшой отрывок из книги «Россия в войне 1941–1945»: «В те дни в Берлине были тысячи советских солдат. На развалинах рейхстага, где много дней шли кровопролитные бои… нацарапаны, написаны карандашом или краской тысячи русских имён: «Сидоров из Тамбова» или «Иванов прошёл от Сталинграда», «Михайлов, бивший фрицев под Курском»…. На главных улицах наблюдалось оживлённое движение военного транспорта, а также сотен тачек и тележек, на которых немцы перевозили свои пожитки… Русские общались с немцами больше, чем этого можно было ожидать. На углах улиц можно было видеть солдат, болтающих с немецкими мужчинами и девушками. Наиболее общительными были мальчишки и пожилые женщины. Мальчишки выпрашивали у русских продукты и сигареты, а пожилые женщины проявляли своего рода материнскую фамильярность. Они махали водителям советских грузовиков, прося подвезти, и грузовики нередко останавливались».*

И ещё одну деталь подметил честный английский журналист в поведении наших красноармейцев: «Признаки «западного» процветания не произвели на них ошеломляющего впечатления. Их просто возмущало, что эти «богатые немцы хотели завоевать Россию». Автор приводит слова молоденького русского солдата: «Хорошо жили паразиты», – говорит он о немцах и добавляет: «Зачем же они напали на нас, если им так хорошо жилось?»

Д.Т. Язов: – Я думаю, что все эти небылицы про миллионы пострадавших немок не что иное, как продолжение той же геббельсовской пропаганды. Цель у авторов всё та же: дискредитировать армию-победительницу и тем самым принизить наш вклад в победу над мощным и беспощадным

врагом.

Корр.: – *Я недавно услышала по телевидению о вышедшей в Германии книге Мириам Герхард «Когда пришли солдаты». Данные, которые приводит автор, документально подтверждены. Оказывается, пострадавшие немки шли со своей бедой в церковь, а там каждый такой случай фиксировался. Рассекреченные архивы и послужили материалом для немецкого автора. Из них стало известно, что «пьяные американские солдаты не брезговали насиловать малолетних немок, а уже групповое изнасилование у них было скорее правилом». Но про это западные исследователи не пишут. Они для своих псевдоисследований выбрали другой, более привычный объект. То есть, свалили с больной головы – на здоровую.*

Д.Т. Язов: – Это их обычная тактика, которую они используют до сих пор. Но давайте, покончим с этой темой. Впереди у нас три замечательных события. Во-первых, 9 мая был объявлен Днём Победы. В тот же день Иосиф Виссарионович выступил по радио, закончив своё выступление словами: «С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!» А в 22 часа в Москве был произведён салют 30 артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

24 мая 1945 года в Кремле состоялся приём в честь командующих войсками Красной Армии, где был произнесён знаменитый сталинский тост «За здоровье русского народа!»

Корр.: – *Этот тост стоит того, чтобы привести его целиком.*

«Товарищи, – сказал Сталин, – разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала потому, что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое

правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

Д.Т. Язов: – После этого замечательного тоста к Иосифу Виссарионовичу подошел маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко. «Откуда, Вы, грузин, так глубоко знаете русский народ?», – спросил он. «Я не грузин, – ответил Сталин. – Я русский грузинского происхождения».

Что касается Парада Победы, то тогда же, 24 мая, Сталин распорядился: «Парад провести ровно через месяц – двадцать четвёртого июня… На парад надо вынести гитлеровские знамёна и с позором повергнуть их к ногам победителей… Принимать парад будет Жуков, а командовать – Рокоссовский». Наверное, все видели волнующие кадры кинохроники, как на землю бросаются знамёна прославленных немецких дивизий. На следующий день состоялся приём в честь участников Парада Победы.

С.М. Будённый, И.В. Сталин и Г.К. Жуков на трибуне Мавзолея во время Парада Победы 24 июня 1945 г.

Корр.: – *И вот тут товарищ Сталин произнёс ещё один прекрасный тост, который в годы перестройки вызвал настоящую антисталинскую вакханалию. Вождя обвиняли в том, что он не уважает свой народ, считает людей ничтожными винтиками, ну и так далее. Я приведу и этот текст целиком, чтобы было видно,*

как ловкие манипуляторы, выдернув из контекста слово «винтик», бессовестно построили на нём очередную порцию своих обвинений.

Вот этот тост:

«Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-нибудь «винтик» разладится – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственных механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много. Имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей».

Это как же надо было поднатужиться, чтобы из светлого гимна трудовому народу состряпать нечто прямо противоположное.

Д.Т. Язов: – Ну в этом-то они поднабили руку. Не один десяток лет изощряются во лжи, а вытравить Сталина из народной памяти не получается. Я бы отметил тут ещё одну деталь. Вскоре после этого приёма, 26 июня Верховному Главнокомандующему было присвоено звание Героя Советского Союза, но на его кители и на Потсдамской конференции, и на последующих мероприятиях видна единственная неизменная Звезда Героя Социалистического Труда. Сталин считал, что носит её заслуженно. А по поводу второй Звезды Героя он высказался так: «Такая высокая награда должна вручаться только воинам, проявившим героизм на поле боя! Я же в атаку с винтовкой наперевес не ходил и героизма не проявлял». Так ни разу и не надел новую награду. Её прикрепили к кителю после смерти вождя. Во время похорон.

Корр.: – *Переходим к Потсдамской конференции?*

Д.Т. Язов: – Да. По продолжительности она превосходила две предыдущие: началась 17 июля 1945 года и закончилась 2 августа. К моменту её начала в составе Большой Тройки произошли изменения. Вместо умершего Рузвельта американскую делегацию возглавлял Гарри Трумэн. А позже место проигравшего выборы Черчилля занял Клемент Эттли.

Сталин, Эттли и Трумэн в Потсдаме, 1945 г.

Корр.: – *Я бы не упустила случая обратить внимание на такой факт. Наши либералы утверждают, что Сталин был весьма озабочен возвеличиванием собственной личности и не упускал для этого мало-мальски подходящей возможности. А чем не повод приезд в поверженный Берлин? Известно, что после капитуляции Франции Гитлер в сопровождении свиты и фотографов триумфально проехал по Парижу. Не отказали себе в удовольствии посмотреть на улицы разрушенного Берлина и Трумэн с Черчиллем. А Сталин? Накануне приезда он позвонил Жукову: «Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почётные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого Вы считаете нужным». Наша скромная делегация встречала Верховного Главнокомандующего у вагона поезда.*

Д.Т. Язов: – Сталин был общепризнанным мировым лидером и не нуждался в дополнительном подтверждении этого титула. Ему претила всяческая помпезность. Кстати, идея провести конференцию в Берлине – этом «логове поверженного зверя» принадлежит Иосифу Виссарионовичу. Трумэн предлагал для встречи Аляску. Но Сталин считал, что точка должна быть поставлена там, где всё начиналось. Против этого трудно было возразить.

Для конференции выбрали одно из немногих уцелевших зданий – дворец Цецилиенхоф в Потсдаме. Это была советская зона оккупации, и наша страна позаботилась о надлежащих условиях для работы. Так, большой круглый стол, за которым удобно разместились члены трёх делегаций, был привезён из Советского Союза. А перед дворцом гостей встречала огромная красная звезда из цветов.

Корр.: – *Несколько лет назад я побывала в Потсдаме, прошла по знаменитому дворцу, постояла у памятного круглого стола. Народу было немного. Экскурсии, как таковой, не было. Нам дали наушники, в которых звучал рассказ о работе конференции. Надо признать, что тогда это была вполне доброжелательная интерпретация событий.*

Уходя, я оглянулась: на фоне дворца по-прежнему красовалась клумба в форме большой красной звезды, как и без малого 70 лет назад.

Д.Т. Язов: – Участникам конференции потребовалось две недели, чтобы обсудить назревшие проблемы. Изменилась атмосфера переговоров. Не стало Рузвельта, с которым у Сталина установились почти дружеские отношения. Трумэну не хватало опыта, да и интеллекта для поединков со Сталиным. Он, по свидетельству одного из участников конференции, вёл переговоры «по шпаргалке госдепартамента» и больше всего боялся, как бы не отдать чего лишнего Советскому Союзу. Переводчик Трумэна Чарльз Болен отмечал: «Хотя внешне все были дружелюбны, с каждой стороны была сдержанность, которая символизировала существовавшее недоверие». Сталин это предвидел. Ещё до конференции он сказал Жукову: «Теперь, после смерти президента Рузвельта, Черчилль быстро столкуется с Трумэном». Так и произошло. Теперь нередко против нашей делегации выступал согласованный англо-американский дуэт.

Позже Черчилль признавался: «Ещё до того, как кончилась война, и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери телеграмму, предписывая тщательно собирать и складировать германское оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

В Потсдаме Сталин первым встретился с Трумэном. Это произошло 17 июля, еще до начала конференции. Глава советской делегации перечислил вопросы, которые он хотел бы обсудить. В целом они совпадали с американскими предложениями. У нас на первом месте стоял вопрос о разделе немецкого флота. Сталин подозревал, что англичане хотят лишить нашу страну

причитавшейся ей доли. Черчилль даже предлагал затопить немецкий флот полностью.

Корр.: – *Я читала, что на это предложение, Сталин ответил приблизительно так: англичане со своей частью флота могут так и поступить, но мы со своей долей распорядимся по собственному усмотрению.*

Д.Т. Язов: – Да, очень им не хотелось усиливать наш флот. Хотя ещё на Ялтинской конференции было достигнуто решение по этому вопросу. «Мы не добиваемся подарка, – говорил глава нашей делегации, – мы бы только хотели знать… считается ли правильной претензия русских на получение части немецкого флота?»

Корр.: – *Всё это выглядит довольно странно. По многим вопросам, уже решённым в Ялте, вновь приходилось отстаивать наши позиции.*

Д.Т. Язов: – Так и было. Сталин не успевал отбиваться от наседавших союзников. Возник вопрос о Кенигсберге. «Мы считаем необходимым, – заявил он, – получить за счёт Германии один незамерзающий порт в Балтии. Я думаю, что этот порт должен быть Кенигсберг. Будет только справедливо, если русские, пролившие столько крови и пережившие так много ужаса, получат небольшой кусок немецкой территории, который принесёт хоть небольшое удовлетворение от войны». Сталин добился своего: и по разделу немецкого флота, и по Кенигсбергу решения были приняты в пользу Советского Союза.

В многочисленных дискуссиях Иосиф Виссарионович проявлял такую осведомленность, что его оппонентам, как говорится, нечем было крыть.

Корр.: – *Там был один разговор, неудачно закончившийся для Черчилля…*

Д.Т. Язов: – На этот раз он озаботился тем, что у немцев якобы не хватает рабочих рук, чтобы добывать необходимое количество угля для отопления. Сталин подсказал: «400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии. Они даже не разоружены, и неизвестно чего они ждут. Вот вам рабочая сила». Черчилль стал оправдываться, дескать, он не знал, что они не разоружены и вообще не знал, каково там положение… «Мы не держим их в резерве, чтобы потом выпустить их из рукава», – продолжал юлить английский премьер. Хотя дело обстояло именно так, и Сталин догадывался об этом. Много лет спустя Черчилль признался, что он лично отдал распоряжение не разоружать части немецких войск, чтобы их можно было использовать в случае столкновения с СССР летом 1945 года.

А тогда, на конференции, Сталин не ограничился тем, что

выслушал устные заверения Черчилля. В конце рабочего дня он передал главе английской делегации Меморандум по поводу не разоружённых германских войск в Норвегии. Вот такие были у нас союзники.

И.В. Сталин во время Потсдамской конференции, 1945 г.

Корр.: – *Не обошелся без споров, насколько я знаю, и вопрос о репарациях?*

Д.Т. Язов: – Да, союзники предпринимали немалые усилия, чтобы ущемить интересы Советского Союза. «Я не привык жаловаться, – говорил своим собеседникам Иосиф Виссарионович, – но должен сказать, что… мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжёлое положение в России».

В конце концов, Сталин добился приемлемого решения и по репарациям. На конференции положительно решился вопрос о западной границе Польши. На это у главы нашей делегации ушло также немало усилий.

Корр.: – *Только помнит ли это кто-то в Польше? А ведь они тогда изрядно «приросли» чужой территорией.*

Д.Т. Язов: – Мы ведь не ставим своей задачей осветить весь ход Потсдамской конференции? Поэтому я ограничусь принятым решением «О Германии».

«Союзники, – говорилось в нём, – в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут… меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всём мире». Одновременно подчёркивалось, что «союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе». Добавлю, что в Потсдаме был учреждён Нюрнбергский трибунал для суда над главными немецкими военными преступниками.

Корр.: – *Дмитрий Тимофеевич, мы упустили один примечательный эпизод. Это случилось 24 июля, в самый разгар конференции. На очередном заседании Трумэн сообщил Сталину, что у США появилось оружие «небывалой разрушительной силы». Черчилль буквально впился глазами в лицо Сталина, ожидая реакции. Тот оставался по-прежнему невозмутимым. Казалось, на него это не произвело никакого впечатления. Собеседники решили, что Сталин ничего не понял.*

Вернувшись к себе, вождь сказал Молотову: «Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым, чтобы они ускорили работу».

Д.Т. Язов: – Работы над атомной бомбой велись и в Советском Союзе. Но американцы нас опережали. Мы свою бомбу испытали только в 1949 году. А пока все козыри были в руках Трумэна. Это подпитывало его несговорчивость по многим вопросам на Потсдамской конференции. Он одно время подумывал даже обойтись без нашей помощи и в войне с Японией, рассчитывал на свои атомные бомбы.

Корр.: – *А это было реально – справиться с серьёзным противником без участия Красной Армии?*

Д.Т. Язов: – Конечно, нет. Но это Трумэну втолковали собственные военачальники. Как пишут в своей книге «Дипломатические поединки Сталина» Рудольф Баландин и Сергей Миронов, «военные предложили Трумэну ответить на ряд непростых вопросов. Как справиться с тысячами самолётов «камикадзе»-смертников? Как штурмовать японские укрепления в глубине страны без привычной поддержки корабельных орудий больших калибров? Что делать армии вторжения, если японцы отойдут в горы и перейдут к партизанской войне? В таком случае американский командующий на Тихоокеанском театре военных действий генерал Макартур предвидел по крайней мере десятилетнюю войну и отказывался назвать даже приблизительную цифру возможных американских потерь».

Корр.: – *Пора подводить итоги. Конференция закончилась.*

Д.Т. Язов: – В передовой статье газеты «Правда» от 3 августа сообщалось: «Итоги конференции свидетельствуют о дальнейшем укреплении и развитии сотрудничества между тремя великими державами».

Корр.: – *Это дежурные слова. Как сказали бы наши «друзья» либералы, голая советская пропаганда. А если без словесного треска?*

Д.Т. Язов: – Сталин при закрытии конференции сказал, что её «можно, пожалуй, назвать удачной». Молотов, подводя итоги конференции, заявил, что она «окончилась весьма удовлетворительными результатами». А вот комментарий югославского посла в Москве: «На конференции можно было видеть, а это видно и по её результатам, что англичанам и американцам стало ясно, что они потеряли Восточную Европу и Балканы».

Корр.: – *Чтобы поставить окончательную точку, нам надо переместиться на Дальний Восток, где стоят на изготовке три мощных советских фронта: Забайкальский под командованием маршала Малиновского, 1-й и 2-й Дальневосточные, во главе с маршалом Мерецковым и генералом армии Пуркаевым.*

Д.Т. Язов: – К участию в боевых действиях привлекался также Тихоокеанский флот. Главнокомандующим Сталин назначил Маршала Василевского. Наша группировка насчитывала 1,5 миллиона человек, свыше 26 тысяч орудий и миномётов, 5 с половиной тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, более 3800 самолётов. Япония имела семимиллионную армию, более 10 тысяч самолётов и около 500 боевых кораблей.

9 августа наши войска перешли в наступление. В этот же день премьер-министр Японии заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны».

Корр.: – *Выходит, Красной Армии японцы боялись больше сброшенных накануне американских атомных бомб?*

Д.Т. Язов: – В мире поняли: с Красной Армией шутки плохи. Вот один из эпизодов, рассказанных командующим 1-м Дальневосточным фронтом маршалом Мерецковым. Накануне наступления разразился тропический ливень, помешавший ударной группировке фронта провести артподготовку. Ждали до часу ночи. Ливень не прекращался. Решили наступать без артподготовки. «Передовые отряды, – вспоминает Мерецков, – оседлали узлы дорог, ворвались в населенные пункты, навели панику в обороне врага. Внезапность сыграла свою роль. Ливень

позволил советским бойцам в кромешной тьме ворваться в укреплённые районы и застать противника врасплох».

По мнению Василевского, «внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу».

Участники тех боёв рассказывали, что японцы яростно сопротивлялись и не сдавали без боя ни одного укреплённого пункта, ни одной высоты. Особенно опасны были команды смертников. Это солдаты, заранее обречённые на гибель. Обвязавшись сумками с толом, они бросались под танки или, пропустив вперёд наши войска, стреляли им в спину. Как отмечал Василевский, «к исходу шестых суток нашего наступления японская армия оказалась расчленённой на части». Боевые действия продолжались до 19 августа. Затем, по свидетельству Василевского, «японские войска почти повсеместно начали капитулировать. У нас в плену оказалось 148 японских генералов, 594 тысячи офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии».

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. В тот же день по радио выступил Сталин. Подписание Японией капитуляции, – сказал он, – «означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Корр.: – *Знаю, что не всё было гладко с передачей нашей стране Курил… Трумэн продолжал махать своей атомной дубинкой?*

Д.Т. Язов: – Было такое недоразумение. Видимо, находясь в состоянии эйфории от наличия атомной бомбы, американцы заявили, что хотели бы «располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолётов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе».

Советские солдаты бросают знамена фашистской Германии к подножию Мавзолея В.И. Ленина, 1945 г.

Корр.: – *Видимо, Трумэн не до конца уяснил, с кем он имеет дело?*

Д.Т. Язов: – И Сталин дал ему это понять с соблюдением всех правил дипломатического этикета. Я приведу целиком этот маленький шедевр эпистолярного стиля. «…Что касается Вашего требования иметь постоянную авиационную базу на одном из Курильских островов, которые, согласно Крымскому решению трёх держав, должны перейти во владение Советского Союза, то я считаю своею обязанностью сказать по этому поводу следующее. Во-первых, должен напомнить, что такое мероприятие не было предусмотрено решением трёх держав ни в Крыму, ни в Берлине и ни в какой мере не вытекает из принятых там решений. Во-вторых, требования такого рода обычно предъявляются либо побеждённому государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств. В-третьих, так как в Вашем послании не излагается никаких мотивов требования о предоставлении постоянной базы, должен Вам сказать чистосердечно, что ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу».

Корр.: – *В своём выступлении по случаю Победы над Японией*

Иосиф Виссарионович подчеркнул: «Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всём мире, уже завоёваны». Знал бы он, в какой переплёт попадёт созданная им великая держава при череде мелких и недальновидных преемников. Хочется повторить отклик на предыдущий наш материал о Сталине: «Как его сейчас нам не хватает, как не хватает».

Д.Т. Язов: – Могу в ответ сослаться на слова Александра Зиновьева: «Такие гении рождаются раз в тысячелетие».

Корр.: – *Может, с Божьей помощью это произойдёт раньше?*

Д.Т. Язов: – Не будем увлекаться долгосрочными прогнозами. Сейчас против нас выступают единым фронтом наши бывшие союзники и якобы друзья во главе с Соединенными Штатами Америки. Напомним им, а заодно и себе о нашем великом прошлом.

23 ноября 1942 года президент США Рузвельт произнес речь, небольшой отрывок из которой я приведу ниже. «…Сегодня, 23 ноября 1942 года на русской реке Волге у русского города Сталинграда встретились воины двух фронтов. Это великое событие. В кольцо попали 22 немецких дивизии – сильные, мощные, страшные… История творится сейчас там. Русские, большие и малые, как один, встали, поднялись и сказали «нет!» Германии, Гитлеру, его прихвостням в Европе…

Спасибо русскому народу, народу-герою. Он принял на себя всю тяжесть войны, не прогнулся, не струсил, выстоял.

Я призываю вас быть достойными наших великих союзников на Востоке, сражающихся отчаянно, бесстрашно.

Если б я только мог, я первым встал бы на колени перед этими людьми… Помогайте этим людям, молитесь за них, за этих людей. Помните, что они погибают и за нас с вами. Это великие люди».

Вот теперь я готов поставить точку.

Беседы вела Галина Кускова

Анатолий Степанов
Книга русского солдата о Сталине

В книге последнего Маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова, которую мне выпала честь представить читателю, важно всё – и её тема, и само имя автора.

Книга посвящена генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину. Нет сегодня другого имени русского исторического деятеля, который бы подвергался столь изощрённым информационным атакам, как Сталин. И вместе с тем нет имени, столь востребованного обществом, столь интересного обществу. Причины, в общем-то, понятны.

На протяжении нескольких десятилетий, еще с позднебрежневского времени, в условиях безволия и слабости власти, а особенно в условиях распада исторической русской государственности, когда кучка олигархов бессовестно разворовала государственную собственность, сформировался очевидный «социальный заказ на Сталина». Общество требовало сильного, пускай порой и жестокого, правителя, который наведёт порядок в стране, восстановит попранную справедливость, приструнит распоясавшихся олигархов, вернёт народу основание гордиться своей страной. Народ мечтал о подлинном Вожде, со скорбью взирая на телесную немощь последних генсеков, на болтливого подкаблучника Горбачева, на пьяные выходки Ельцина.

И.В. Сталин в рабочем кабинете

Эта народная мечта о сильном правителе, который не даст в обиду народ, защитит народные ценности и святыни от поругания, разумеется, пугала тех, кто хитростью и обманом в условиях распада великой страны проник к рычагам власти. Этим людям имя Сталина ненавистно. Многие из них, будучи наследниками «комиссаров в пыльных шлемах», терзавших и мучивших наш народ в годы революции и террора и получивших по заслугам от Сталина, имеют к Вождю особый счёт, являются, так сказать, потомственными антисталинистами.

В средствах массовой информации была развязана невиданная кампания лжи и клеветы в отношении Сталина. Любая попытка замолвить хоть одно доброе слово за Сталина безжалостно пресекалась. Даже его руководство армией и страной в годы войны умудрялись повернуть против Сталина, выдумав дурацкую «теорию вопрекизма», мол, победил народ вопреки Сталину. В таком тоне выходили огромными тиражами статьи и книги, на экранах мелькали художественные и документальные фильмы.

Парадоксальным образом эта пропагандистская кампания достигла обратного результата, – авторитет имени Сталина в широких кругах общества только увеличился. Пропагандистский шум спровоцировал стремление думающих людей разобраться в

сталинской эпохе, в личности Вождя. Люди начали искать другие публикации о Сталине. И тут очень важными оказались свидетельства очевидцев эпохи, современников Сталина.

К таковым относится и автор этой книги Дмитрий Тимофеевич Язов. Он – подлинный свидетель эпохи. Его не обмануть лукавыми цифрами о «миллионах репрессированных», о «тотальном терроре сталинского времени» и «атмосфере всеобщего страха». Он жил в ту эпоху, он видел всё собственными глазами.

Кроме того, автор книги – русский солдат, семнадцатилетним парнем ушедший добровольцем на фронт, не раз глядевший в глаза смерти, всю жизнь служивший Отечеству. Он имеет право говорить о той эпохе, его слово имеет особый вес. И его приходится слушать даже тем, кто порочит имя Сталина.

Мне особенно приятно, что эти интервью Дмитрия Тимофеевича были впервые опубликованы на «Русской народной линии», я горжусь тем, что имел счастье беседовать с Маршалом Язовым.

Дай Бог здоровья, Дмитрию Тимофеевичу. Ну а мы будем читать размышления легендарного Маршала, будем прислушиваться к тому, о чем он говорит, что хочет донести до нас.

Анатолий Степанов,
главный редактор портала «Русская народная линия»